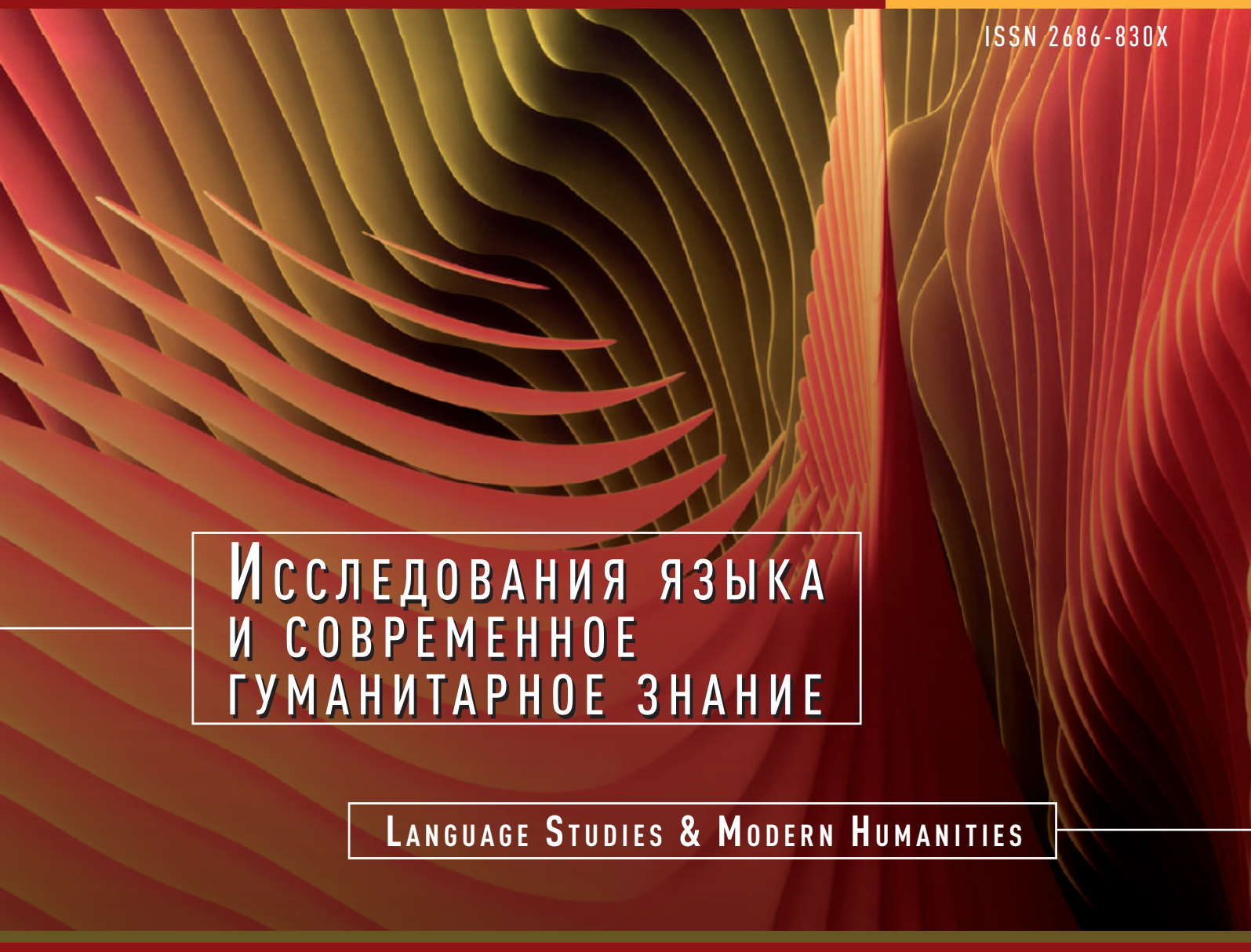
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA



ISSN 2686-830X

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies & Modern Humanities

Т. 5 № 2 2023

Vol. 5 No. 2 2023

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-830X (online)
languagestudies.ru
https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2
2023. Том 5, № 2
2023. Vol. 5, no. 2

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies and Modern Humanities

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74269, выдано Роскомнадзором 09.11.2018
Рецензируемое научное издание
Журнал открытого доступа
Учрежден в 2018 году
Выходит 2 раза в год
16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74269, issued by Roskomnadzor on 9 November 2018
Peer-reviewed journal
Open Access
Published since 2018
2 issues per year
16+

Редакция

Главный редактор
В. А. Андреева (Санкт-Петербург, Россия)
Зам. главного редактора
З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)
Ответственный редактор
И. В. Фролова (Санкт-Петербург, Россия)
Ответственный секретарь
Н. В. Николаева (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)
Н. В. Баграмова (Санкт-Петербург, Россия)
Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)
Д. О. Добровольский (Москва, Россия)
М. Н. Еленевская (Хайфа, Израиль)
М. Журавицки (Эссен, Германия)
О. Н. Иванищева (Мурманск, Россия)
В. Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)
О. А. Невзорова (Казань, Россия)
В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)
Л. Сальмон (Генуя, Италия)
Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)
О. Суте (Париж, Франция)
С. В. Чебанов (Санкт-Петербург, Россия)
Чжэн Тиу (Шанхай, КНР)

Editorial Team

Editor-in-chief
Valeria A. Andreeva (St Petersburg, Russia)
Deputy Editor-in-chief
Zinaida M. Chemodurova (St Petersburg, Russia)
Executive Editor
Irina V. Frolova (St Petersburg, Russia)
Assistant Editor
Nina V. Nikolaeva (St Petersburg, Russia)

Editorial Board

Andrey V. Achkasov (St Petersburg, Russia)
Nina V. Bagramova (St Petersburg, Russia)
Evgenia A. Goncharova (St Petersburg, Russia)
Dmitrij O. Dobrovol'skij (Moscow, Russia)
Maria N. Yelenevskaya (Haifa, Israel)
Michael Szurawitzki (Essen, Germany)
Olga N. Ivanishcheva (Murmansk, Russia)
Viktoria Yu. Kleymenova (St Petersburg, Russia)
Olga A. Nevzorova (Kazan, Russia)
Veronica A. Razumovskaya (Krasnoyarsk, Russia)
Laura Salmon (Genoa, Italy)
Julia V. Sergaeva (St Petersburg, Russia)
Olivier Soutet (Paris, France)
Sergey V. Chebanov (St Petersburg, Russia)
Zheng Tiwu (Shanghai, China)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Publishing house of Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Объем 3,17 Мб
Подписано к использованию 29.12.2023

Published at 29.12.2023

При использовании любых фрагментов ссылка на журнал «Исследования языка и современное гуманитарное знание» и на авторов материала обязательна.

The contents of this journal may not be used in any way without a reference to the journal "Language Studies and Modern Humanities" and the author(s) of the material in question.

Корректор *С. С. Алмаметова*
Оформление обложки *О. В. Рудневой*
Верстка *Д. В. Романовой*

Санкт-Петербург, 2023
© Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья главного редактора 53

Текст-Музыка-Перевод 54

Бояркина А. В. «ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД»: перспективы развития. Обзор результатов конференции 54

Белоглазова Е. В., Николаева С. А. Возвращаясь к «Лаокоону»: о взаимодействии архитектуры и литературы 65

Гришаева Е. Б. Восприятие феномена этнической идентификации в контексте исторических событий (на примере кинематографической судьбы звезды немого кино Асты Нильсен). . . 74

Литвих Е. В. Приемы работы с поэтическим текстом в опере М. Фелдмана «Neither» на либретто С. Беккета в контексте антиоперной эстетики 84

Супринович О. Е. Музыкальные термины в современных лингвистических исследованиях. . . . 97

Лингвистика и междисциплинарные исследования языка 106

Чан М. Т. Явление омонимии новых заимствований в современном русском языке 106

Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам 113

Хэкетт-Джонс А. В., Соколова З. Н., Иваненко Е. А. Особенности формирования дидактического полилингвизма в китайской и русской учебной аудитории: сопоставительный аспект 113

CONTENTS

Introductory article by the Editor-in-chief 53

Text-Music-Translation 54

Boyarkina A. V. "TEXT/ MUSIC/ TRANSLATION": Development prospects. Review of the conference results 54

Beloglazova E. V., Nikolaeva S. A. Laocoon revisited: Interplay of architecture and literature 65

Grishaeva E. B. Perception of ethnic identity phenomenon in the context of historical events (Case study of the cinematographic destiny of Asta Nielsen, the silent movie star) 74

Litvikh E. V. Techniques for working with poetic text in M. Feldman's opera "Neither" to the libretto by S. Beckett in the context of anti-opera aesthetics 84

Suprinovich O. E. Music terms in contemporary linguistic research 97

Linguistics and interdisciplinary research in language 106

Tran M. Ch. The phenomenon of homonymy of new borrowings in the modern Russian language . . 106

Linguodidactics and Language Teaching Methodology 113

Hackett-Jones A. V., Sokolova Z. N., Ivanenko E. A. Building a multilingual classroom for Chinese and Russian students: Comparative issues 113

Вступительная статья главного редактора

Уважаемые читатели!

Очередной выпуск журнала «Исследования языка и современное гуманитарное знание» является во многом результатом сотрудничества журнала с международной конференцией «ТЕКСТ/МУЗЫКА/ПЕРЕВОД», которой посвящена его специальная рубрика. В первом выпуске журнала за 2023 год было уже размещено два материала этой конференции, которые «вписались» в традиционные журнальные рубрики: статьи В. А. Разумовской «Текст художественной литературы на «языках» кино и музыки: возможности и пределы перевода» (раздел «Перевод и переводоведение») и Е. В. Белоглазовой «Миф и факт в руссо-центрическом дискурсе: фикциональный / реальный Шостакович» (раздел «Лингвистика и междисциплинарные исследования языка»).

Специальная рубрика в настоящем выпуске журнала в полной мере отражает уникальность самой конференции. Ее открывает обзорная статья неизменного вдохновителя конференции, филолога, музыковеда и переводчика Альбины Витальевны Бояркиной, которой в течение многих лет удается собрать под знамена конференции представителей разных гуманитарных наук: лингвистов, музыковедов, переводчиков, литературоведов, культурологов и музыковедов. Во время проведения конференции ее участники не расходятся на «свои» секционные заседания, а включаются в общую дискуссию, разворачивающуюся после каждого доклада, демонстрируя безусловную полезность выхода за узкие границы своей научной дисциплины, а вместе с этим и соответствие присущей современной антропоцентрической парадигме установке на экспансионизм, который позволяет всесторонне исследовать роль человеческого фактора в языке и искусстве как основных элементах культуры.

В разделе, посвященном конференции, присутствует материал, посвященный искусству музыки (Литвих Е. В. «Приемы работы с поэтическим текстом в опере М. Фелдмана «Neither» на либретто С. Беккета в контексте антиоперной эстетики»), кино (Гришаева Е. Б. «Восприятие феномена этнической идентификации в контексте исторических событий (на примере кинематографической судьбы звезды немого кино Асты Нильсен)»), архитектуре и литературе (Белоглазова Е. В., Николаева С. А. «Возвращаясь к «Лаокоону»: о взаимодействии архитектуры и литературы»), лингвистике (Супринович О. Е. «Музыкальные термины в современных лингвистических исследованиях»). Общим знаменателем для участников конференции является понятие ТЕКСТ (не случайно он открывает триаду в названии конференции), понимаемый как высказывание, преобразующее слово, звук, визуальный компонент в особый язык — язык искусства. Как писал Ю. М. Лотман, «сам этот язык искусства — сложная иерархия языков, взаимно соотнесенных, но неодинаковых» [Лотман, Ю. М. (1998) Об искусстве, с. 35]. Эта особенность языка искусства объясняет множественность возможных прочтений художественных текстов, созданных с помощью разных семиотических кодов культуры.

Другой особенностью настоящего выпуска является расширение не только его тематических, но и географических границ. В рубрику «Лингвистика и междисциплинарные исследования языка» вошла статья вьетнамского лингвиста Чан Май Тьи «Явление омонимии новых заимствований в современном русском языке», посвященная анализу активного и яркого процесса, происходящего в лексике русского языка, с привлечением нового материала.

Завершает выпуск рубрика «Лингводидактика и теория обучения иностранным языкам». В статье «Особенности формирования дидактического полилингвизма в китайской и русской учебной аудитории: сопоставительный аспект», написанной коллективом соавторов — А. В. Хэккет-Джонс, З. Н. Соколовой, Е. А. Иваненко, проводится актуальное и многоплановое сравнение процессов формирования дидактического полилингвизма в китайской и русской учебной аудитории, делаются выводы, представляющие интерес для преподавателей русского и иностранных языков, работающих с разными контингентами студентов.

В завершение хочу поблагодарить как главный редактор авторов и рецензентов, сотрудников отдела научных журналов и издательства РГПУ им. А. И. Герцена, сделавших выход настоящего выпуска возможным, и выразить уверенность, что он будет интересен читателям журнала.

С уважением,
Валерия Анатольевна Андреева,
главный редактор

Check for updates

Текст-Музыка-Перевод

УДК 811 (781.2 + 78.07)

EDN FPNJFW
https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-54-64

«ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД»: перспективы развития. Обзор результатов конференции

А. В. Бояркина [✉1]

[1] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе
Альбина Витальевна Бояркина,
SPIN-код: 2378-9873,
Scopus AuthorID: 57216502015,
ResearcherID: C-6413-2016,
ORCID: 0000-0003-3619-5885,
e-mail: al.bojarkina@mail.ru

Для цитирования: Бояркина, А. В. (2023) «ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД»: перспективы развития. Обзор результатов конференции. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 2, с. 54–64. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-54-64
EDN FPNJFW

Получена 13 декабря 2023; принята 20 декабря 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. В. Бояркина (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье предлагается обзор результатов ежегодной Международной научной конференции «ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД», которая была проведена 27–28 апреля 2023 г. в Институте иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена. Конференция, существующая с 2010 г., объединяет на одной дискуссионной площадке лингвистов, литературоведов, музыковедов и переводчиков и позволяет обсудить проблемы, связанные с традиционной для музыковедения темой «музыка и слово». В рамках данной конференции музыкальная терминология, «музыка в литературе» («музыкальная» организация художественного текста, музыкальные образы в литературе) и «слово в музыке» (тексты, сопровождающие музыкальное произведение) обсуждаются в контексте перевода. Краткое обозрение знакомит с исследованиями, которые условно можно объединить в три направления: музыкальный дискурс, особенности музыкальной терминосистемы, междисциплинарные исследования, связанные с текстом и музыкой. Выступления коллег демонстрировали различные подходы к исследованию предложенных тем и затрагивали вопросы «сверхтекста» (К. В. Зенкин), иноязычного описания культуры (Е. В. Белоглазова), музыки и поэзии (Ю. В. Каминская), а также интерпретации (З. М. Гусейнова, Е. В. Степанова, Н. Ж. Айдаров) и перевода текстов к музыке (А. В. Наумов, В. Г. Сибирцева). Отдельно обсуждались вопросы, посвященные старинным текстам (Р. А. Насонов, Т. Н. Иванова, Д. А. Шкурлятьева, А. А. Хлюпина, А. В. Бояркина), текстам художественной литературы (В. А. Разумовская, Т. В. Раншакова) и кино (Е. Б. Гришаева), а также проблемы гендерной идентификации музыкально-поэтического текста (К. А. Жабинский). В онлайн-сессии конференции речь шла о музыкальной терминологии (О. Е. Супринович) и взаимодействии текста и музыки в современных произведениях (Е. В. Литвих, В. В. Азарова). В завершении конференции в докладе В. П. Чинаева была представлена к дискуссии тема, связанная с интерпретацией новой парадигмы исполнительского искусства.

Ключевые слова: тексты к музыке, музыкальная терминология, перевод музыкальных трактатов, либретто, междисциплинарные исследования

“TEXT/ MUSIC/ TRANSLATION”: Development prospects. Review of the conference results

A. V. Boyarkina ✉[1]

[1] Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author
Albina V. Boyarkina,
SPIN: 2378-9873, Scopus AuthorID: 57216502015, ResearcherID: C-6413-2016, ORCID: 0000-0003-3619-5885, e-mail: al.bojarkina@mail.ru

For citation: Boyarkina, A. V. (2023) “TEXT/ MUSIC/ TRANSLATION”: Development prospects. Review of the conference results. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 2, pp. 54–64. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-54-64 EDN FPNJFW

Received 13 December 2023; accepted 20 December 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. V. Boyarkina (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The article provides an overview of the results of the annual International Scientific Conference “TEXT/ MUSIC/ TRANSLATION”, which was held on April 27–28, 2023 at the Institute of Foreign Languages of the Herzen State Pedagogical University. The conference, which has been in existence since 2010, unites linguists, literary critics, musicologists and translators on one discussion platform and allows discussing problems related to the traditional theme of musicology «music and the word». Studies that relate to musical terminology, «music in literature» (the «musical» organization of a literary text, musical images in literature) and the «word in music» (texts accompanying a piece of music) are discussed within the framework of this conference in the context of translation. The presentations of colleagues demonstrated various approaches to the study of the proposed topics and touched upon the issues of “supertext” (K. V. Zenkin), foreign language description of culture (E. V. Beloglazova), music and poetry (Y. V. Kaminskaya), as well as interpretation (Z. M. Huseynova, E. V. Stepanova, N. J. Aidarov) and translation of texts to music (A. V. Naumov, V. G. Sibirtseva). Issues related to ancient texts (R. A. Nasonov, T. N. Ivanova, D. A. Shkurlyatyeva, A. A. Khlyupina, A. V. Boyarkina), texts of fiction (V. A. Razumovskaya, T. V. Ranshakova) and cinema (E. B. Grishaeva), as well as problems of gender identification of musical and poetic text were discussed separately (K. A. Zhabinsky). The online session of the conference discussed musical terminology (O. E. Suprinovich) and the interaction of text and music in modern works (E. V. Litvikh, V. V. Azarova). At the end of the conference, V. P. Chinaev’s report presented a topic related to the interpretation of a new paradigm of performing arts for discussion.

***Keywords*:** texts to music, musical terminology, translation of musical treatises, libretti; interdisciplinary research

Введение

27–28 апреля 2023 г. в Институте иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена состоялась Международная научная конференция «ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД», организованная кафедрой немецкой филологии, на которой были представлены результаты междисциплинарных исследований в области филологии, музыковедения и перевода и главной целью которой стала фокусировка внимания научного сообщества на процессах тесного взаимодействия текста с различными видами искусств. В конференции приняли участие лингвисты, литературоведы, музыковеды и переводчики целого ряда вузов и организаций — Московской государственной консерватории, Санкт-Петербургской государственной консерватории, Ростовской государственной консерватории, Сибирского федерального университета, Белорусского государственного университета, Ереванского государственного университета, ГИИ, СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена и др.

Участников приветствовал директор Института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена А. В. Ачкасов со словами о том, что подобные конференции выводят исследователей в новые плоскости размышления: «Данная конференция возвращает нас к широкой теме коммуникации, направляет нас в семиотическую, философскую плоскость, напоминает нам, что перевод и лингвистика — это не только о языке и языкознании, это еще и о культуре, о жизни». Первый пленарный доклад под названием «История сверхтекста о дисгармонии и катастрофе: от “Бури и натиска” к поставангарду XX века» представил проректор по научной работе Московской государственной консерватории К. В. Зенкин и задал, таким образом, общий вектор дискуссий первого дня. В рамках пленарного заседания профессор Института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена Е. В. Белоглазова продолжила обсуждение

представлением русской музыкальной культуры в английском «петербургском» тексте, а доцент СПбГУ Ю. В. Каминская объединила в докладе ключевые темы конференции — поэзию, музыку и перевод.

Работа конференции продолжалась два дня в рамках трех секций: «Музыкальная терминосистема и проблемы перевода», «Особенности музыкального дискурса», «Междисциплинарные исследования».

Из истории

Компаративные исследования, затрагивающие специфику взаимодействия слова и музыки, на протяжении многих веков вызывали большой интерес не только у филологов, но и в первую очередь у музыкантов. Многие монографические работы о музыкальной декламации, речевой интонации в музыке, музыкальной семиотике (Асафьев 1971; Васина-Гроссман 1972; Оголевец 1960; Ручьевская 1960; Степанова 2002; Brown 1948; Musik und Sprache… 1986) до сих пор не утратили своей значимости. Важными темами для музыковедческих работ остаются проблемы идентичности организации музыки и текста, тождества некоторых элементов временных структур, драматургии, нарратива в музыке и литературе, а также музыкальный контекст в литературе, поэтические формы в музыке, риторика, сюжетное и бессюжетное в музыке. В центр внимания культурологов и семиотиков попадают темы, связанные с противопоставлением текста и внетекстовых структур (Лотман 1970; 1996), исследовательский интерес литературоведов сосредоточивается на специфике источников, положенных в основу музыкально-сценических произведений и вокальных произведений малой формы, эвфонии и звукописи поэтических текстов (Мукаржовский 1994; Тынянов 2002). Вслед за известным немецким исследователем С. Шером (Scher 1984, 11) все разнообразие аспектов изучения взаимодействия музыки и слова можно распределить на три основные группы: 1) симбиоз музыки и литературы; 2) литература и музыка; 3) музыка в литературе.

Традиционно импульсом для исследования данной многоаспектной темы являются конференции и работа различных институций. Так, под руководством известного филолога и культуролога А. В. Михайлова в 1994 г. и затем на протяжении нескольких лет в Московской государственной консерватории проводилась конференция «Слово и музыка», которая способствовала объединению интересов музыковедов и филологов и которая значительно расширила тематику исследований (Чигарева и др. 2002; 2008). Некоторые темы данной конференции продолжают обсуждаться на ежегодной конференции Московской государственной консерватории «Музыка — Философия — Культура», а также на отдельных конференциях, например, конференции «Литература и музыка: образы и структура», проведенной в 2019 г. в РИИИ, и Конгрессе Общества теории музыки «Термины, понятия и категории в музыковедении» (2019). Тема взаимодействия текста и различных видов искусств становится предметом изучения на гуманитарных факультетах различных университетов (Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, Высшая школа экономики) и центрах (Междисциплинарный научно-образовательный центр музыкальной лексикографии и диахронического перевода СПбГУ (2008–2018), Центр Вознесенского).

Переводческий аспект

С 2010 г. в Санкт-Петербургском государственном университете на факультете искусств Междисциплинарным научно-образовательным центром музыкальной лексикографии и диахронического перевода ежегодно проводилась конференция «Музыка. Текст. Перевод», влившаяся позже в Международную филологическую конференцию СПбГУ (филологический факультет) отдельной секцией. В ее тематику был включен важный компонент — перевод, который не учитывался ранее и который придал исследованиям новый импульс: термин *перевод* трактовался максимально широко и существенно повлиял на определение новых тем для исследования, включающих не только музыковедческий и литературоведческий, но и переводческий дискурс. С 2022 г. конференция приобрела статус самостоятельной и проводится на базе РГПУ им. А. И. Герцена (Институт иностранных языков), при этом материалы конференции с небольшими перерывами публиковались на протяжении всего времени существования конференции (Бояркина 2010a; 2012b; 2013b; 2014a; 2023b; о конференциях: Бояркина 2015; 2023a).

Изначально темы выступлений конференции касались музыкальной терминологии и особенностей ее трактовки и перевода (Бояркина 2013a; 2014b; Дербан 2013; Кошелев 2023; Мальцев 2013; Милка 2013; 2014; 2023; Панов 2012; Янкус 2014; Panov, Rosanoff 2010), перевода и изучения старинных музыкальных трактатов и эпистолярного наследия музыкантов (Айдаров 2012; Бояркина 2010b; Веткина, Лихина 2013; Гусейнова 2019; Наумов 2017; Южак 2014), интерпретации

https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-54-64

сюжетов в музыкальных произведениях (Азарова 2010; 2012; Гусейнова 2020; 2023; Наумов 2023a), музыкальных элементов в структуре литературных текстов, интертекстуальности музыкального текста (Бирр-Цуркан 2014; Зенкин 2021; Чинаев 2014a; 2014b). Затем в конференцию был включен довольно широкий круг междисциплинарных направлений, позволивший обсуждать темы, связанные с интермедиальностью, интердискурсивностью «музыкального текста» — не только «перевод текста и музыка» (Наумов 2023b; Сибирцева 2021; 2022), но и музыка в театре, кино, мультимедиа (Контрерас Кооб 2013; Контрерас Кооб, Бояркина 2022; Лаврова 2016; 2018; Литвих 2023; Цареградская 2021; Чинаев 2023), перевод в театре и кино (Карски 2013), гетероглоссия города и сонорные среды в литературе и визуальном искусстве (Симян 2019). Важно отметить, что неизбежное расширение тематики конференции за пределы традиционных «слова и музыки» и привлечение специалистов различных научных направлений и сфер деятельности позволяет постепенно приблизиться к описанию проблем интермедиальной природы «музыкальных» текстов во всем ее разнообразии.

Конференция «ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД»

Первый день работы конференции «ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД» 2023 г. участники начали с обсуждения интерпретации текста: партитур Н. А. Римского-Корсакова, его помет и ремарок (З. М. Гусейнова); уникальной коллекции визитных карточек Э. Ф. Направника, состав которых вызывает большой интерес, как и контекст их получения и художественное оформление (Н. Ж. Айдаров); редких материалов С. К. Маковского, русского поэта и критика (Е. В. Степанова). Затем темой дискуссий стал вопрос об особенностях перевода при подготовке либретто, в частности, при работе с либретто советского актера и режиссера Б. Фердинандова (А. В. Наумов), русские переводы песен Ф. Шуберта на стихи Ф. Г. Клопштока (В. Г. Сибирцева) и музыкальность переводов Н. Заболоцкого (Т. В. Раншакова). Отдельным событием заседания стало представление Телеграм-канала о современной немецкой литературе «Гутен Таг» (ведущая В. З. Булия), работа которого неизменно вызывает огромное уважение за качество и манеру подачи материала. В завершение первого дня работы конференции участники заседания посетили Писательский дом (Государственный литературный музей XX век).

Второй день конференции был посвящен старинным текстам и междисциплинарным темам: переведенным и непереведенным документам о жизни И. С. Баха и переводу документальной литературы для научных целей (Р. А. Насонов); проблемам эквиритмического перевода: транскреации в переводах христианских песнопений (Т. Н. Иванова) и переводам «Немецкой мессы» М. Лютера (Д. А. Шкурлятьева); либретто опер французского музыкального театра XVIII века и традиции подготовки текста к спектаклю (А. А. Хлюпина); первым переводам текстов, связанных с музыкой, осуществленных в Академии наук (А. В. Бояркина), а также текстам художественной литературы в музыкальных произведениях (В. А. Разумовская) и кино (Е. Б. Гришаева); проблеме гендерной идентификации в музыкально-поэтическом тексте (К. А. Жабинский). Онлайн часть конференции открыли доклады, связанные с музыкальной терминологией и ее отражением в научной литературе (О. Е. Супринович), особенностью текстов партии хора в произведении О. Мессиана и ее влияния на музыкальный материал (В. В. Азарова), взаимодействии текста и музыки в современной опере и композиторских решениях в этой области (Е. В. Литвих). В завершении конференции обсуждалась новая парадигма исполнительского искусства в докладе В. П. Чинаева, который изящно подвел итог основным дискуссиям.

Заключение

По результатам конференции можно констатировать, что тематика выступлений позволяет говорить не только об основных исследовательских направлениях, которые на протяжении многих лет неизменно вызывают интерес, но и относительно новых, которые только намечают контуры исследований. Традиционно на конференции представлены темы, связанные с музыкальной терминологией, интерпретацией текста в музыкальных произведениях, создании (переводе, адаптации) текста к музыкально-сценическим произведениям, темы, затрагивающие описание музыки в литературе и взаимодействие с текстом в современной музыке. Особый интерес у исследователей вызывают гендерные вопросы в музыкальном искусстве, «музыкальный» текст в городе и новая парадигма исполнительского искусства и перевода в цифровую эпоху.

Материалы ежегодной конференции «ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД» планируется издать отдельным номером в журнале Института иностранных языков «Исследования языка и современное гуманитарное знание».

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

Азарова, В. В. (2010) «Легенда о Святом Христофоре» в музыкальном театре Венсана Д'Энди. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XXXIX Международной филологической конференции (15–20 марта 2010 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 3–19.

Азарова, В. В. (2012) Идеи и символы христианства во французском музыкальном театре XIX–XX веков. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XL Международной филологической конференции (14–19 марта 2011 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 3–10.

Айдаров, Н. Ж. (2012) Черновики писем Э. Ф. Направника (к проблеме изучения эпистолярного наследия). *Музыковедение*, № 2, с. 36–42.

Асафьев, Б. В. (1971) *Музыкальная форма как процесс*. 2-е изд. Л.: Музыка, 376 с.

Бирр-Цуркан, Л. Ф. (2014) Языковые особенности Berliner Lieder на примере песен кабаре в исполнении Клер Вальдофф. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка. Текст. Перевод: Материалы Международной научной конференции (11 октября 2014 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 3–15.

Бояркина, А. В. (ред.). (2010a) *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XXXIX Международной филологической конференции (15–20 марта 2010 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 67 с.

Бояркина, А. В. (2010b) Русские переводы писем В. А. Моцарта. В кн.: *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XXXIX Международной филологической конференции (15–20 марта 2010 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 33–41.

Бояркина, А. В. (2012a) Графостилистический облик писем В. А. Моцарта как проблема перевода. В кн.: *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XL Международной филологической конференции (14–19 марта 2011 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 11–14.

Бояркина, А. В. (ред.). (2012b) *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XL Международной филологической конференции (14–19 марта 2011 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 32 с.

Бояркина, А. В. (2013a) Внутритекстовый комментарий в переводах писем В. А. Моцарта: Необходимость или традиция? В кн.: *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XLI и XLII Международных филологических конференций (26 марта 2012 г. — 12 марта 2013 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 6–10.

Бояркина, А. В. (ред.). (2013b) *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XLI и XLII Международных филологических конференций (26 марта 2012 г. — 12 марта 2013 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 152 с.

Бояркина, А. В. (2013c) Basso Continuo, цифрованный бас или все-таки генерал-бас? К вопросу о переводе музыкальных терминов. В кн.: *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XLI и XLII Международных филологических конференций (26 марта 2012 г. — 12 марта 2013 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 11–18.

Бояркина, А. В. (ред.). (2014a) *Музыка. Текст. Перевод: Материалы международной научной конференции (11 октября 2014 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 108 с.

Бояркина, А. В. (2014b) Klangschlüssel Гуго Римана: О переводе авторского термина. В кн.: *Музыка, текст, перевод: Материалы Международной научной конференции (11 октября 2014 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 16–25.

Бояркина, А. В. (2015) Международная научная конференция «Музыка, текст, перевод». *Musicus: Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова*, № 4 (44), с. 48–50.

Бояркина, А. В. (2023a) От редактора. В кн.: *ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД: материалы Международной научной конференции (16–17 мая 2022 г.)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 3–6.

Бояркина, А. В. (ред.). (2023b) *ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД: материалы Международной научной конференции (16–17 мая 2022 г.)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 167 с.

Васина-Гроссман, В. А. (1972) *Музыка и поэтическое слово: в 3-х ч. Ч. 1. Ритмика*. М.: Музыка, 148 с.

Веткина, А. Д., Лихина, Е. А. (2013) Особенности перевода на русский язык в XVIII в. трактатов о генерал-басе. На примере «Правил гармонических и мелодических» В. Манфредини (1805). В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XLI и XLII Международных филологических конференций (26 марта 2012 г. — 12 марта 2013 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 140–144.

Гусейнова, З. М. (2019) «Кащей Бессмертный» Н. А. Римского-Корсакова: от текста сказки — к оперному тексту. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*, т. 9, № 4, с. 608–619. https://doi.org/10.21638/spbu15.2019.401

Гусейнова, З. М. (2020) Русская «Шехеразада» Н. А. Римского-Корсакова: продолжение сказочной традиции. *Временник Зубовского института*, № 3 (30), с. 45–56.

Гусейнова, З. М. (2023) «Пан Воевода» Н. А. Римского-Корсакова. К творческой истории оперы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*, т. 13, № 1, с. 4–19. https://doi.org/10.21638/spbu15.2023.101

Дербан, В. А. (2013) К вопросу о трактовке термина Allegro в европейских музыкальных словарях XVIII в. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XLI и XLII Международных филологических конференций (26 марта 2012 г. — 12 марта 2013 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 144–148.

Зенкин, К. В. (2021) Музыкальное произведение: проблемы текста и смыслового инварианта. *Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой*, № 3 (74), с. 122–131.

Карски, М. Н. (2013) Адаптация или перевод? Английские версии «Мизантропа» Мольера. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XLI и XLII Международных филологических конференций (26 марта 2012 г. — 12 марта 2013 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 28–36.

Контрерас-Кооб, А. М. (2013) Ранние электронные инструменты: музыкальный контекст. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XLI и XLII Международных филологических конференций (26 марта 2012 г. — 12 марта 2013 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 36–45.

Контрерас Кооб, А., Бояркина, А. В. (2022) Городской звуковой ландшафт в фантастическом кино. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, № 1 (2), с. 86–100. https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-86-100

Кошелев, В. В. (2023) M. Praetorius' Syntagma. II. Teil. Von den Instrumenten. Wolfenbüttel, 1618: опыт перевода на русский язык. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД: материалы Международной научной конференции (16–17 мая 2022 г.)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 105–165.

Лаврова, С. В. (2016) Феномен трансмедийности в творчестве Фаусто Ромителли. *Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой*, № 5 (46), с. 101–106.

Лаврова, С. В. (2018) Музыка речи и музыкальная речь в творчестве Петера Аблингера. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*, т. 8, № 2, с. 157–178. https://doi.org/10.21638/11701/spbu15.2018.201

Литвих, Е. В. (2023) «Новая морфология музыкального времени» К. Штокхаузена (по материалам статьи «Wie die Zeit vergeht»). В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД: Материалы Международной научной конференции (16–17 мая 2022 г.)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 82–96.

Лотман, Ю. М. (1970) *Структура художественного текста*. М.: Искусство, 384 с.

Лотман, Ю. М. (1996) *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. М.: Языки русской культуры, 464 с.

Мальцев, С. М. (2013) Латинская и немецкая просодия как прототип внутритактовой агогики в немецком учении о такте XVII–XVIII вв. Характеристика аутентичных источников и прагматика текстов. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XLI и XLII Международных филологических конференций (26 марта 2012 г. — 12 марта 2013 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 46–101.

Милка, А. П. (2013) К трактовке термина tabulatura в отечественных и зарубежных источниках. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XLI и XLII Международных филологических конференций (26 марта 2012 г. — 12 марта 2013 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 102–109.

Милка, А. П. (2014) О переводе modos musicos в библейском тексте (Сирах 44:5). В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка. Текст. Перевод: Материалы Международной научной конференции (11 октября 2014 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 60–65.

Милка, А. П. (2023) «Закадровый» контекст и проблема перевода: к интерпретации некоторых эпизодов из биографии И. С. Баха. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД: Материалы Международной научной конференции (16–17 мая 2022 г.)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 6–13.

Мукаржовский, Я. (1994) *Исследования по эстетике и теории искусства*. М.: Искусство, 605 с.

Насонов, Р. А. (2019) За неимением лучшего (о жанровой терминологии церковных кантат И. С. Баха). В кн.: Е. В. Порфирьева, В. В. Сепешвари (ред.). *Термины, понятия и категории в музыковедении: Материалы Четвертого международного конгресса Общества теории музыки. Тезисы докладов (2–5 октября 2019 г.)*. Казань: Казанская государственная консерватория им. Н. Г. Жиганова, с. 91–92.

Наумов, А. В. (2017) Е. Ф. Карри (1868–1932) — респондент и адресат: Из переписки начала XX века. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*, т. 7, № 4, с. 395–402.

Наумов, А. В. (2023a) Другая «Кармен». О либретто К. А. Липскерова (1924). В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД: Материалы Международной научной конференции (16–17 мая 2022 г.)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 60–70.

Наумов, А. В. (2023b) Иноязычные версии «Хованщины» М. П. Мусоргского и вокально-исполнительская стилистика XX века. К постановке проблемы. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД: Материалы Международной научной конференции (16–17 мая 2022 г.)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 50–59.

Оголевец, А. С. (1960) *Слово и музыка в вокально-драматических жанрах*. М.: Музгиз, 522 с.

Панов, А. А. (2012) Adagio, Largo, Andantino. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка, текст, перевод: Материалы секции XL Международной филологической конференции (14–19 марта 2011 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 17–23.

Разумовская, В. А. (2023) «Сильный» русский текст в пространстве восточных культур. В кн.: Е. Ф. Серебренникова (ред.). *VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы Международной научно-практической конференции (6–8 декабря 2022 г.)*. Иркутск: Изд-во ИГУ, с. 412–417.

Ручьевская, Е. А. (1960) *Слово и музыка*. Л.: Музгиз, 56 с.
Сибирцева, В. Г. (2021) Поэзия Клопштока и ее переводы на русский язык: палитра проявления музыкальности. *Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой*, № 2 (73), с. 173–182.
Сибирцева, В. Г. (2022) Музыкальность поэзии Клопштока. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, т. 19, № 4, с. 692–709. https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.403
Симян, Т. С. (2019) Музыкальное и карнавальное пространство Старого Тифлиса (на примере творчества Вано Ходжабекяна, Вагаршака Элибекяна, Агаси Айвазяна). *ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики*, № 2 (20), с. 63–80. https://doi.org/10.23951/2312-7899-2019-2-63-80
Степанова, И. В. (2002) *Слово и музыка: Диалектика семантических связей*. М.: Книга и бизнес, 286 с.
Тынянов, Ю. Н. (2002) *Литературная эволюция: Избранные труды*. М.: Аграф, 496 с.
Цареградская, Т. В. (2021) Живописно-музыкальный экфрасис: к вопросу о роли артистического жеста. В кн.: Т. Е. Петрова, П. М. Эйсмонт (ред.). *Язык — Музыка — Жест: информационные перекрестки (LMGIC–2021). Сборник международной научной конференции (19–21 апреля 2021 г.)*. СПб.: Скифия-принт, с. 63–64.
Чигарева, Е. И., Царева, Е. М., Петров, Д. Р. (ред.). (2002) *Слово и музыка. Материалы научных конференций памяти А. В. Михайлова. Вып. 36*. М.: Изд-во МГК им. П. И. Чайковского, 358 с.
Чигарева, Е. И., Царева, Е. М., Петров, Д. Р. (ред.). (2008) *Слово и музыка: Материалы научных конференций памяти А. В. Михайлова. Вып. 2*. М.: Изд-во МГК им. П. И. Чайковского, 256 с.
Чинаев, В. П. (2014a) В сторону «новой целостности»: интертекстуальность — поставангард — постмодернизм в музыкальном искусстве второй половины XX — начала XXI века. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Искусствоведение*, т. 4, № 1, с. 30–54.
Чинаев, В. П. (2014b) Empfindsamkeit: Еще раз к пониманию термина в контексте современных интерпретаций клавирной музыки К. Ф. Э. Баха. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка. Текст. Перевод: Материалы Международной научной конференции (11 октября 2014 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 65–77.
Чинаев, В. П. (2023) Отрешенность красоты — «der Fehl Gottes»: Арво Пярт, Гас Ван Сент и «новая сакральность». В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *ТЕКСТ/ МУЗЫКА/ ПЕРЕВОД: Материалы Международной научной конференции (16–17 мая 2022 г.)*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 97–104.
Южак, К. И. (2014) Раб или соперник? К переводу старинных текстов о музыке. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка. Текст. Перевод: Материалы Международной научной конференции (11 октября 2014 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 78–87.
Янкус, А. И. (2014) Фугато и фугетта: к определению понятий. В кн.: А. В. Бояркина (ред.). *Музыка. Текст. Перевод: Материалы Международной научной конференции (11 октября 2014 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 87–101.
Brown, C. S. (1948) *Music and literature: A comparison of the arts*. Athens: The University of Georgia Press, 287 p.
Nebelung, I. (ed.). *Musik und Sprache. Ein Auswahlverzeichnis*. (1986) Hannover: Stadtbibliothek Hannover Publ., 90 + 36 S.
Panov, A. A., Rosanoff, I. V. (2010) Notes Inégales: "Revised" or confused? In: A. V. Boyarkina (ed.). *Music, text, translation: Proceedings of the XXXIX section of the International Philological Conference (March 15–20, 2010)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 56–67.
Scher, S. P. (1984) Einleitung: Literatur und Musik: Entwicklung und Stand der Forschung. In: *Literatur und Musik: Ein Handbuch zur Theorie und Praxis eines komparatistischen Grenzgebietes*. Berlin: E. Schmidt Verlag, S. 9–26.

References

Aidarov, N. Zh. (2012) Chernoviki pisem E. F. Napravnika (k probleme izucheniya epistolyarnogo naslediya) [Eduard Napravnik's draft letters (toward the problem of epistolary heritage studyng)]. *Muzykovedenie — Musicology*, no. 2, pp. 36–42. (In Russian)
Asaf'ev, B. V. (1971) *Muzykal'naya forma kak protsess [Musical form as a process]*. 2nd ed. Leningrad: Muzyka Publ., 376 p. (In Russian)
Azarova, V. V. (2010) "Legenda o Svyatom Khristofore" v muzykal'nom teatre Vensana D'Endi ["The Legend of St. Christopher" at the musical theater of Vincent D'Indy]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XXXIX Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferentsii (15–20 marta 2010 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XXXIX section of the International Philological Conference (March 15–20, 2010)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 3–19. (In Russian)
Azarova, V. V. (2012) Idei i simvoly khristianstva vo frantsuzskom muzykal'nom teatre XIX–XX vekov [The ideas and symbols of Christianity in the French musical theater of the XIX–XX centuries]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XL Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferentsii (14–19 marta 2011 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XL section of the International Philological Conference (March 14–19, 2011)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 3–10. (In Russian)
Birr-Tsurkan, L. F. (2014) Yazykovye osobennosti Berliner Lieder na primere pesen kabare v ispolnenii Kler Val'doff [Language features of Berliner Lieder on the example of cabaret songs performed by Claire Waldoff]. In:

A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka. Tekst. Perevod: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (11 oktyabrya, 2014 g.) [Music. Text. Translation: Proceedings of the International Scientific Conference (October 11, 2014)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 3–15. (In Russian)

Boyarkina, A. V. (ed.). (2010a) *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XXXIX Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferentsii (15–20 marta 2010 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XXXIX section of the International Philological Conference (March 15–20, 2010)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 67 p. (In Russian)

Boyarkina, A. V. (2010b) Russkie perevody pisem V. A. Motsarta [Russian translations of letters by W. A. Mozart]. In: *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XXXIX Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferentsii (15–20 marta 2010 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XXXIX section of the International Philological Conference (March 15–20, 2010)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 33–41. (In Russian)

Boyarkina, A. V. (2012a) Grafostilisticheskij oblik pisem V. A. Motsarta kak problema perevoda [Graphostylistic appearance of W. A. Mozart's letters as a problem of translation]. In: *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XL Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferentsii (14–19 marta 2011 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XL section of the International Philological Conference (March 14–19, 2011)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 11–14. (In Russian)

Boyarkina, A. V. (ed.). (2012b) *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XL Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferentsii (14–19 marta 2011 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XL section of the International Philological Conference (March 14–19, 2011)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 32 p. (In Russian)

Boyarkina, A. V. (2013a) Vnutritekstovyj kommentarij v perevodakh pisem V. A. Motsarta: Neobkhodimost' ili traditsiya? [In-text commentary in translations of letters by W. A. Mozart: Necessity or tradition?]. In: *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XLI i XLII Mezhdunarodnykh filologicheskikh konferentsij (26 marta 2012 g. — 12 marta 2013 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XLI and XLII International Philological Conferences (March 26, 2012 — March 12, 2013)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 6–10. (In Russian)

Boyarkina, A. V. (ed.). (2013b) *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XLI i XLII Mezhdunarodnykh filologicheskikh konferentsij (26 marta 2012 g. — 12 marta 2013 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XLI and XLII International Philological Conferences (March 26, 2012 — March 12, 2013)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 152 p. (In Russian)

Boyarkina, A. V. (2013c) Basso Continuo, tsifrovannyj bas ili vse-taki general-bas? K voprosu o perevode muzykal'nykh terminov [Basso Continuo, digital bass or is it still a general bass? On the question of the translation of musical terms]. In: *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XLI i XLII Mezhdunarodnykh filologicheskikh konferentsij (26 marta 2012 g. — 12 marta 2013 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XLI and XLII International Philological Conferences (March 26, 2012 — March 12, 2013)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 11–18. (In Russian)

Boyarkina, A. V. (ed.). (2014a) *Muzyka. Tekst. Perevod: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (11 oktyabrya, 2014 g.) [Music. Text. Translation: Proceedings of the International Scientific Conference (October 11, 2014)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 108 p. (In Russian)

Boyarkina, A. V. (2014b) Klangschlüssel Gugo Rimana: O perevode avtorskogo termina [Hugo Riemann's Klangschlussel: On the translation of the author's term]. In: *Muzyka, tekst, perevod: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (11 oktyabrya 2014 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the International Scientific Conference (October 11, 2014)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 16–25. (In Russian)

Boyarkina, A. V. (2015) Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Muzyka, tekst, perevod" [Music, text, translation: International research conference]. *Musicus: Vestnik Sankt-Peterburgskoj gosudarstvennoj konservatorii im. N. A. Rimskogo-Korsakova*, no. 4 (44), pp. 48–50. (In Russian)

Boyarkina, A. V. (2023a) Ot redaktora [From the editor]. In: *TEKST/ MUZYKA/ PEREVOD: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (16–17 maya 2022 g.) [TEXT/ MUSIC/ TRANSLATION: Proceedings of the International Scientific Conference (May 16–17, 2022)]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 3–6. (In Russian)

Boyarkina, A. V. (ed.). (2023b) *TEKST/ MUZYKA/ PEREVOD: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (16–17 maya 2022 g.) [TEXT/ MUSIC/ TRANSLATION: Proceedings of the International Scientific Conference (May 16–17, 2022)]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 167 p. (In Russian)

Brown, C. S. (1948) *Music and literature: A comparison of the arts*. Athens: The University of Georgia Press, 287 p. (In English)

Chigareva, E. I., Tsareva, E. M., Petrov, D. R. (eds.). (2002) *Slovo i muzyka: Materialy nauchnykh konferentsij pamyati A. V. Mikhajlova. Vyp. 36 [Word and music: Materials of scientific conferences in memory of A. V. Mikhailov. Iss. 36]*. Moscow: Moscow Conservatory Publ., 358 p. (In Russian)

Chigareva, E. I., Tsareva, E. M., Petrov, D. R. (eds.). (2008) *Slovo i muzyka: Materialy nauchnykh konferentsij pamyati A. V. Mikhajlova. Vyp. 2 [Word and music: Materials of scientific conferences in memory of A. V. Mikhailov. Iss. 2]*. Moscow: Moscow Conservatory Publ., 256 p. (In Russian)

Contreras-Koob, A. M. (2013) Rannie elektronnye instrumenty: muzykal'nyj kontekst [Early electronic instruments: A musical context]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XLI i XLII Mezhdunarodnykh*

filologicheskikh konferentsij (26 marta 2012 g. — 12 marta 2013 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XLI and XLII International Philological Conferences (March 26, 2012 — March 12, 2013)]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 36–45. (In Russian)

Contreras Koob, A., Boyarkina, A. V. (2022) Gorodskoj zvukovoj landshaft v fantasticheskom kino [The urban soundscape in sci-fi cinema]. *Urbis et Orbis. Mikroistoriya i semiotika goroda — Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, no. 1 (2), pp. 86–100. https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-86-100 (In Russian)

Derban, V. A. (2013) K voprosu o traktovke termina Allegro v evropejskikh muzykal'nykh slovaryakh XVIII v. [On the question of the interpretation of the term Allegro in the European musical dictionaries of the XVIII century]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XLI i XLII Mezhdunarodnykh filologicheskikh konferentsij (26 marta 2012 g. — 12 marta 2013 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XLI and XLII International Philological Conferences (March 26, 2012 — March 12, 2013)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 144–148. (In Russian)

Guseinova, Z. M. (2019) "Kashchej Bessmertnyj" N. A. Rimskogo-Korsakova: ot teksta skazki — k opernomu tekstu [N. A. Rimsky-Korsakov's "Kashchey the Immortal": From the text of the fairy tale to the text of the opera]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie — Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, vol. 9, no. 4, pp. 608–619. https://doi.org/10.21638/spbu15.2019.401 (In Russian)

Guseinova, Z. M. (2020) Russkaya "Shekherazada" N. A. Rimskogo-Korsakova: prodolzhenie skazochnoj traditsii [Rimsky-Korsakov's Russian Scheherazade: A continuation of the fairy-tale tradition]. *Vremennik Zubovskogo instituta — Vremennik of the Zubovsky Institute*, no. 3 (30), pp. 45–56. (In Russian)

Guseinova, Z. M. (2023) "Pan Voevoda" N. A. Rimskogo-Korsakova. K tvorcheskoj istorii opery ["Pan Voyevoda" by N. A. Rimskii-Korsakov. To the creative history of opera]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie — Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, vol. 13, no. 1, pp. 4–19. https://doi.org/10.21638/spbu15.2023.101(In Russian)

Karski, M. N. (2013) Adaptatsiya ili perevod? Anglijskie versii "Mizantropa" Mol'era [Adaptation or translation? English versions of Moliere's "Misanthrope"]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XLI i XLII Mezhdunarodnykh filologicheskikh konferentsij (26 marta 2012 g. — 12 marta 2013 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XLI and XLII International Philological Conferences (March 26, 2012 — March 12, 2013)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 28–36. (In Russian)

Koshelev, V. V. (2023) M. Praetorius' Syntagma. II. Teil. Von den Instrumenten. Wolfenbüttel, 1618: opyt perevoda na russkij yazyk [M. Praetorius' Syntagma. II. Teil. Von den Instrumenten. Wolfenbüttel, 1618: Experience of translation into Russian]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *TEKST/ MUZYKA/ PEREVOD: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (16–17 maya 2022 g.) [TEXT/ MUSIC/ TRANSLATION: Proceedings of the International Scientific Conference (May 16–17, 2022)]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 105–165. (In Russian)

Lavrova, S. V. (2016) Fenomen transmedijnosti v tvorchestve Fausto Romitelli [Transmedia phenomenon in Fausto Romitelli's musical writing]. *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoj — Bulletin of Vaganova Ballet Academy*, no. 5 (46), pp. 101–106. (In Russian)

Lavrova, S. V. (2018) Muzyka rechi i muzykal'naya rech' v tvorchestve Petera Ablingera [Music of speech and musical speech in the composition of Peter Ablinger]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie — Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, vol. 8, no. 2, pp. 157–178. https://doi.org/10.21638/11701/spbu15.2018.201 (In Russian)

Litvikh, E. V. (2023) "Novaya morfologiya muzykal'nogo vremeni" K. Shtokhauzena (po materialam stat'i "Wie die Zeit vergeht") [New morphology of musical time by K. Stockhausen (based on the article "wie die zeit vergeht"). In: A. V. Boyarkina (ed.). *TEKST/ MUZYKA/ PEREVOD: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (16–17 maya 2022 g.) [TEXT/ MUSIC/ TRANSLATION: Proceedings of the International Scientific Conference (May 16–17, 2022)]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 82–96. (In Russian)

Lotman, Yu. M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of a literary text]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 384 p. (In Russian)

Lotman, Yu. M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya [Inside the thinking worlds. Man — text — semiosphere — history]*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 464 p. (In Russian)

Mal'tsev, S. M. (2013) Latinskaya i nemetskaya prosodiya kak prototip vnutritaktovoj agogiki v nemetskom uchenii o takte XVII–XVIII vv. Kharakteristika autentichnykh istochnikov i pragmatika tekstov [Latin and German prosody as a prototype of intra-tactile agogy in the German doctrine of tact of the XVII–XVIII centuries. Characteristics of authentic sources and pragmatics of texts]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XLI i XLII Mezhdunarodnykh filologicheskikh konferentsij (26 marta 2012 g. — 12 marta 2013 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XLI and XLII International Philological Conferences (March 26, 2012 — March 12, 2013)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 46–101. (In Russian)

Milka, A. P. (2013) K traktovke termina tabulatura v otechestvennykh i zarubezhnykh istochnikakh [To the interpretation of the term tabulature in domestic and foreign sources]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XLI i XLII Mezhdunarodnykh filologicheskikh konferentsij (26 marta 2012 g. — 12 marta 2013 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XLI and XLII International Philological Conferences (March 26, 2012 — March 12, 2013)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 102–109. (In Russian)

Milka, A. P. (2014) O perevode modos musicos v biblejskom tekste (Sirakh 44:5) [On the translation of modos musicos in the Biblical text (Sirach 44:5)]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka. Tekst. Perevod: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (11 oktyabrya, 2014 g.) [Music. Text. Translation: Proceedings of the International Scientific Conference (October 11, 2014)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 60–65. (In Russian)

Milka, A. P. (2023) "Zakadrovyj" kontekst i problema perevoda: k interpretatsii nekotorykh epizodov iz biografii I. S. Bakha ["Off-screen" context and the problem of translation: On the interpretation of some episodes from J. S. Bach's biography]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *TEKST/ MUZYKA/ PEREVOD: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (16–17 maya 2022 g.) [TEXT/ MUSIC/ TRANSLATION: Proceedings of the International Scientific Conference (May 16–17, 2022)]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 6–13. (In Russian)

Mukarzhovskij, Ya. (1994) *Issledovaniya po estetike i teorii iskusstva [Research on aesthetics and art theory]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 605 p. (In Russian)

Nasonov, R. A. (2019) Za neimeniem luchshego (o zhanrovoj terminologii tserkovnykh kantat I. S. Bakha) [For lack of a better one (on the genre terminology of J. S. Bach's church cantatas)]. In: E. V. Porfir'eva, V. V. Sepeshvari (eds.). *Terminy, ponyatiya i kategorii v muzykovedenii: Materialy Chetvertogo mezhdunarodnogo kongressa Obshchestva teorii muzyki. Tezisy dokladov (2–5 oktyabrya 2019 g.) [Terms, concepts and categories in musicology: Proceedings of the Fourth International Congress of the Society for Music Theory. Abstracts (October 2–5, 2019)]*. Kazan: The N. G. Zhiganov Kazan State Conservatory Publ., pp. 91–92. (In Russian)

Naumov, A. V. (2017) E. F. Karri (1868–1932) — respondent i adresat: Iz perepiski nachala XX veka [E. F. Carry (1868–1932) as a respondent and a recipient: From the correspondence of the early 20th century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie — Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, vol. 7, no. 4, pp. 395–402. (In Russian)

Naumov, A. V. (2023a) Drugaya "Karmen". O libretto K. A. Lipskerova (1924) [The other "Carmen". On the libretto by K. Lipskerov (1924)]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *TEKST/ MUZYKA/ PEREVOD: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (16–17 maya 2022 g.) [TEXT/ MUSIC/ TRANSLATION: Proceedings of the International Scientific Conference (May 16–17, 2022)]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 60–70. (In Russian)

Naumov, A. V. (2023b) Inoyazychnye versii "Khovanshchiny" M. P. Musorgskogo i vokal'no-ispolnitel'skaya stilistika XX veka. K postanovke problem [Foreign-language versions of M. P. Mussorgsky's "Khovanshchina" and the vocal and performing stylistics of the twentieth century. To the problem statement]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *TEKST/ MUZYKA/ PEREVOD: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (16–17 maya 2022 g.) [TEXT/ MUSIC/ TRANSLATION: Proceedings of the International Scientific Conference (May 16–17, 2022)]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 50–59. (In Russian)

Nebelung, I. (ed.). *Musik und Sprache. Ein Auswahlverzeichnis*. (1986) Hannover: Stadtbibliothek Hannover Publ., 90 + 36 S. (In German)

Ogolevets, A. S. (1960) *Slovo i muzyka v vokal'no-dramaticheskikh zhanrakh [Word and music in vocal and dramatic genres]*. Moscow: Muzgiz Publ., 522 p. (In Russian)

Panov, A. A. (2012) Adagio, Largo, Andantino [Adagio, Largo, Andantino]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XL Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferentsii (14–19 marta 2011 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XL section of the International Philological Conference (March 14–19, 2011)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 17–23. (In Russian)

Panov, A. A., Rosanoff, I. V. (2010) Notes Inégales: "Revised" or confused? In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XXXIX Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferentsii (15–20 marta 2010 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XXXIX section of the International Philological Conference (March 15–20, 2010)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 56–67. (In English)

Razumovskaya, V. A. (2023) "Sil'nyj" russkij tekst v prostranstve vostochnykh kul'tur ["Strong" Russian text in the Oriental cultures' space]. In: E. F. Serebrennikova (ed.). *VI Gotlibovskie chteniya: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii (6–8 dekabrya 2022 g.) [The VIth Gotlib's Readings: Oriental and Asia-Pacific regional Studies: Proceedings of the International Research-to-Practice Conference (December 6–8, 2022)]*. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., pp. 412–417. (In Russian)

Ruch'evskaya, E. A. (1960) *Slovo i muzyka [Word and music]*. Leningrad: Muzgiz Publ., 56 p. (In Russian)

Scher, P. S. (1984) Einleitung: Literatur und Musik: Entwicklung und Stand der Forschung [Introduction: Literature and music: Development and state of research]. In: *Literatur und Musik: Ein Handbuch zur Theorie und Praxis eines komparatistischen Grenzgebietes [Literature and music: A handbook on the theory and practice of a comparative border area]*. Berlin: E. Schmidt Verlag, S. 9–26. (In German)

Sibirtseva, V. G. (2021) Poeziya Klopshtoka i ee perevody na russkij yazyk: palitra proyavleniya muzykal'nosti [Klopstock's poetry and its translations into Russian: A palette of musical expression]. *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoj — Bulletin of Vaganova Ballet Academy*, no. 2 (73), pp. 173–182. (In Russian)

Sibirtseva, V. G. (2022) Muzykal'nost' poezii Klopshtoka [Musicality of Klopstock's poetry]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura — Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, vol. 19, no. 4, pp. 692–709. https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.403 (In Russian)

Simyan, T. S. (2019) Muzykal'noe i karnaval'noe prostranstvo Starogo Tiflisa (na primere tvorchestva Vano Khodzhabekyana, Vagarshaka Elibekyana, Agasi Ajvazyana) [Musical and carnival space of Old Tiflis (by the example of Vano Khojabekyan, Vagharshak Elibekyan, Agasi Aivazyan)]. *PRAKSEMA. Problemy vizual'noj semiotiki — PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics*, no. 2 (20), pp. 63–80. https://doi.org/10.23951/2312-7899-2019-2-63-80 (In Russian)

Stepanova, I. V. (2002) *Slovo i muzyka: Dialektika semanticheskikh svyazej [Word and music: Dialectics of semantic connections]*. Moscow: Kniga i biznes Publ., 286 p. (In Russian)

Tchinaev, V. P. (2014a) V storonu "novoj tselostnosti": intertekstual'nost' — postavangrad — postmodernizm v muzykal'nom iskusstve vtoroj poloviny XX — nachala XXI veka [Towards a "new unity": Intertextuality — post-avant-garde — post-modernism in music in the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie — Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, vol. 4, no. 1, pp. 30–54. (In Russian)

Tchinaev, V. P. (2014b) Empfindsamkeit: Eshche raz k ponimaniyu termina v kontekste sovremennykh interpretatsij klavirnoj muzyki K. F. E. Bakha [Empfindsamkeit: Once again to the understanding of the term in the context of modern interpretations of K. F. E. Bach's keyboard music]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka. Tekst. Perevod: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (11 oktyabrya, 2014 g.) [Music. Text. Translation: Proceedings of the International Scientific Conference (October 11, 2014)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 65–77. (In Russian)

Tchinaev, V. P. (2023) Otreshennost' krasoty — "der Fehl Gottes": Arvo Pyart, Gas Van Sent i "novaya sakral'nost'" [Detachment from beauty — "der Fehl Gottes": Arvo Pärt, Gus Van Sant and "new sacredness"]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *TEKST/ MUZYKA/ PEREVOD: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (16–17 maya 2022 g.) [TEXT/ MUSIC/ TRANSLATION: Proceedings of the International Scientific Conference (May 16–17, 2022)]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 97–104. (In Russian)

Tsaregradskaya, T. V. (2021) Zhivopisno-muzykal'nyj ekfrasis: k voprosu o roli artisticheskogo zhesta [Pictorial and musical ecphrasis: on the question of the role of an artistic gesture]. In: T. E. Petrova, P. M. Eismont (eds.). *Yazyk — Muzyka — Zhest: informatsionnye perekrestki (LMGIC–2021). Sbornik mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (19–21 aprelya 2021 g.) [Language — Music — Gesture: Informational Crossroads (LMGIC-2021). Proceedings of International Conference (April 19–21, 2021 g.)]*. Saint Petersburg: Skifiya-print Publ., pp. 63–64. (In Russian)

Tynyanov, Yu. N. (2002) *Literaturnaya evolyutsiya: Izbrannye trudy [Literary evolution: Selected works]*. Moscow: Agraf Publ., 496 p. (In Russian)

Vasina-Grossman, V. A. (1972) *Muzyka i poeticheskoe slovo: v 3-kh ch. Ch. 1. Ritmika [Music and a poetic word: In 3 parts. P. 1. Rhythmics]*. Moscow: Muzyka Publ., 148 p. (In Russian)

Vetkina, A. D., Likhina, E. A. (2013) Osobennosti perevoda na russkij yazyk v XVIII v. traktatov o general-base. Na primere "Pravil garmonicheskikh i melodicheskikh" V. Manfredini (1805) [Features of the translation into Russian in the XVIII century of treatises on the general bass. On the example of the "Rules of harmonic and melodic" by V. Manfredini (1805)]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka, tekst, perevod: Materialy sektsii XLI i XLII Mezhdunarodnykh filologicheskikh konferentsij (26 marta 2012 g. — 12 marta 2013 g.) [Music, text, translation: Proceedings of the XLI and XLII International Philological Conferences (March 26, 2012 — March 12, 2013)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 140–144. (In Russian)

Yankus, A. I. (2014) Fugato i fugetta: k opredeleniyu ponyatij [Fugato and fugetta: Towards the definition of concepts]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka. Tekst. Perevod: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (11 oktyabrya, 2014 g.) [Music. Text. Translation: Proceedings of the International Scientific Conference (October 11, 2014)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 87–101. (In Russian)

Yuzhak, K. I. (2014) Rab ili sopernik? K perevodu starinnykh tekstov o muzyke [A slave or a rival? To translate ancient texts about music]. In: A. V. Boyarkina (ed.). *Muzyka. Tekst. Perevod: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (11 oktyabrya, 2014 g.) [Music. Text. Translation: Proceedings of the International Scientific Conference (October 11, 2014)]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., pp. 78–87. (In Russian)

Zenkin, K. V. (2021) Muzykal'noe proizvedenie: problemy teksta i smyslovogo invarianta [Musical composition: Problems of text and semantic invariant]. *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoj — Bulletin of Vaganova Ballet Academy*, no. 3 (74), pp. 122–131. (In Russian)

Check for updates

Текст-Музыка-Перевод

УДК 801.73

EDN CHALSV
https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-65-73

Возвращаясь к «Лаокоону»: о взаимодействии архитектуры и литературы

Е. В. Белоглазова [✉1], С. А. Николаева [2]

[1] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
[2] Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 190005, Россия, г. Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4

Сведения об авторах
Елена Владимировна Белоглазова, SPIN-код: 4851-1850, Scopus AuthorID: 57202383153, ResearcherID: R-5483-2018, ORCID: 0000-0002-0267-9614, e-mail: evbeloglazova@herzen.spb.ru

София Александровна Николаева, e-mail: nikolaeva.sofiia@yandex.ru

Для цитирования:
Белоглазова, Е. В., Николаева, С. А. (2023) Возвращаясь к «Лаокоону»: о взаимодействии архитектуры и литературы. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 2, с. 65–73. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-65-73 EDN CHALSV

Получена: 13 августа 2023; прошла рецензирование 17 ноября 2023; принята 2 декабря 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. В. Белоглазова, С. А. Николаева (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимодействия литературы и архитектуры как двух семиотических кодов, участвующих в порождении единого культурно-маркированного текста. В частности, исследование призвано дать ответ на следующие вопросы: каким образом архитектурный код вводится в литературный текст? Каковы функции архитектурного мотива в литературном произведении?

Для исследования были отобраны случаи выдвижения архитектурных имен в «сильную позицию» в художественном тексте — в заголовок. Отобранный массив материала был категоризирован в два корпуса данных: (1) тексты, отсылающие к конкретному прецедентному архитектурному памятнику, вербализованному ойкодомонимом, и (2) тексты, отсылающие к архитектурной форме, вербализованной архитектонимом. Полученные выборки были проанализированы на предмет выявления смысла, порождаемого архитектурным именем в заглавии текста, и его сопоставления с семантикой текста в целом.

Отмечено, что граница между архитектонимами и ойкодомонимами не всегда четко прослеживается в связи с тем, что ряд архитектонимов, именуя некоторую архитектурную форму, фактически отсылают к выраженному прототипу или яркому представителю этой формы. Установлено, что архитектурные имена, функционирующие как «культурный код», выполняют в литературном тексте две основные функции — локализуют сюжет во времени и пространстве и выдвигают ключевые для произведения концепты. Исследование показало, что в обоих случаях архитектурные имена генерируют определенный горизонт читательских ожиданий и, таким образом, направляют читательскую интерпретацию. Отмечено, что вводимые в текст произведения для обозначения определенного означаемого архитектурные имена неизбежно подвергаются некоторой реконцептуализации. Так, привнося в литературный текст свой смысл, архитектура сама прирастает смыслами.

Ключевые слова: литературный архитектоним, литературный ойкодомоним, архитектурный мотив, семиотика архитектуры, взаимодействие кодов, интертекстуальность

Laocoon revisited: Interplay of architecture and literature

E. V. Beloglazova [✉1], S. A. Nikolaeva [2]

[1] Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
[2] Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
4, 2nd Krasnoarmeiskaya Str., Saint Petersburg 190005, Russia

Authors
Elena V. Beloglazova,
SPIN: 4851-1850, Scopus AuthorID: 57202383153, ResearcherID: R-5483-2018, ORCID: 0000-0002-0267-9614, e-mail: evbeloglazova@herzen.spb.ru

Sofiia A. Nikolaeva,
e-mail: nikolaeva.sofiia@yandex.ru

For citation: Beloglazova, E. V., Nikolaeva, S. A. (2023) Laocoon revisited: Interplay of architecture and literature. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 2, pp. 65–73. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-65-73
EDN CHALSV

Received 13 August 2023; reviewed 17 November 2023; accepted 2 December 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. V. Beloglazova, S. A. Nikolaeva (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The paper aims at examining the interplay of literature and architecture as two codes combined to enrich the message. In particular, the following research questions are posed: Why is architecture introduced to literary texts? How is it done? What are the functions of the architectural motif in literature? To sharpen the focus, the authors have limited the scope of material to works of literature, where architectural motif is promoted to the "strong position" in the text — the title. The collected titles were categorized in two datasets: (1) appealing to a unique works of architecture by their unique names and (2) appealing to types of architectural structures. The datasets were analyzed in order to expose the message generated by the architectural names and to juxtapose it with the message of the literary text.
Architectural names, functioning as a code of culture, fulfill two main functions — locating the story in time and space and guiding the reader's interpretation of the text by foregrounding its key concepts. At that, being introduced to a work of literature to signify a certain concept, an architectural name gets almost unfailingly subject to some degree of reconceptualization. Thus, the architectural code adds meaning to the literary one and gets enriched with new meanings in the process.

Keywords: literary architectonym, literary oikodomonym, architectural motif, architectural semiotics, codes interplay, intertextuality

Introduction

Horace in his *Ars Poetica* wrote: "As is painting, so is poetry: some pieces will strike you more if you stand near, and some, if you are at a greater distance: one loves the dark; another, which is not afraid of the critic's subtle judgment, chooses to be seen in the light" (Horace 2009). Departing from this passage by Horace and focusing on just the opening words which in original read "ut pictura poesis", various arts were for centuries seen as essentially similar, with painting setting the highest standard and other arts striving to do the same — mimetically depict the reality.

E. G. Lessing, making the image of Laocoon in the statue-group unearthed in 1506 and today exhibited at the Vatican as a point of departure, sets about to draw a distinct borderline between "Poesie", wherein he includes all arts tending towards depicting progress, and "Malerei", which encompasses all visual arts (Lessing 2004). The same Laocoon will serve as a point of departure for the present paper, being important for us in a number of ways.

Firstly, it is exactly this specialization of poetry and painting, observed by Lessing, that prompts artists to resort to quoting from other art systems thus adding the deficient qualities. This interart dialogue can take many forms:

1. Painting's obsession with architecture can be traced throughout the history of European art, even giving birth to more than one genre, e. g.:
   1) *architectural painting*, where the prime focus lies on urban scenes with majestic buildings.
   2) *capriccio* — an architectural fantasy, a genre known for a poetic blending of real and imaginary architecture.
2. Buildings — works of architecture, frequently employ textual insertions.
3. Paintings and sculptures use text as a graphic resource. They can go so far as to make verbal language both object and medium of depiction (Sergaeva 2017).

Secondly, the example of Lessing's *Laocoon* is itself a fine illustration of such a dialogue: giving this title to his essay, Lessing enters a semiotic exchange with Virgil's *Aeneid* telling the story of Laocoon's death by savage snakes; the sculptural group,

which the writer characterizes as "eine Nachahmung des Virgilischen Laokoons" (Lessing 2004); J. J. Winckelmann, with whose work *Thoughts on the Imitation of Greek Works in Painting and Sculpture* (1755) Lessing polemises; Homer's *Iliad* and all other writings somehow relating the story of the Trojan war, even though they make no mention of Laocoon, as well as an open corpus of texts, literary and visual, relating this tragic story. At that, Lessing himself only alludes to Virgil and Winckelmann, all the other intertextual links might come unplanned, yet no less real.

An important point for Lessing and Winckelman is the reason for the statue's divergence from Virgil's depiction of agonizing Laocoon as uttering a terrible cry ("clamores simul horrendos ad sidera tollit") (Virgil 1918, 28); yet the dispute is only possible because the two texts — the poem and the statue are connected, and the statue is interpreted in the light of the poem, being itself an interpretation of the poem.

In the present paper we want to examine the interplay of literature and architecture as two codes combined to enrich the message. In particular, the following research questions are posed: Why is architecture introduced to literary texts? How is it done? What are the functions of the architectural motif in literature?

Theoretical framework

Being related to both "Poesie" and "Malerei", to be more specific, in our case, literature and architecture, the research is grounded in both philology and theory of architecture.

Yet, the study we undertake is preconditioned by the semiotic approach to both arts in focus, stipulating that architecture and literature both give us texts, i. e. sets of symbols encoding a message (Wallis 1973; Yawein 2017).

The second important notion underlying the present study is that of intertextuality, rooted in M. Baktin's notion of dialogue and defined by postmodernist philosophers as a quality permeating all of semiosphere, as can be seen from the most canonical and frequently cited metaphorical definitions of a text as "mosaïque de citations" (Kristeva 1969) and "tissue of recycled quotations" (Barthes 1973).

The third theoretical mainstay for this research is the studies dedicated to verbalizations of architecture. There is no terminological consensus in this respect, so far, and the repertoire of terms employed includes:

- artionym, defined by E. Burmistrova as a term verbalizing an art object (Burmistrova 2006, 5);
- oikodomonym (from Gr. οἰχοδομή "building" and ὄνομα "name") — the term introduced by N. Podol'skaya in her *Dictionary of Russian Onomastic Terminology*, defined as "a personal name of a building" (Podol'skaya 1988, 88);
- oikodonym, which seems to come from the monograph by T. Shmeleva (Shmeleva 2014) and is probably just a misspelled term "oikodomonym";
- architectonym — a term introduced by V. Katermina to nominate names of architectural objects (Katermina 2018);
- particular types of architectural objects might have terms of their own, for example religious buildings — churches, chapels, monasteries, etc. are referred to as ekklesionyms (Podol'skaya 1988) or agionyms (Bugaeva 2006);
- widening the scope, the term urbanonym can be used to refer to any object of urban environment (Podol'skaya 1988).

The listed terms are not exactly synonymous, so depending on the actual meaning we are going to employ the term "oikodomonym" to refer to a particular unique building (or, sometimes, an ensemble) by its unique name, the term "architectonym" to refer to a typical architectural form and its part, and the term "architectural" name to refer to them collectively.

Materials and methods

It is impossible to even try to cover all works of literature where architecture is present. Being the natural environment of humans, it is present in most of literature, sometimes merely as a background for the events, interiors and exteriors where action takes place, sometimes as a prominent motif (e. g. *The Ulyssis* by J. Joyce, *Мастер и Маргарита* by M. Bulgakov). In order to sharpen our focus, we have limited the scope of material to works of literature, where architecture is present in the title. Even thus restricted material cannot be comprehensively described in a paper, therefore our review does not claim to be exhaustive; rather we intend to highlight the main forms of the two codes interaction.

To justify the choice of the material, it must be said, that following I. V. Arnol'd, we see titles as a "strong position" in a text (Arnol'd 1978), thus placing them within a text as its integral part. Yet a title is at the same time a text in its own right, it being easily detachable from the remaining body of the text and functioning to a large degree on its own, as a representative of the whole.

Being a text's "emissary", a title is burdened with many tasks or functions.

Firstly, the title is to provide the potential reader with information on the general contents of the book in question. The more semantic supports correlating with the key notions of the text the title has, the more informative it is (Kinchin 2017).

Secondly, and this feature is an extension of the previous one, the title is to function as a gestalt of the whole text, simplifying its comprehension and recall (Schwarz, Flammer 1981).

Thirdly, the title is the first chance at catching a reader's attention (Hallock, Bennett 2021), so it needs to be exactly that — catching, engaging, appealing (Whissell 2021).

Fourthly, a title should have an aesthetic value (Symes 1992), which is connected to the concept of foregrounding (Schirova 2015).

Since the format of a journal paper does not allow for an extensive treatment of a widely outlined object, we have limited our research to buildings only, setting aside references to cities. They can also be interpreted as architectural texts, but deserve special attention being more complex semiotic entities (Barthes 1971).

Results and discussion

The selected titles can be categorized in two datasets — (1) appealing to a unique works of architecture by their unique names and (2) appealing to types of architectural structures. Yet in certain cases the borderline between the two gets blurred, as in the instances when the type of structure has a highly prominent prototype or representative, resulting in architectonym's eventually functioning as an oikodomonym. That is the case with the kremlin, which is mostly used to refer to the Moscow's Kremlin; as well as the pyramid is, by default, the Great Pyramid of Khufu. Another case presenting a categorization challenge can be illustrated by *Собор*, the title of I. Izmailova's novel telling the story of Auguste de Montferrand, not naming, yet implying a specific building — St. Isaac's Cathedral in St. Petersburg.

Still, keeping this reservation in mind, let us have a closer look at these otherwise distinct datasets. The first dataset (see table 1) covers appellations to specific works of architecture in literature.

The given data allow for some preliminary generalizations.

As has been observed by researchers, urbanonyms can be seen as a mirror reflecting the traditions, values, and specific concepts of ethnic societies (Martynenko, El'kin 2018; Mezenko 2011, 389). A. Mezenko describes urbanonyms as a "code of culture", revealing the unique worldview and ideology of a people, materialization of a people's mentality. This observation accounts for the frequent use of oikodomonyms in literature, where they fulfill two main functions.

Firstly, being distinctly located in time and space, oikodomonyms are an ideal resource for setting the stage of the story, creating the couleur locale. In this

Table 1. Dataset 1: Appellations to specific works of architecture

Work of literature	Work of architecture
Notre-Dame de Paris by V. Hugo (Hugo 2001) *Notre Dame* by O. Mandelshtam (Mandelshtam 1922)	Both the novel by the French writer V. Hugo and the poem by the Russian poet O. Mandelshtam bear the name of the magnificent Parisian cathedral dedicated to Our Lady of Paris; and it appears that both are attracted by the very same properties of this building, which Mandelshtam names in quite a straightforward manner: history, grandeur, mystery, monumentality together with fragility, so characteristic of Gothic style, and, most importantly, the refined beauty of the monument. In the novel the title not only locates the story in Paris of older days and functions as the stage for the events, but also symbolizes the domineering role of the Church in the life of all people; enters a complicated interplay of concepts beauty/ugliness; endurance/transitivity; greatness/pettiness, etc.
The Temple of the Golden Pavilion by Y. Mishima (Mishima 1994)	Just like the cathedral of Notre-Dame de Paris, the Golden Temple in Y. Mishima's novel is a real monument standing in Kyoto, and in the novel it serves as a metaphor for beauty and harmony the main character strives for.
Я — башня Сухарева [Ya — bashnya Sukhareva] by A. Voznesenskij (Voznesenskij 2005)	The text is a graphic poem picturing the top of the Sukharevskaya tower built in late 17th century in the wake of Peter's reforms in the then revolutionary for Russian architecture barocco style. The tower housed the first secular school in Moscow, and, thus, both formally and functionally serves as the symbol of innovation and secularisation. The poem mentions Ivan the Great alluding to the fact that the new tower is comparable in significance to the Kremlin's bell tower named after Ivan, and it got "widowed" after its younger counterpart's removal. Thus, the architectural motif tells three stories — the centralisation of Russia symbolized by the Ivan's bell tower; the Petrine reforms and the 1930-ies reconstruction of Moscow and the whole of the country.

https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-65-73

Table 1. Completion

Медный всадник [Mednyj vsadnik] by A. Pushkin (Pushkin 1833) *The Bronze Horseman* by P. Simons (Simons 2002)	P. Simons titles her trilogy after the poem by A. Pushkin, which was the first Petersburg text (Toporov 2003) among many more to follow, which gave the monument to Peter the Great its now world famous name. In an interview P. Simons states: "finally I found a subject set in Russia that was worthy of my attention and my time and that subject was the siege of Leningrad. I started with two young people in the throes of first love and I added the blockade and then I added right and wrong and destiny and free will and good and evil, and then suddenly I realized that the book was not even about those things first and foremost, but about how difficult it was in the context of the Soviet Union to have the things that we take for granted all over the world" (The Bronze Horseman… 2010). Thus, the Bronze Horseman is but a metaphor for St. Petersburg/Leningrad, so very recognizable thanks to Pushkin. For Simons, writing about the blockade of Leningrad, it is also a metaphor for endurance and strength.
Айя-София [Ajya-Sofiya] by O. Mandelshtam (Mandelshtam 1912)	One of a series of architectural poems by O. Mandelshtam inspired by and named after certain celebrated works of architecture. The architectural motif marked the poet's turn towards acmeism, distinguished by its attention to the material world with its objectness, as contrasted to the ephemeral themes of symbolism. The cathedral of Hagia Sophia is described by the poet as a real building, a work of architecture, with adequate use of specific terminology naming parts of the structure ("cupola", "apses and exedras", "pendentives"), shape ("spheric"), decore ("guided"); yet it is at the same time a metaphor for cultural continuum, embodiment of history. Architecture is also important as symbolizing art in general, including poetry, which, according to the poet, must be concrete and structured in order to endure through time.
Бахчисарайский фонтан [Bakhchisarajskij fontan] by A. Pushkin (Pushkin 1924)	Pushkin's title of the poema does not name the specific fountain, instead it combines the architectonym "fountain" with a toponym, thus creating the Oriental couleur locale. Yet the poet's nominating strategy is precise enough to refer to the Fountain of Tears, with the tragedy underlying it and encoded in the name.
The cardinal of the Kremlin by T. Clancy (Clancy 1988)	The main character of this spy novel is a personal aide to the Soviet Minister of Defense, so the "Kremlin" here is not a building's name, but a metonymy for Soviet Russian government (similar to the use of "the White House" to name the US government). The rationale of choosing an oikodomonym for the title is its brevity and non-neutrality: as a xenonymic Russianism, it has a tinge of negative connotation relevant for the novel plot.
The Pyramid by I. Kadare (Kadare 1996) *The Great Pyramid Robbery* K. Roberts (Roberts 2001)	Both novels are set in ancient Egypt, which is encoded in the architectural symbol of this civilization. So, the main function of the achitectonym is setting the stage for events. Secondly, the Egyptian pyramids have the fleur of mysticism and mystery around them, which is to provide additional appeal. Yet, in case of I. Kadare there is more to the choice of the architectural title. The Pyramid, being so massive and monumental, is a metaphor for absolute political power.
The Temple of the Muses by J. M. Roberts (Roberts 1992)	The title refers the reader to the famous Mouseion in Alexandria, which might have housed one of the world's earliest universities. Little is known about the place, so the main idea rendered by such a title is that of mystery, a fitting locale for a detective story.
To Penshurst by B. Johnson (Johnson 1616)	The poem by B. Johnson was meant as a compliment to Robert Sidney, Earl of Leicester, through praising his estate, the name of which gave name to the poem. The building embodies what the poet values in its dwellers and in the English gentry (standing for England) in general: noble beauty, richness coupled with harmony. The building was over 3 centuries old by the time the poem was written, so it serves as a metaphor for English nobility, the keepers of traditions and spirit of England.
Hadrian's wall by W. Dietrich (Dietrich 2004)	Featuring the name of the monumental wall separating the Roman Britain from Celtic tribes, the title serves to exactly locate the story in time and space: the novel is indeed about the clash between Rome and Celts, of which the reader is honestly informed.
Red Square by M. C. Smith (Smith 1993)	The architectural title serves as a means to locate the story, which is a detective set in late 20th century Moscow, in time and space.
Arc de Triomphe by E. M. Remarque (Remarque 1946)	The title is not an oikodomonym, naming a type of building erected to glorify a military triumph. As such, it leads the reader's mind to the Roman millennia-old arches, creating contrast with the brevity of human life the author writes about. Yet, in the novel the title refers us to a very specific Arch of Triumph in Paris, and the French name in the German edition signifies this specification. The title might be confusing: the novel is far from glorifying war, rather it is about war refugees. The main characters are a German, a Romanian, a Russian, an American, while the title monument is French. Yet, apart from the stated above, the architectural motif has several functions: (1) being the symbol of the magnificent Paris, it sets the locale for the action; (2) erected by the order of Napoleon Bonaparte to commemorate his military achievements, the Arch was finalized after the end of Napoleon's triumphal period, symbolizing the hope for the same fate of fascism.

function they are very easily interpretable, requiring little or no effort on the reader's part, taking into account that it is unfailingly the most recognizable, emblematic buildings that are chosen for the job. Yet, being already precedent phenomena, these buildings are commonly coated in myths and stereotypes, thus bringing with them additional concepts and associations. Thus, for example, the Red Square is not just a name for an architectural ensemble in Moscow, but due to the metaphorical element "red", which is highly characteristic for the Soviet-centered discourse, the oikodomonym bears a markedly negative connotation.

Secondly, having their own stories, the buildings can be used as readily available signs to introduce concepts relevant to the story. This can be seen in the titles after Notre-Dame, Hagia-Sophia, Arc de Triomphe, and some others.

The second dataset (see table 2) covers appellations to prominent architectural forms.

W. Benjamin's observation that architecture is a "wichtigstes Zeugnis der latenten 'Mythologie'. Und die wichtigste Architektur des 19-en Jahrhunderts ist die Passage" (lit., "an important sign of latent 'mythology', and the most important [form of] 19th century architecture is the passage") (Benjamin 1982, 1002) is very heuristic for this part of our study, indicating that not only individual buildings form a "code of culture", but so do architectural forms and types, which encode a certain worldview; at that there are specific forms that might be taken as emblematic not only of a certain ethnic culture, but also of a certain epoch. Thus, a castle, a manor, a pyramid evoke not only the image of the architectural form, but also the epoch, the social functions, and the like.

Table 2. Dataset 2: Appellations to significant architectural forms

Work of literature	Form of architecture
Дом с мезонином [Dom s mezoninom] by A. Chekhov (Chekhov 1896)	Mezzanine mentioned in the title is a distinguishing feature of Russian estate houses. Imported from the Western architecture, it fitted quite harmoniously the local building tradition. Thus, the title focuses the reader on a rather commonplace, traditional country house, a symbol of traditional and conservative lifestyle. Unlike "Dvoryanskoe gnezdo", "The house with mezzanine" is small and unpretentious.
Дворянское гнездо [Dvoryanskoe gnezdo] by I. Turgenev (Turgenev 2023)	The novel's title has many English versions, some translators substitute the writer's original "nest" by a more gentlemanly "house". Indeed, we are again referred to an ancestral estate house, with implications similar to those of "The house with mezzanine". According to R. Shlyapugina, gentrypeople's estate houses in Russia could be very diverse but, in their totality, form the foundation for the Russian cultural code, serving as a unique symbol of the authentic lifestyle. The word "nest", found problematic by some translators, gives additional stress to the family motif, the protagonist's yearning for domestic happiness (Shlyapugina 2015).
The library of Babel by J. L. Borges (Borges 1941)	The title of J. L. Borges' short story is a combination of an architectonym naming a type of building ("library") and a toponym. The construction and the final element evoke the parallel with "La torre de Babel" ("The Tower of Babel"), with its concepts of globality, ambition and futility. The symbolism behind the title is revealed in the very first sentence of the story, stating that the Library is a name for the Universe. But describing the Universe, Borges describes a work of architecture, paying attention to the shapes, composition, arrangement, etc.
The Fountainhead by A. Rand (Rand 2006)	The novel's initial title was *Second-Hand Lives*, yet later the author changed it to *Fountainhead*, which fact signifies the choice of the title was not easy. The architectural title is significant in more than one way. Firstly, it introduces the architectural motif, which is important, since the protagonist is an architect, and the book is largely about architecture. Secondly, the image of a fountain as a source of freshness, life is central to the novel, the fountain standing for unrestrained creativity. Thirdly, architecturally, a fountain is usually the center of an ensemble, which is very much in line with the individualistic philosophy of the author.
To the lighthouse by V. Woolf (Woolf 1989)	A lighthouse, being a source of light, is a symbol of yearning, what one strives for. It is also a landmark; and, in general, human-created space is arranged by such landmarks; metaphorically speaking, a city is organized around a system of landmarks, allowing us to navigate its maze of streets. In the novel the image gets even more complicated, the lighthouse symbolizing different things for different characters. As happiness, it is now right at hand, to then become unobtainably far *("The Lighthouse looked this morning at an immense distance"; "The Lighthouse looked this morning in the haze an enormous distance away");* far or near, it remains mysteriously immovable, steady, reliable *("The Lighthouse was immovable, and the line of the distant shore became fixed"; "The Lighthouse was then a silvery, misty-looking tower <…> that opened suddenly, and softly in the evening").*

 https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-65-73

Table 2. Completion

The White Castle by O. Pamuk (Pamuk 1998)	E. V. Posokhova observes that colours played a very important role in O. Pamuk's writings. "White" in Turkish has implications of purity, innocence, righteousness, greatness, as well as the West. A castle is a stronghold, place of safety. Thus, the reader's mind is led to think about a place of beauty and safety (Posokhova 2016). The novel details this preliminary image: "It was as if everything were as perfect as the view of that pure white castle with birds flying over its towers, as perfect as the darkening rocky cliff of the slope and the still, black forest. 1 knew now that many of the things I'd experienced for years as coincidence had been inevitable, that our soldiers would never be able to reach the white towers of the castle. <…>"
Das Schloss by F. Kafka (Kafka 1926)	Like O. Pamuk, F. Kafka chooses the image of a castle for his novel, yet with no modifiers. As has been stated above, a castle is a stronghold, isolated from the rest of the world. A castle is also a seat of those in the position of power. Both these associations appear relevant. Kafka's castle is a metaphor for authority — dominating, unreachable.
The Amazon Temple Quest by K. Roberts (Roberts 2002)	The book is part of a series *Seven Wonders of the World*; the title refers to one of the Seven Wonders — the Temple of Artemis at Ephesus, which, according to the legend, was founded by Amazons. Being purely entertaining, the book needs a catchy title, and an adventure set at the site of legendary Amazons is just that.
A pillar of iron by T. Caldwell (Caldwell 1965)	The title is explained in the end of the novel: the "pillar of iron" is the protagonist — Marcus Tullius Cicero. The iron symbolizes unbendable justice, and Cicero is the pillar upholding the roof of the building, which is the society. The pillar metaphor is very fitting, for the image of Roman society must be in accordance with the Roman architecture.
The animals at Lockwood Manor by J. Healey (Healey 2020)	The mention of manor — a large house at a feudal estate — in the title is meant to create a gloomy atmosphere of a gothic novel. The novel starts with the description of the house quite consonant with the anticipatory notion: "Lockwood had too many empty rooms. They sat there, hushed and gaping, waiting for my mind to fill them with horrors-specters and shadows and strange creeping creatures".

Conclusion

In the concluding part of the paper let us think back to what we wanted to achieve and the particular research questions we posed.

We set the goal of examining the interplay of literature and architecture as two codes combined to enrich the message, and the research has indeed shown that architectural code is extensively employed in literature.

In answering the first of the questions it can be said that writers resort to proper names of precedent buildings and to names of significant architectural forms and types, which are, as we have shown, not just frequent, but crucial, being promoted to the strong position of a literary text, serving an instrument of foregrounding its key concepts and ideas.

Architectonyms and oikodomonyms appear to be frequently employed in the function of creating the couleur locale, having a strong association with the time and place they belong to. But their functionality is far richer, since architecture, as we have observed, materializes a certain ideology, the values and concepts constituting a particular culture. Therefore, the architectural names are largely used symbolically, serving as metaphors for cultural concepts.

Yet, while discussing this important semiotic function of architectural names, one cannot but agree with R. Barthes's observation that modern semiotics does not allow for a definite signified, since any signified might turn out to be a signifier for another sign, and vice versa, due to an endless process of metaphorization (Barthes 1971). It follows that being introduced to a work of literature to signify a certain concept, an architectural name gets almost unfailingly subject to some degree of reconceptualization, changing its signified, becoming the signifier for a new referent. Thus, the architectural code adds meaning to the literary one and gets enriched with new meanings in the process.

Our review also highlighted a rather marked difference in the conceptualization of architecture being part of the writer's mother culture and viewed from a different cultural perspective. Thus, in the English-language literature the Russian culture is represented by "the Kremlin", "the Palace", "the Bronze Horseman", all standing for the institutions of power. This selection generates a rather biased picture — the picture that fits into the stereotype and, in its turn, feeds this stereotype.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Sources

Borges, J. L. (1941) *The library of Babel*. [Online]. Available at: https://sites.evergreen.edu/politicalshakespeares/wp-content/uploads/sites/226/2015/12/Borges-The-Library-of-Babel.pdf (accessed 18.02.2023). (In English)

Caldwell, T. A (1965) *Pillar of iron*. Garden City: Doubleday Publ., 649 p. (In English)

Chekhov, A. (1896) Dom s mezoninom [The house with mezzanine]. *Litres*. [Online]. Available at: https://www.litres.ru/book/anton-chehov/dom-s-mezoninom-176169/chitat-onlayn/ (accessed 18.02.2023). (In Russian)

Clancy, T. (1988) *The cardinal of the Kremlin*. New York: G. P. Putnam's Sons Publ., 543 p. (In English)

Dietrich, W. (2004) *Hadrian's wall*. New York: HarperTorch Publ., 368 p. (In English)

Healey, J. (2020) *The animals at Lockwood Manor*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt Publ., 352 p. (In English)

Hugo, V. (2001) Notre-Dame de Paris. *The Project Gutenberg*. [Online]. Available at: https://www.gutenberg.org/files/2610/2610-h/2610-h.htm (accessed 18.02.2023). (In English)

Johnson, B. (1616) To Penshurst. *Poetry foundation*. [Online]. Available at: https://www.poetryfoundation.org/poems/50674/to-penshurst (accessed 18.02.2023). (In English)

Kadare, I. (1996) *The Pyramid*. New York: Arcade Publ., 161 p. (In English)

Kafka, F. (1926) Das Schloss [The Castle]. *Project Gutenberg-De*. [Online]. Available at: https://www.projekt-gutenberg.org/kafka/schloss/index.html (accessed 18.02.2023). (In German)

Mandelshtam, O. (1912) Ajya-Sofiya [Hagia Sophia]. *Kul'tura.RF [Culture.RF]*. [Online]. Available at: https://www.culture.ru/poems/41639/aiya-sofiya (accessed 18.12.2023). (In Russian)

Mandelshtam, O. (1922) Notre Dame. In: E. V. Borichevskij (comp.). *Mir iskusstv v obrazakh poezii. Arkhitektura, skul'ptura, zhivopis', tanets, muzyka [World of arts in representations of poetry. Architecture, sculpture, painting, dance, music]*. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya Publ., p. 11. (In Russian)

Mishima, Y. (1994) *The temple of the Golden Pavilion*. New York: Vintage Books Publ., 262 p. (In English)

Pamuk, O. (1998) *The White Castle*. New York: Vintage Books Publ., 161 p. (In English)

Pushkin, A. (1833) Mednyj vsadnik [The Bronze Horseman]. *Litres*. [Online]. Available at: https://www.litres.ru/book/aleksandr-pushkin/mednyy-vsadnik-171973/ (accessed 18.02.2023). (In Russian)

Pushkin, A. (1924) *Bakhchisarajskij fontan [The Fountain of Bakhchisaray]. Kul'tura.RF [Culture.RF]*. [Online]. Available at: https://www.culture.ru/books/416/bakhchisaraiskii-fontan/read (accessed 18.02.2023). (In Russian)

Rand, A. (2006) *The Fountainhead*. New York: Signet Publ., 704 p. (In English)

Remarque, E. M. (1946) *Arc de Triomphe [Arch of triumph]*. Zürich: F. G. Micha Verlag, 492 p. (In German)

Roberts, J. M. (1992) *The temple of the muses*. New York: Avon Books Publ., 215 p. (In English)

Roberts, K. (2001) *The Great Pyramid robbery*. New York: Collins Voyager Books Publ., 304 p. (In English)

Roberts, K. (2002) *The Amazon Temple Quest*. London: Collins Voyager Publ., 320 p. (In English)

Simons, P. (2002) *The Bronze Horseman*. New York: Harper Collins Publ., 912 p. (In English)

Smith, M. C. (1993) *Red Square*. New York: Ballantine Books Publ., 418 p. (In English)

Turgenev, I. (2023) *Dvoryanskoe gnezdo [Home of the Gentry]*. Saint Petersburg: Azbuka Publ., 224 p. (In Russian)

Voznesenskij, A. (2005) Ya — bashnya Sukhareva [I am Sukharev Tower]. In: *Sobranie sochinenij. T. 6. Ne bud' shestyorkoj [Collected works. Vol. 6. Don't be a six]*. Moscow: Vagrius Publ., p. 274. (In Russian)

Woolf, V. (1989) *To the lighthouse*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich Publ., 209 p. (In English)

References

Arnol'd, I. V. (1978) Znachenie sil'noj pozitsii dlya interpretatsii khudozhestvennogo teksta [The significance of strong position for fictional text interpretation]. *Inostrannye yazyki v shkole — Foreign Languages at School*, no. 4, pp. 23–31. (In Russian)

Barthes, R. (1971) Semiologiya i gradostroitel'stvo [Semiology and urban design]. *Sovremennaya arkhitektura — Modern Architecture*, no. 1, pp. 34–36. (In Russian)

Barthes, R. (1973) Texte théorie du [Text theory]. *Encyclopædia Universalis*. [Online]. Available at: http://www.universalis.fr/encyclopedie/theorie-du-texte/ (accessed 07.08.2023). (In French)

Benjamin, W. (1982) Das Passagen-Werk [The passages work]. In: R. Tiedemann (Hrsg.). *Die Gesammelte Schriften. Bd. 1 [Collected works. Vol. 1]*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1368 S. (In German)

Bugaeva, I. V. (2006) Agionimy v onomasticheskom prostranstve russkogo yazyka [Agionyms in the onomastyc field of Russian language]. *Izvestiya na Nauchen tsent'r "Sv. Dasij Dorostolski". T. 1 [Journal of "Saint Dasiy Dorostolski'" Science center. Vol. 1]*. Silistra: Angel Kanchev' University of Ruse Publ., pp. 78–87. (In Russian)

Burmistrova, E. A. (2006) *Nazvaniya proizvedenij iskusstva kak ob'ekt onomastiki [Names of works of art as the object onomastics]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Volgograd, Volgograd State Pedagogical University, 20 p. (In Russian)

Hallock, R. M., Bennett, T. N. (2021) I'll read that!: What title elements attract readers to an article? *Teaching of Psychology*, vol. 48, no. 1, pp. 26–31. https://doi.org/10.1177/0098628320959948 (In English)

Horace. (2009) Essay on poetic theory. Ars Poetica. *Poetry Foundation*. [Online]. Available at: https://www.poetryfoundation.org/articles/69381/ars-poetica (accessed 07.08.2023). (In English)

Katermina, V. V. (2018) Neologizmy-arkhitektonimy v anglijskom mass-medijnom diskurse: natsional'no-kul'turnyj aspekt [Neologisms-architectonyms in English mass-media discourse: National-cultural aspect]. In: E. A. Elina, O. Yu. Avdevnina, E. Yu. Balashova et al. (eds.). *Russkij yazyk i literatura v professional'noj kommunikatsii i mul'tikul'turnom prostranstve: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii [Russian language and literature in professional communications and multicultural space: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]*. Moscow: Pero Publ.; Saratov: Amirit Publ., pp. 140–144. (In Russian)

Kinchin, I. M. (2017) The importance of an engaging title or titular colonicity: Is it a factor that influences citation rates? *Journal of Biological Education*, vol. 51, no. 1, pp. 1–2. https://doi.org/10.1080/00219266.2016.1265822 (In English)

Kristeva, J. (1969) Le mot, le dialogue et le roman [The word, the dialogue and the novel]. In: *Sēmeiōtikē: recherches pour une sémanalyse [Semiotics: Research for a semanalysis]*. Paris: Seuil Publ., pp. 82–112. (In French)

Lessing, G. E. (2004) Laokoon: Oder, Über die Grenzen der Malerei und Poesie [Laocoon: Or, About the boundaries of painting and poetry]. *Gutenberg Project-DE*. [Online]. Available at: https://www.gutenberg.org/cache/epub/6889/pg6889.html (accessed 07.08.2023). (In German)

Martynenko, O. I., El'kin, V. V. (2018) Natsional'naya spetsifika tsvetofrazeologizmov kak otrazhenie kommunikativnoj dominanty i svoeobraziya yazykovoj kartiny mira etnosa [National specificity of colour phraseological units as a reflection of the communicative dominant and originality of the linguistic picture of the world of ethnos]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 71–75. (In Russian)

Mezenko, A. M. (2011) Urbanonimiya kak yazyk kul'tury [Urbanonymy as language of culture]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii — Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University. Series: Philology. Social communications*, vol. 24 (63), no. 2-1, pp. 388–392. (In Russian)

Podol'skaya, N. V. (1988) *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [Russian onomastics terminology dictionary]*. 2nd ed. Moscow: Nauka Publ., 187 p. (In Russian)

Posokhova, E. V. (2016) Simvolika tsveta v romanakh Orkhana Pamuka "Belaya krepost'", "Chernaya kniga" i "Menya zovut Krasnyj" [The symbolism of colour in Orhan Pamuk's novels "White castle", "Black book" and "My Name is Red"]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki — Scientifik Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Science*, vol. 2 (68), no. 3, pp. 453–458. (In Russian)

Schirova, I. A. (2015) O ponyatii i roli vydvizheniya [On the concept and the role of foregrounding]. In: I. A. Shchirova, Yu. V. Sergaeva (eds.). *Studia Linguistica. Vyp. XXIV. Yazyk v prostranstve sotsiuma i kul'tury [Studia Linguistica. Iss. XXIV. Language in the space of society and culture]*. Saint Petersburg: Politekhnika-servis Publ., pp. 198–206. (In Russian)

Schwarz, M. N. K., Flammer, A. (1981) Text structure and title — effects on comprehension and recall. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, vol. 20, no. 1, pp. 61–66. https://doi.org/10.1016/S0022-5371(81)90301-7 (In English)

Sergaeva, Yu. V. (2017) Multimodal'nyj tekst kak predmet iskusstva [The multimodal text as a piece of art]. In: G. A. Baeva, M. Yu. Kopylovskaya (eds.). *Traditsionnoe i novoe v lingvistike, perevodovedenii, lingvokul'turologii i lingvodidaktike [Traditional and new in linguistics, translation studies, linguaculturology and linguadidactics]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 16–21. (In Russian)

Shlyapugina, R. Y. (2015) Dvoryanskie usad'by Rossii: obshchij obzor [Manorial estates of Russia: A general review]. *Diskussiya — Discussion*, no. 1 (53), pp. 22–26. (In Russian)

Shmeleva, T. V. (2014) *Onomastikon rossijskogo goroda [Onomasticon of a Russian city]*. [S. l.]: Lambert Academic Publ., 144 p. (In Russian).

Symes, C. (1992) You can't judge a book by its cover: The aesthetics of titles and other epitextual devices. *The Journal of Aesthetic Education*, vol. 26, no. 3, pp. 17–26. https://doi.org/10.2307/3333010 (In Russian)

The Bronze Horseman — an interview with Paullina Simons. (2010) *Paulina Simons*, 17 June. [Online] Available at: https://web.archive.org/web/20100617083734/http://www.paullinasimons.com/bronzeint1.htm (accessed 07.08.2023). (In English)

Toporov, V. N. (2003) *Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy* [The Petersburg text of Russian literature: Selected writings]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 612 p. (In Russian)

Virgil. (1918) *Aeneid. Vol. 2*. Toronto: W. J. Gage and Company Publ., 97 p. (In Latin)

Wallis, M. (1973) Semantic and symbolic elements in architecture: Iconology as a first step towards an architectural semiotic. *Semiotica*, vol. 8, no. 3, pp. 220–238. https://doi.org/10.1515/semi.1973.8.3.220 (In English)

Whissell, C. (2021) The trend toward more attractive and informative titles: American Psychologist 1946–2010. *Psychological Reports*, vol. 110, no. 2, pp. 427–444. https://doi.org/10.2466/17.28.PR0.110.2.427-444 (In English)

Yawein, O. I. (2017) O pervykh opytakh perenosa metodov strukturno semioticheskikh issledovanij v arkhitekturu (idei 1960-kh — 1970-kh godov i problemy sovremennoj nauki) [The first experiments of transfer of structural semiotic research methods in architecture (ideas of the 1960s — 1970s and the problems of modern science)]. *Arkhitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii — Architecture and Modern Information Technologies*, no. 1 (38), pp. 19–31. (In Russian)

Check for updates

Текст-Музыка-Перевод

УДК 791.11:304.444

EDN BUHZXS
https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-74-83

Восприятие феномена этнической идентификации в контексте исторических событий (на примере кинематографической судьбы звезды немого кино Асты Нильсен)

Е. Б. Гришаева ✉[1]

[1] Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79/10

Сведения об авторе
Елена Борисовна Гришаева,
SPIN-код: 3420-6282,
ResearcherID: S-3707-2017,
ORCID: 0000-0001-9495-9631,
e-mail: egrishaeva@sfu-kras.ru

Для цитирования: Гришаева, Е. Б. (2023) Восприятие феномена этнической идентификации в контексте исторических событий (на примере кинематографической судьбы звезды немого кино Асты Нильсен). *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 2, с. 74–83. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-74-83 EDN BUHZXS

Получена 11 июля 2023; прошла рецензирование 17 августа 2023; принята 6 декабря 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. Б. Гришаева (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассмотрена смена этнической идентификации актрисы немого кино Асты Нильсен, которая была обусловлена социально-политическими процессами перед началом Первой мировой войны. Основополагающим постулатом социологии языка является взаимосвязанность всех аспектов макроуровневых социальных изменений. Важными считаются как взаимосвязанность, так и чувствительность к шкале человеческой организационной жизни. Теория развития, традиция комбинировать социокультурные конструкты, коммуникацию и этнографию, требования соблюдать права человека и использовать плюралистический подход, основанный на терпеливом отношении к языкам и культурам — вот неполный список поднимаемых в статье тем и методологических подходов к объекту исследования — этнической идентификации. В качестве предмета анализа рассматриваются некоторые экстралингвистические факторы, оказавшие существенное влияние на смену восприятия австралийской и новозеландской общественностью принадлежности любимой актрисы к этнической группе, усвоившей важные стереотипы поведения и требования к основным культурным ролям. Общей методологической основой проведенного исследования послужил системно-моделирующий подход к связи языка и общества, учению о ценности, своеобразии и самобытности языков и культур, культурных традиций разных народов; вопросы приоритетности формирования общественного сознания на основе национальных и общечеловеческих ценностей. Описательный метод используется для интерпретации функциональных изменений в социолингвистических терминах с учетом связи исследуемого объекта с явлениями неязыкового порядка. Структурно-функциональный анализ объясняет преобразования существующей системы и элементов целого и превращение их в новый инвариант: статья содержит примеры социальных форм остракизма, выразившегося в так называемом «кэнселлинге», при котором личности и крупные этнические группы лишаются поддержки со стороны социума и подвергаются осуждению или забвению в социальных и профессиональных сообществах.

Ключевые слова: этническая идентификация, немое кино, немецкий кинематограф, музыка и межкультурная коммуникация

Perception of ethnic identity phenomenon in the context of historical events (Case study of the cinematographic destiny of Asta Nielsen, the silent movie star)

E. B. Grishaeva ✉[1]

[1] Siberian Federal University, 79/10 Svobodny Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia

Author
Elena B. Grishaeva, SPIN: 3420-6282, ResearcherID: S-3707-2017, ORCID: 0000-0001-9495-9631, e-mail: egrishaeva@sfu-kras.ru

For citation: Grishaeva, E. B. (2023) Perception of ethnic identity phenomenon in the context of historical events (Case study of the cinematographic destiny of Asta Nielsen, the silent movie star). *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 2, pp. 74–83. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-74-83 EDN BUHZXS

Received 11 July 2023; reviewed 17 August 2023; accepted 6 December 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. B. Grishaeva (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The paper features a silent movie star Asta Nielsen's ethnic identification change. It was conditioned by a series of social and political processes on the eve of World War I. Interconnectedness of all aspects of macro leveled social changes is one of the sociology of language fundamental postulates. Both interconnectedness and sensitivity to human organizational life scale are considered to be essential. Development theory, tradition to combine sociocultural constructs, communication and ethnography, requirements to observe human rights, and to use pluralistic approach based on loyal attitude to languages and cultures — this is a list of topical areas and methodological approaches to the object of the study. Some extralinguistic factors had a greater influence on the Australian and New Zealand perception change of their favorite actress' belonging to a particular ethnic group which had accustomed to significant behavioral stereotypes and requirements for main cultural roles. These factors are considered to be taken as a subject matter of the article. The common methodological background of the current research is a system modeling approach to the link of language and society, value investigation, singularity and authenticity of languages and cultures, cultural traditions of different ethnic groups, as well as the issues of priority formation of social mindset based on national and universal civilisatory values. Descriptive method is used for functional changes' interpretation in terms of interconnectedness of the object of research with non-linguistic phenomena. Observation is expressed in planned and purposeful perception of the object of investigation. Structural-functional analysis explains transformations of the existing system and elements of the whole into a new invariant, e. g., the article gives an emphasis to "cancelling", a form of ostracism, when famous people or wide ethnic groups stop being supported by social and professional communities and fall into oblivion.

Keywords: ethnic identification, silent movie, German cinematograph, music and intercultural communication

Введение

На фоне широкого макросоциального контекста взаимосвязь языка, культуры и этнической идентификации выступает одной из важных проблем, заслуживающих внимания со стороны широкого круга исследователей: социологов, культурологов, этнографов и лингвистов. Использование данных и методов смежных наук «отвечает общей тенденции в современной науке к интегрированию знания, полученного в различных областях, к возникновению так называемых «стыковых» научных направлений, где, как справедливо считается, следует ожидать наиболее ценных результатов» (Гришаева 2007, 5). Попытка обращения к обозначенной теме мотивирована распространенным мнением, что теория и методология социолингвистических исследований «до сих пор пребывают в «допарадигматическом» состоянии и грешат эмпиризмом» (Гришаева 2007, 4). Следует также констатировать отсутствие единообразного концептуального инструментария, который обеспечивал бы систематическое и согласованное изучение соответствующего предмета исследования.

Обращение к рассмотрению взаимоотношения языка и этнической идентификации в полиэтническом и мультикультурном пространстве, каковым являлась Австралия в начале XX в., продиктовано несколькими причинами. Во-первых, традиционными для социолингвистических исследований является проблема функциональной дифференциации этнических языков и культур и отношение социума к ним под действием различных социально-политических

факторов. Данные факторы характеризуют состояние носителей определенного языка, положение языкового коллектива и его взаимоотношения с окружающими, мотивы и интересы, имеющие отношение к проблеме властвования и подчинения, престижа и влияния, перераспределению ресурсов и благ, доминирования одних над другими в сфере занятости и т. п. Во-вторых, развитие индустрии кино в Австралии происходило высокими темпами. Кинематограф превратился в любимое времяпрепровождение австралийцев и новозеландцев. Социолингвистика как раздел языкознания, изучающий взаимоотношения языка и общества в самом широком смысле, уделяет большое внимание в том числе эмоциональным реакциям и тому, что определяется как символическая функция языка.

Аксиоматично, что одним из самых простых способов идентификации личности выступают язык и, как следствие, страна, с которыми ассоциируют эту личность. Поскольку социализация личности связана с социальной группой и с определенной страной, этническая идентификация приобретает существенное значение. Подобно тому, как многоязычные и мультикультурные сообщества решают проблему выбора языка, который может быть продиктован практическими, политическими или экономическими обстоятельствами, эти же обстоятельства могут повлиять на восприятие различными социальными группами этнической идентификации личности в контексте политических событий.

Одним из парадоксальных эффектов взаимосвязи языка и этничности может быть пример кинематографической судьбы яркой звезды эпохи немого кино, имя которой — Аста София Амалия Нильсен (1881–1972). Выразительная игра молодой актрисы копенгагенских театров, успешное сотрудничество с режиссером Петером Урбаном Гадом, и ее пронзительные роли в датских кинофильмах вызывали обожание современников. Г. Аполлинер писал: «Она — все! Она — видение пьяницы и мечта одинокого. Она смеется, словно юная девушка, так беззаботно и счастливо, в ее глазах видится нечто, что никогда не обретет выражения в словах, слетевших с ее губ… Когда ненависть мерцает в ее глазах, мы сжимаем кулаки; когда же раскрывает она глаза — это звезды светят» (Кисунько 1968).

«Немое кино» — общепринятое обозначение кинематографа в первые десятилетия его истории, когда фильмы выходили на экраны без синхронно записанного звука. Именно отсутствие доступной технической возможности записи и синхронного воспроизведения звука оказалось наиболее важным обстоятельством, которое определило художественную специфику кинофильмов в этот период. Альфред Хичкок называл «немое кино» «самой чистой формой кинематографа». А совсем ли безмолвным было немое кино? Известно, что благодаря присущим киноискусству выразительным средствам в нем синтезируются эстетические свойства литературы, театра, изобразительного искусства и музыки.

Формулирование исследовательских вопросов

Важным представляется исследование взаимоотношения этничности, личности и социума. В связи с этим встает вопрос о возможности проследить эволюцию отношений между людьми в обществе и выявить степень влияния нестабильных социально-политических условий на отношение членов социальных групп к феномену этничности и к конкретным представителям, носителям определенной этничности. При этом важно также ответить на вопрос, способно ли чувство групповой идентичности у членов сообщества инициировать так называемый «кэнселлинг», связанный с отрицанием поддержки актрисы Асты Нильсен после начала Первой мировой войны. К этой же категории вопросов можно отнести рассмотрение причин и последствий смены отношения австралийцев к крупнейшей этнической группе, представленной в Австралии не одним поколением немцев.

Теоретическая значимость

Рассмотрение тематического поля, связанного с идентичностью личности в определенный исторический период времени, может внести вклад в развитие интерпретаций актуальных проблем различных дисциплинарных отраслей знания. Такие взаимосвязи, как язык и этничность, язык и идентичность, получили внимание социологов языка и лингвистов-прикладников, например, в ответ на вызовы философии постструктурализма. «Согласно социально-конструктивистской перспективе, идентичность связана с позиционированием личности и с тем, как эту личность позиционируют другие члены сообщества внутри социального, исторического и культурного контекстов» (Rozanov 2016, 7). Д. Блок, например, трактует связь языка и идентичности как явление, которому присуще как индивидуалистические черты, так и коллективистские,

 https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-74-83

которые всегда определяются контекстом. Одновременно с этим идентичность следует рассматривать с учетом таких категорий, как раса, этничность, гендер, социальный класс, национальная идентичность и т. д. (Block 2013).

В данной статье проблема этничности рассматривается на фоне социально-политических событий, развернувшихся в ходе Первой мировой войны. Профессиональная и личная судьба отдельного человека показана через совокупность коллективных представлений, убеждений и ощущений широких социальных групп населения, определяющих этническую идентичность личности и меняющих ее в зависимости от исторических обстоятельств.

Современными исследователями феноменальный кинематографический успех датчанки Асты Нильсен трактуется как объективация ее таланта межкультурного свойства (Allen 2018, 240). Прокат фильмов с ее участием по всему миру перед Первой мировой войной можно интерпретировать как своеобразную коммуникационную сеть, общение внутри которой проходило с помощью языковых средств, не имевших явной лингвистической маркированности. Стоит отметить, что актриса очень скоро поняла, что кинокамера — это своеобразное увеличительное стекло и что для достижения нужного эффекта лучше не доиграть, чем переиграть. Иными словами, Аста Нильсен умела передавать свои чувства едва заметным жестом, движением губ, выражением глаз, которые недаром называют «зеркалом души».

«Когда я играю, — говорила о себе она, — я абсолютно поглощена своей задачей. Я обдумываю каждую деталь внешнего облика и поведения, обращая особое внимание на мелочи, незначительные, на первый взгляд, пустячки» (Нильсен, Аста 2023).

Н. А. Розенель вспоминала: «Был период, когда звук отнял у кино одно из самых сильных его свойств — его международность. Как портили впечатление слова, произнесенные на чужом, непонятном языке, или неясные, неразборчивые титры внизу экрана, закрывающие белыми буквами часть кадра.

В период немого кино родные языки исполнителей не имели существенного значения. Режиссер мог выбирать на роли тех актеров, как тогда говорили, из огромной интернациональной армии, чья индивидуальность казалась ему наиболее подходящей для задуманного им образа. В этом было несомненное преимущество немого кино: для него не существовало границ» (Розенель 1965).

Поскольку целью исследования является изучение меняющейся общественной риторики, связанной с изменением отношения социума к фильмам с участием А. Нильсен в Австралии и Новой Зеландии накануне и после начала Первой мировой войны, а также к ее национальной идентичности, целесообразно будет обратиться к газетному дискурсу рекламных сообщений, анонсировавших фильмы с ее участием. Известно, что в августе 1914 г. Великобритания объявила Германии войну. Сразу после этого события тема национальной идентичности, патриотический контекст и националистические настроения вышли на первый план общественной жизни.

Газетные рекламные сообщения о предстоящих киносеансах с участием А. Нильсен сочетали многократное написание ее имени с высокими оценками ее изумительного драматического таланта. Перед фильмом «The Course of True Love» газеты анонсировали ее участие: «Reappearance of the *Queen Drama*, Miss Asta Nielsen» ('Новое появление Королевы драмы, госпожи Асты Нильсен'). 8 августа 1914 г. рекламное сообщение в новозеландской газете Taranaki Daily News возвестило об эксклюзивном показе фильма «Суфражистка», в главной роли с Астой Нильсен — «актрисой мирового уровня» ('a rare exclusive' showing of *Suffragette* (1913), starring 'the world's favorite artist' Asta Nielsen) (Allen 2018, 240). Рекламы с энтузиазмом возвещали о «невероятном комедийно-драматическом успехе» актрисы ('stupendous comedy-dramatic success'). Название кинофильма и имя актрисы были напечатаны заглавными буквами 25 раз (Allen 2018, 241). При этом отдельно подчеркивалось, что демонстрация фильма будет проходить под аккомпанемент симфонического оркестра, исполняющего патриотическую музыку. Тема патриотизма и национальной идентичности специальным образом отыгрывалась в условиях вступления Австралии в Первую мировую войну на стороне Великобритании.

Несмотря на то, что практически все фильмы с участием А. Нильсен были сняты на киностудиях в Германии и активно демонстрировались в Австралии и Новой Зеландии, начиная с 1911 г., рекламные сообщения предупредительно умалчивали о их немецком производстве. Напротив, рекламодатели старались подчеркнуть как датское происхождение А. Нильсен, так и ее связи с киностудией Nordisk и некоторыми другими центрами европейского искусства, подобно Les Folies Bergères — знаменитому парижскому кабаре варьете. В те годы немое кино с участием Нильсен было чрезвычайно популярным.

Следует отметить, что после открытия 22 августа 1896 г. мельбурнского кинотеатра в Harry Rockard's жанр кино набирающей силу индустрии развлечений Австралазии сразу же завоевал любовь австралийской публики. Именно в Австралии вышел на экран в 1906 г. первый в истории полнометражный фильм «The Story of the Kelly Gang». В последующие годы актерский успех таких мастеров немого кино, как Аста Нильсен, способствовал процветанию жанра и превращению Австралии и Новой Зеландии в страны, где росла популярность кинематографа. Публикации в мельбурнской газете Argus подтверждали неуклонный интересе австралийцев к немому кино: «Субботними вечерами восьмая часть населения страны устремлялась в кинотеатры» (Moran, O'Regan 1989, 5).

Австралийские газеты наперебой хвалили А. Нильсен, называя ее «величайшей актрисой современности» (Hansert 2007, 48). За период с 1911 по 1932 г. она снялась в Германии почти в 70 работах. Ее дебютный фильм «Afgrunden» (The 'Abyss', 'Бездна'), снятый Урбаном Гадом в 1910 г., привлек внимание австралийского предпринимателя Кристофа Мюлленайзена, подписавшего соглашение с несколькими немецкими кинокомпаниями, включая Projektions AG Union (PAGU) Поля Давидсона, для создания новой дистрибьютерской монополистической компании Internationale Film Vertriebs GMBH для распространения по всему миру 32 фильмов с участием А. Нильсен в период с 1911 по 1914 г. Таким образом, за счет довольно агрессивного маркетинга актриса получила мировое признание.

Справедливости ради следует отметить, что датское кино для современного зрителя такая же «тьма кромешная», как бездна Ницше или мрак иной реальности из фильма Пола Андерсона «Горизонт событий». Режиссером фильма «Бездна» был племянник великого художника Поля Гогена Урбан Гад. В свое время он работал художником-оформителем в театре, но вскоре увлекся новым искусством кино. Именно благодаря его творчеству Аста Нильсен снискала славу одной из первых суперзвезд кинематографического небосклона. Впоследствии Урбан Гад стал мужем актрисы.

На рубеже 1910–1920 гг. художник примкнул к экспрессионизму — оформившемуся в Германии художественному течению, перенеся его темы и образы на скандинавскую почву. Любопытно, что ему удалось создать новый жанр в киноискусстве — эротический триллер с непременной женщиной-вамп. Снимая мелодраматический фильм с Астой Нильсен в главной роли, У. Гад подчеркивал психологию отношений. Будучи заложницей нахлынувших любовных переживаний к артисту передвижного цирка, героиня фильма «Бездна» не смогла устоять перед горячим ковбоем и отвергла унылое, но сытое существование с сыном викария. Обеспеченная жизнь в буржуазной среде показалась девушке невыносимой. Фильм полон ярких сцен с почти эстрадными номерами и цирковыми шоу. Бахтинская или феллиниева карнавализация жизни создает на экране ощущение праздника, который обернулся для Магды настоящей трагедией[1]. Будучи «смутным объектом желания» для героя-любовника, Марта разрушила будущее, отказавшись от брака, не став, однако, своей в цирковом окружении. Роковое стечение обстоятельств, нежелание мужа быть отвергнутым, социальная и культурная разница героев-любовников не сулила им совместного счастливого продолжения отношений. Побег в сказочную страну обернулся тьмой, сущим адом, мечты канули бездну. Таким образом, декадентская эстетика и так называемый социальный пессимизм послужили отправными точками «напрасного бегства человека от себя. Он лишь игрушка в руках неведомых сил, марионетка, чьи порывы — лишь ложное движение. А жизненный путь — схождение в бездну…Жизнь уже никогда не будет для героев прежней. Бездна Ницше заглянула в их души, поглотив все светлое, что могла отыскать» (Волков 2017).

Талантливая игра Асты Нильсен, всепоглощающая любовь зрителей, общественное признание во многих странах мира, головокружительные романы с представителями артистического и политического бомонда постепенно превращали ее в икону стиля. Ее имя и внешность ассоциировались в большей степени с немецким кинематографом. Ее называли «Королевой кино». Она открыла рекламную эру, продвигая духи, сигареты, шампанское, корсеты и меховые боа. Почитатели ее таланта покупали выпечку в Берлине, котлеты в Будапеште и шляпки в Мельбурне. В Сан Франциско были салоны-парикмахерские ее имени, а в Нагасаки и Сайгоне — кинотеатры. Австралийская газета «Trove» и новозеландская «Paper Past» не оставляли ее имя без внимания, поднимая авторитет и популярность актрисы. Однако в 1915 г. некоторые обстоятельства

[1] В контексте концепции карнавала М. Бахтина обновление жизни и новое рождение происходит за счет стихийных материальных сил, присущих самой природе. Концепции праздника и карнавала М. Бахтина построены на материале гуманистического мышления эпохи Возрождения. Пафосом смен и обновлений, сознанием веселой относительности господствующих правд и властей проникнуты все формы и символы карнавального языка Бахтина (Гурин 2018).

https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-74-83

способствовали ее внезапному исчезновению из общественной и артистической жизни. Речь идет об учреждении в Австралии в 1912 г. национальных комиссий по цензуре в сфере кино и введении в начале 1914 г. 50 % налога на закупленные за рубежом фильмы.

Любопытно, что фильмы с участием А. Нильсен демонстрировались в кинотеатрах West's, основная доля зрителей принадлежала к высокому социоэкономическому классу. К 1911 г. в Австралии насчитывалось около 27 передвижных и постоянных кинотеатров этой сети, владельцем которой был английский эмигрант Т. Дж. Уэст (Collins 1987, 7).

За пределами довоенной Германии фильмы с участием Нильсен представляли исключительно как выпущенные в Германии. Австралия и Новая Зеландия, однако, составляли исключение. В этих странах ее позиционировали как актрису, которая работала на киностудиях Pathé и Nordisk. Последняя была основана в 1906 г. Оле Олсеном. Подчеркивание австралийскими газетами датского происхождения А. Нильсен постепенно разрушало ее репутацию в Германии как немецкой актрисы. Вместе с тем ее популярность формировала позитивный образ ее родной страны Дании, в частности за счет политической и сексуальной эмансипации женщин. Исполняемые ею роли сильных и независимых женщин передавали современный образ Дании. Некоторые датские критики враждебно реагировали на работы Нильсен, подвергая цензуре «пробуждаемые ею чувственные радости» и делая их модными европейскими тенденциями (Film-Eventyret 2023).

С одной стороны, существовала точка зрения, что немое кино являлось *средством межкультурной коммуникации*. Критики продвигали идею, что немое кино могло служить средством объединения людей различных национальностей, создавая для них единое культурное пространство. Например, Эмма Гад, свекровь А. Нильсен, писала в 1913 г. в копенгагенской газете Politiken, что фильм «объединяет людей разных национальностей вместе, чье взаимопонимание нарушено из-за наличия разных языков» (Allen 2018, 247).

В эпоху немого кино конкуренция между национальными киностудиями была довольно жесткой. Так, например, французская киностудия Pathé и датская компания Nordisk боролись с немецкими студиями за доминирование на европейском рынке в предвоенный период, а начиная с 1920-х гг., и с голливудскими.

История восприятия немого кино традиционно ассоциировалась с определенными странами: каждой культуре были свойственны свой стиль и жанр. Например, из-за мелодраматических актрис итальянские фильмы назывались «diva films». Полномасштабным эротическим мелодрамам положила начало в Дании 35-минутная сенсация «The White Slave Trade». С Данией стали связывать тему сексуального либерализма, который мог нанести вред зарубежной аудитории, который задевал ее чувства и привел к цензурированию скандинавских фильмов. Эта лента вызвала настоящую сенсацию в США в ремейке «Traffic in Souls» и была в итоге внесена в список запрещенных. Несмотря на то, что некоторые фильмы с участием А. Нильсен попали под цензуру в Великобритании в 1910-х гг., в Австралии и Новой Зеландии ленты продолжали демонстрировать на экранах кинотеатров.

Кинематографическое творчество Асты Нильсен было отмечено не только несравненной артистической игрой, но и удивительным умением выражать эмоции и чувства через музыку и танец. Культовый фильм У. Гада «Бездна» с Астой Нильсен в главной роли показал взаимоотношение двух искусств — танца и кино. По словам Ю. Винар, «связь танца и кино — яркая и интересная коллаборация, которая помогает усиливать образы и углублять восприятие зрителя» (Винар 2022). В фильме «Бездна» танец — это метафора соблазнения. В исполнении А. Нильсен танец — эротический своеобразный этюд, символизирующий жгучую страсть. Актриса исполнила драматический танец «La Danse Apache», который ассоциировался с Парижской культурой начала XX в. Благодаря танцу фильм тогда заметили. Аста Нильсен предстала в образе женщины-вамп и femme fatale, женщины свободной и раскрепощенной. Существует мнение, что музыка, подобно маленькому рассказу, содержит в себе последовательный контекст, более подходящий для понимания слов. Музыка способствует эмоционально-чувственному восприятию мира, внутренней гармонии человека, его полифоничному отношению с внешним миром.

Свои ассоциации музыкального сопровождения к фильму «Бездна» с Астой Нильсен можно проиллюстрировать словами солиста британской группы U2 Bono «Music is the strongest form of magic that connects people» («Музыка — сильнейшая форма магии, которая объединяет людей»).

Многие ранее импортированные в Австралию фильмы с участием Нильсен не сходили с экранов вплоть до 1915 г., хотя еще в предвоенный период усилилось политическое и экономическое напряжение между Великобританией

и Германией, а после прекращения торговых отношений между Германией и странами Британского Содружества стало невозможным проникновение новых кинолент, снятых немецкими киностудиями.

Тем не менее, начиная с 3 февраля 1913 г., аделаидские газеты на все лады принялись расшатывать принадлежность А. Нильсен к немецкому кинематографу, утверждая ее датское происхождение. Adelaide Daily Herald в разное время называла ее «популярной датской актрисой» («the popular Danish artist»), «умной датской актрисой» («the clever Danish actress»). The Mail писала о ней как о «несравненной датской актрисе» («the incomparable Danish actress»). Современники отмечали, что ни один из этих эпитетов не мог сравниться по силе убеждения с фразой «YOU MUST REMEMBER, YOU MUST REMEMBER» — так писала в августе 1914 г. в рекламном тексте Taranaki Daily News, усиливая ее аффилиацию с Данией. По иронии судьбы в августе 1914 г. А. Нильсен, уже расставшись со своим мужем Урбаном Гадом, все еще жила в Берлине. Она учредила свою кинокомпанию и назвала ее Neutral Film.

Смена риторики в продвижении фильмов с участием А. Нильсен в Австралазии объяснялась изменением статуса немецких иммигрантов в Австралии к началу XX в. Интересна история появления немцев на территории Австралии. Первые трое оказались на Зеленом континенте в составе команды капитана Кука в период его второй экспедиции в 1772–1775 гг. Командующим флота в то время был капитан Артур Филлип, наполовину немец. Следующая волна немецких поселенцев состояла из «Старых лютеран», беженцев, прибывших в Австралию в 1830-х гг. по религиозным мотивам (Monteath 2011). Поначалу иммигранты селились в сельской местности в Южной Австралии, затем — в городах. Начиная с 1850-х гг. вплоть до начала Первой мировой войны, немцы представляли самую многочисленную этническую группу в Австралии. К 1910 г. их было уже порядка 100 тысяч в первом, втором и третьем поколениях.

Немецкие иммигрантские сообщества в Австралии представляли собой культурно разобщенные группы. Однако немцы прикладывали усилия по интеграции в австралийское общество. На ранних этапах в немецкие группы были включены выходцы из Моравии, лютеране, евреи, католики, миссионеры, революционеры, фермеры, ремесленники, торговцы, мясники и шахтеры. Все они говорили на разных языках и наречиях. К середине XIX в. немецкое иммигрантское сообщество состояло преимущественно из семей. Наплыв одиноких молодых людей случился после того, как началась милитаризация Германии и была введена всеобщая военная обязанность. Таким образом, к концу XIX в. немецкие поселенцы нашли свое место в австралийской колонии, переняв английский язык и достигнув известности. Однако на рубеже веков относительно привилегированное положение немцев стало расшатываться под действием страха и предубеждения выходцев из Великобритании.

В XIX в. престиж немецкой культуры в Британии и ее доминионах объяснялся связями и родством с британским королевским двором, однако эти отношения были принесены в жертву благодаря усиливающейся политической и экономической конкуренции между двумя государствами. С конца XIX в. вновь образованная германская империя расширяла свои колонии и доказывала свое право быть мировой державой, что не могло не вызывать враждебного к себе отношения со стороны Великобритании. Соперничество было манифестацией пагубной социальной стратификации в Австралии, основанной на псевдонауке расовой исключительности. По мнению Я. Гармшторфа и М. Сиглера, несмотря на то, что британские и немецкие поселенцы в Австралии довольно легко уживались между собой, популярность теорий об расовом превосходстве вынудила многих австралийцев британского происхождения смотреть на выходцев из Германии свысока, забыв о их значительных достижениях и вкладе в австралийскую культуру и общество в целом (Harmstorf, Cigler 1985, 108).

Напряжение между Британской империей и Германией усилилось на полях сражений во время Бурской войны и достигло своего апогея в Первую мировую войну. По свидетельству Джона А. Мозеса, агрессивная политика Германской империи в начале 1910-х гг. окончательно разъединила австралийцев с английскими корнями и выходцев из Германии, также считавших себя подданными Британии (Moses 2001, 134).

Многие немцы австралийского происхождения принимали участие на полях сражений Первой мировой войны в составе анзаковских войск и воевали против страны своих предков. Многим из них не суждено было вернуться на Родину. Однако антинемецкая риторика не смолкала. Герхард Фишер назвал в своей книге данный период как «самую темную главу» в жизни австралийских немцев (Fischer 1988, 22). В своей книге «The Germans in Australia» Хармшторф и Сиглер писали, что передовицы газет были пронизаны антигерманским настроением.

https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-74-83

Политики требовали лишить немцев избирательного права, простые австралийцы выкидывали из дома немецкие пианино и отказывались работать вместе с немцами (Harmstorf, Cigler 1985, 128). Так называемый «Номенклатурный акт» 1918 г. разрешил изменить названия десятков немецких городов и поселений в Австралии. Фамилии, названия растений и наименования кулинарных блюд отныне звучали на английский манер. Например, «Berliner Pfannkuchen» стали называться «Kitchener Buns» (Allen 2018, 253). Многие австралийцы, неважно, где они были рождены, в Австралии или Германии, были арестованы и интернированы в лагеря на острове Торренс около Аделаиды и в Ливерпуле, штат Новый Южный Уэльс.

Перед Первой мировой войной стойкий интерес немецких иммигрантов к немецкой культуре способствовал поддержанию рынка немецких кинофильмов даже тогда, когда в австралийском обществе начали ощущаться антинемецкие настроения. Подобные противоречия с успехом разрешались с помощью закрепления датского происхождения А. Нильсен и смены страны производства немецких фильмов. В Австралии и Новой Зеландии проживало большое количество населения с датскими корнями. Поэтому даже в самые тяжелые годы враждебности между Германией и Британией фильмы с участием А. Нильсен продолжали демонстрироваться на австралийских и новозеландских экранах. Например, «The Cry of a Child» (Das Kind ruft, Gad, 1914) и «Up to her Tricks» (Engelein, Gad, 1913) не сходили с экранов до июля 1915 г. Эти фильмы никогда не помечали как «произведенные в Германии». Напротив, фильмы с участием А. Нильсен зачастую рекламировали одновременно с документальными лентами, которые рассказывали о битвах анзаковских войск на театре европейских сражений.

Прекращение торговых отношений между Германией и Австралией означало, что отныне был запрещен прокат новых фильмов с участием А. Нильсен. По иронии судьбы фильмы, произведенные в 1915–1916 гг. киностудией Neutral, не попали на австралийские экраны. Например, фильм «The Eskimo Baby» Хайнца Шалля, 1916 г., не увидел премьерного показа до апреля 1918 г.

Именно в этот период кинематографический рынок Австралии стал заполняться голливудскими картинами. Австралийские зрители очень скоро нашли для себя новый предмет восхищения и низвергли с пьедестала А. Нильсен. Американская актриса Теда Бара была провозглашена газетой Kadina and Wallaroo Times «точным антиподом знаменитой Асты Нильсен» (Seen on the Screen 1916). Саму же звездную Асту Нильсен стали называть не иначе как «кареглазой вампиршей» (Film and footlights 1918).

Подобные действия со стороны австралийского общества к бывшей любимой актрисе и ее кинематографическому наследию напоминают явления, которые характеризуют в настоящее время словосочетанием «отмена культуры» (Cancel culture), вошедшим в обиход на рубеже 2010–2020-х гг. Отмена является мощным инструментом, способствующим социальным изменениям.

После войны торговые отношения между Австралией и европейскими странами постепенно возобновились. Однако эра межкультурного обмена посредством немого кино и слава Асты Нильсен безвозвратно прошли. Хотя иногда ее продолжали называть «восхитительной» и «обожаемой» (Who will forget the adorable Asta Nilsen?) (Moving pictures 1928).

Заключение

Тема этнической идентификации тесно связана с языком, языковым сознанием и культурой. Однако экстралингвистические факторы оказывают не меньшее, если не большее значение на ее поддержание или смену. В результате сложившихся определенным образом условий социального, политического и экономического толка можно наблюдать сложные, а порой противоречивые процессы, связанные с выбором отдельным индивидом или определенной социальной группой этнической идентичности. Пример звезды немого кино Асты Нильсен отражает сложную матрицу общественного отношения к языку, культуре и этнической идентификации. Философия включенности, приятия, лояльного отношения к актрисе датского происхождения, но творчески и профессионально тесно связанной с немецким языком и культурой, после начала Первой мировой войны сменилась на абсолютное исключение и неприятие со стороны австралийских и новозеландских зрителей и поклонников таланта Асты Нильсен.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

Винар, Ю. (2022) Танцы и кино. О возникновении танцев в кино. *Dance.ru*, 12 сентября. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dance.ru/news/tantsy-i-kino-o-vozniknovenii-tantsev-v-kino/ (дата обращения 03.02.2023).

Волков, А. (2017) «Бездна» Урбана Гада. *Postcriticism*, 16 декабря. [Электронный ресурс]. URL: https://postcriticism.ru/cul-de-sac-bezdna-urbana-gada/ (дата обращения 15.04.2023).

Гришаева, Е. Б. (2007) *Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и культурном пространстве (функциональный аспект). Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук*. Красноярск, СГУ, 46 с.

Гурин, С. (2018) Концепция карнавала М. Бахтина и теория архаического праздника В. Топорова. *Топос*, 19 апреля. [Электронный ресурс]. URL: https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/koncepciya-karnavala-m-bahtina-i-teoriya-arhaicheskogo-prazdnika-v (дата обращения 01.02.2023).

Кисунько, В. (1968) Аста Нильсен. В кн.: В. Головский (ред.). *Звезды немого кино*. М.: Искусство, с. 18–34.

Нильсен, Аста. (2023) *Википедия*. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нильсен,_Аста (дата обращения 15.04.2023).

Розенель, Н. А. (1965) Великий немой. *Наследие А. В. Луначарского. Философия, политика, искусство, просвещение*. [Электронный ресурс]. URL: http://lunacharsky.newgod.su/bio/pamat-serdca/velikij-nemoj/ (дата обращения 18.04.2023).

Allen, J. K. (2018) To be or not to be (German): Asta Nielsen and the contested circulation of German silent films in Australasia, 1910–1915. In: A. Bandhauer, T. Lay, Y. Lü, P. Morgan (eds.). *The world within. Self-perception and images of the Other in German literature and culture*. Melbourne: Australian Scholarly Publ., pp. 240–258.

Block, D. (2013) Issues in language and identity research in applied linguistics. *ELIA*, no. 13, pp. 11–46.

Collins, D. (1987) *Hollywood down under. Australians at the movies: 1896 to the present day*. London: Angus & Robertson Publ., 286 p.

Film and footlights. (1918) *Sunday Times*, 24 November. [Online]. Available at: https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/57997794?browse=ndp%3Abrowse%2Ftitle%2FS%2Ftitle%2F93%2F1918%2F11%2F24%2Fpage%2F4361199%2Farticle%2F57997794 (accessed 18.04.2023).

Film-Eventyret. (2023) *Emma Gad*. [Online]. Available at: https://www.emmagad.dk/emma-gads-andre-tekster/politiken/film-eventyret.html (accessed 18.04.2023).

Fischer, G. (1988) The darkest chapter: Internment and deportation of Enemy Aliens in Queensland, 1914–1920. In: M. Jurgensen, A. Corkhill (eds.). *The German presence in Queensland over the last 150 years*. Brisbane: University of Queensland Publ., pp. 22–34.

Hansert, A. (2007) *Asta Nielsen und die Filmstadt Babelsberg: Das Engagement Carl Schleussners in der deutschen Filmindustrie*. Petersberg: Imhof Verlag, 96 S.

Harmstorf, I., Cigler, M. (1985) *The Germans in Australia*. Melbourne: AE Press, 182 p.

Monteath, P. (ed.). (2011) *Germans: Travellers, settlers and their descendants in South Australia*. Kent Town: Wakefield Press, 472 p.

Moran, A., O'Regan, T. (eds.). (1989) *The Australian screen*. Victoria: Penguin Books Publ., 304 p.

Moses, J. A. (2001) *Australia and the Reich, 1870–1942: Deutschtumspolitik in Australia from Kaiserreich to Third Reich*. Armidale: School of Classics Publ.; History & Religion Publ.; University of New England Publ., 23 p.

Moving pictures. (1928) *The Australasian*, 21 July. [Online]. Available at: https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/140813843?browse=ndp%3Abrowse%2Ftitle%2FA%2Ftitle%2F460%2F1928%2F07%2F21%2Fpage%2F12015972%2Farticle%2F140813843 (accessed 18.04.2023).

Rozanov, T. (2016) Language and identity explored. *Journal of Arts & Humanities*, vol. 5, no. 6, pp. 1–8. https://doi.org/10.18533/journal.v5i6.948

Seen on the Screen. (1916) *Sunday Times*, December 10. [Online]. Available at: https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/58020579?browse=ndp%3Abrowse%2Ftitle%2FS%2Ftitle%2F93%2F1916%2F12%2F10%2Fpage%2F4365037%2Farticle%2F58020579 (accessed 18.04.2023).

References

Allen, J. K. (2018) To be or not to be (German): Asta Nielsen and the contested circulation of German silent films in Australasia, 1910–1915. In: A. Bandhauer, T. Lay, Y. Lü, P. Morgan (eds.). *The world within. Self-perception and images of the Other in German literature and culture*. Melbourne: Australian Scholarly Publ., pp. 240–258. (In English)

Block, D. (2013) Issues in language and identity research in applied linguistics. *ELIA*, no. 13, pp. 11–46. (In English)

Collins, D. (1987) *Hollywood down under. Australians at the movies: 1896 to the present day*. London: Angus & Robertson Publ., 286 p. (In English)

Film and footlights. (1918) *Sunday Times*, 24 November. [Online]. Available at: https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/57997794?browse=ndp%3Abrowse%2Ftitle%2FS%2Ftitle%2F93%2F1918%2F11%2F24%2Fpage%2F4361199%2Farticle%2F57997794 (accessed 18.04.2023). (In English)

Film-Eventyret [The movie adventure]. (2023) *Emma Gad*. [Online]. Available at: https://www.emmagad.dk/emma-gads-andre-tekster/politiken/film-eventyret.html (accessed 18.04.2023). (In Dutch)

Fischer, G. (1988) The darkest chapter: Internment and deportation of Enemy Aliens in Queensland, 1914–1920. In: M. Jurgensen, A. Corkhill (eds.). *The German presence in Queensland over the last 150 years*. Brisbane: University of Queensland Publ., pp. 22–34. (In English)

Grishaeva, E. B. (2007) *Tipologiya yazykovykh politik i yazykovogo planirovaniya v polietnicheskom i kul'turnom prostranstve (funktsional'nyj aspekt) [Typology of language policies and language planning in a multiethnic and cultural space (functional aspect)]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Krasnoyarsk, Saratov State University, 46 p. (In Russian)

Gurin, S. (2018) Kontseptsiya karnavala M. Bakhtina i teoriya arkhaicheskogo prazdnika V. Toporova [The concept of the carnival by M. Bakhtin and the theory of the archaic holiday by V. Toporov]. *Topos*, 19 April. [Online]. Available at: https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/koncepciya-karnavala-m-bahtina-i-teoriya-arhaicheskogo-prazdnika-v (accessed 01.02.2023). (In Russian)

Hansert, A. (2007) *Asta Nielsen und die Filmstadt Babelsberg: Das Engagement Carl Schleussners in der deutschen Filmindustrie [Asta Nielsen and the film city of Babelsberg: Carl Schleussner's involvement in the German film industry]*. Petersberg: Imhof Verlag, 96 S. (In German)

Harmstorf, I., Cigler, M. (1985) *The Germans in Australia*. Melbourne: AE Press, 182 p. (In English)

Kisun'ko, V. (1968) Asta Nil'sen [Asta Nielsen]. In: V. Golovskij (ed.). *Zvezdy nemogo kino [Stars of silent cinema]*. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 18–34. (In Russian)

Monteath, P. (ed.). (2011) *Germans: Travellers, settlers and their descendants in South Australia*. Kent Town: Wakefield Press, 472 p. (In English)

Moran, A., O'Regan, T. (eds.). (1989) *The Australian screen*. Victoria: Penguin Books Publ., 304 p. (In English)

Moses, J. A. (2001) *Australia and the Reich, 1870–1942: Deutschtumspolitik in Australia from Kaiserreich to Third Reich*. Armidale: School of Classics Publ.; History & Religion Publ.; University of New England Publ., 23 p. (In English)

Moving pictures. (1928) *The Australasian*, 21 July. [Online]. Available at: https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/140813843?browse=ndp%3Abrowse%2Ftitle%2FA%2Ftitle%2F460%2F1928%2F07%2F21%2Fpage%2F12015972%2Farticle%2F140813843 (accessed 18.04.2023). (In English)

Nil'sen, Asta [Nielsen, Asta]. (2023) *Vikipediya [Wikipedia]*. [Online]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нильсен,_Аста (accessed 15.04.2023). (In Russian)

Rozanov, T. (2016) Language and identity explored. *Journal of Arts & Humanities*, vol. 5, no. 6, pp. 1–8. https://doi.org/10.18533/journal.v5i6.948 (In English)

Rozenel', N. A. (1965) Velikij nemoj [The great mute]. *Nasledie A. V. Lunacharskogo. Filosofiya, politika, iskusstvo, prosveshchenie [The legacy of A. V. Lunacharsky. Philosophy, politics, art, education]*. [Online]. Available at: http://lunacharsky.newgod.su/bio/pamat-serdca/velikij-nemoj/ (accessed 18.04.2023). (In Russian)

Seen on the Screen. (1916) *Sunday Times*, December 10. [Online]. Available at: https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/58020579?browse=ndp%3Abrowse%2Ftitle%2FS%2Ftitle%2F93%2F1916%2F12%2F10%2Fpage%2F4365037%2Farticle%2F58020579 (accessed 18.04.2023). (In English)

Vinar, Yu. (2022) Tantsy i kino. O vozniknovenii tantsev v kino [Dancing and cinema. About the origin of dancing in the cinema]. *Dance.ru*, 12 September. [Online]. Available at: https://www.dance.ru/news/tantsy-i-kino-o-vozniknovenii-tantsev-v-kino/ (accessed 03.02.2023). (In Russian)

Volkov, A. (2017) "Bezdna" Urbana Gada ["The Abyss" by Urban Gad]. *Postcriticism*, 16 December. [Online]. Available at: https://postcriticism.ru/cul-de-sac-bezdna-urbana-gada/ (accessed 15.04.2023). (In Russian)

Check for updates

Текст-Музыка-Перевод

УДК 78

EDN FWADXN
https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-84-96

Приемы работы с поэтическим текстом в опере М. Фелдмана «Neither» на либретто С. Беккета в контексте антиоперной эстетики

Е. В. Литвих ✉[1]

[1] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе
Елена Вячеславовна Литвих,
ORCID: 0000-0002-3370-7825,
e-mail: composer.elena@mail.ru

Для цитирования: Литвих, Е. В. (2023) Приемы работы с поэтическим текстом в опере М. Фелдмана «Neither» на либретто С. Беккета в контексте антиоперной эстетики. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 2, с. 84–96. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-84-96 EDN FWADXN

Получена 16 июня 2023; прошла рецензирование 20 августа 2023; принята 11 декабря 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. В. Литвих (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Опера М. Фелдмана на либретто С. Беккета «Neither» представляет собой один из ярких примеров «антиоперной» эстетики в музыке XX века. Произведение отличается максимальной деперсонализацией единственного действующего лица оперы и отсутствием какой бы то ни было театральной конкретности (сюжета, сценического действия и т. д.). В то же время, сравнивая «Neither» с экспериментальными сочинениями современников Фелдмана, можно заметить, что концепция произведения находится между традиционной оперой и ее отрицанием. Данная статья посвящена анализу методов работы композитора с поэтическим текстом с точки зрения той роли, которую они играют в воплощении оригинальной концепции оперы. В ходе анализа удается выяснить, что с помощью ряда приемов (таких, как нарушение синтаксической связности текста, разрывы слов, большое количество бестекстовых фрагментов, отсутствие интонационного разнообразия и др.) достигается эффект деперсонализации, который является ключевым моментом концепции оперы. Анализ приемов работы Фелдмана с поэтическим тестом также позволяет выявить принципиальные отличия между вокальными партиями в опере «Neither» и концептуально близкой ей монодраме А. Шёнберга «Erwartung». Автор исследования приходит к выводу, что музыка Фелдмана создает эффект погружения в глубокие слои психики, балансирования между осознаванием и неосознаванием героиней оперы собственной идентичности. Кроме того, в статье прослеживается сходство фелдмановской концепции времени, основанной на самоценности каждого момента и отсутствии причинно-следственных связей между ними, с идеей «чистой длительности» А. Бергсона.

Опера «Neither» также может служить примером оригинального решения актуальной для художественной культуры XX века идеи преодоления субъект-объектной дуалистичности мировосприятия. Опираясь на анализ ряда стилистических особенностей произведения, автор статьи выдвигает предположение, что процесс преодоления субъект-объектных границ виделся Фелдману скорее как трансформация индивидуального сознания, чем как его разрушение.

Ключевые слова: Фелдман, Беккет, «Neither», антиоперная эстетика, моноопера, деперсонализация, «чистая длительность»

Techniques for working with poetic text in M. Feldman's opera "Neither" to the libretto by S. Beckett in the context of anti-opera aesthetics

E. V. Litvikh ✉[1]

[1] Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author
Elena V. Litvikh,
ORCID: 0000-0002-3370-7825,
e-mail: composer.elena@mail.ru

For citation: Litvikh, E. V. (2023) Techniques for working with poetic text in M. Feldman's opera "Neither" to the libretto by S. Beckett in the context of anti-opera aesthetics. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 2, pp. 84–96. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-84-96
EDN FWADXN

Received 16 June 2023; reviewed 20 August 2023; accepted 11 December 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. V. Litvikh (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. M. Feldman's opera "Neither" based on S. Beckett's libretto is one of the striking examples of "anti-opera" aesthetics in the music of the 20th century. The work is distinguished by the maximum depersonalization of the only character in the opera and the absence of any theatrical specificity (plot, stage action, etc.). At the same time, comparing "Neither" with the experimental works of Feldman's contemporaries, one can notice that the concept of the work is between traditional opera and its negation.
This article is devoted to the analysis of the composer's methods of working with poetic text from the point of view of the role they play in the embodiment of the original concept of the opera. During the analysis, it is possible to find out that with the help of a number of techniques the effect of depersonalization is achieved, which is the key point of the concept of the opera. An analysis of Feldman's methods of working with poetic test allows us to identify fundamental differences between the vocal parts in "Neither" and A. Schoenberg's "Erwartung". The author of the study comes to the conclusion that Feldman's music creates the effect of immersion into the deep layers of the psyche. The article also traces the similarity of Feldman's concept of time, based on the intrinsic value of each moment and the absence of cause-and-effect relationships between them, with the idea of "pure duration" by A. Bergson.
The opera "Neither" can also serve as an example of an original solution to the idea of overcoming the subject-object duality of worldview, which is relevant for the artistic culture of the 20th century. The author of the article puts forward the assumption that Feldman saw the process of overcoming subject-object boundaries as a transformation of individual consciousness rather than as its destruction.

Keywords: Feldman, Beckett, "Neither", anti-opera aesthetics, mono-opera, depersonalization, "pure duration"

Введение

Историческая роль оперы «Neither» М. Фелдмана на либретто С. Беккета довольно парадоксальна. Произведение, отрицающее целый ряд фундаментальных закономерностей жанра, который оба создателя «Neither» откровенно не любили, стало в итоге одной из наиболее заметных вех в развитии оперного искусства.

«Neither» по ряду признаков можно отнести к числу так называемых «антиопер». На протяжении 1960–1970-х годов композиторами-авангардистами было создано несколько произведений, которые музыковеды объединяют этим термином в силу противоречия данных музыкально-драматических композиций эстетике классической оперы, которое, как правило, сознательно подчеркивалось авторами (Карпун 2018; 2021)[1]. Опера Фелдмана стоит в этом ряду несколько особняком, так как не содержит характерного для большинства «антиопер» элемента пародийности по отношению к оперному наследию прошлого (Карпун 2021)[2]. Однако в плане отрицания фундаментальных основ, составляющих специфику жанра, «Neither» вполне вписывается в антиоперную эстетику. В данной статье будет предпринята попытка выявить наиболее существенные черты эстетической концепции «Neither» на основе анализа приемов работы Фелдмана с поэтическим текстом.

[1] В свою очередь, антиопера является частью более широкого жанрового направления в музыке XX века — нового музыкального театра (Тарнопольский 2015).

[2] Правда, если рассматривать текст Беккета как самостоятельное поэтическое произведение, можно усмотреть иронию в соотношении его экстраординарной краткости с термином «либретто», который переводится с итальянского как «книжечка».

Либретто

Стилистические особенности «Neither» в значительной степени предопределены текстом Беккета, который, в свою очередь, был написан в соответствии с представлениями Фелдмана о будущем произведении. Вообще же история создания оперы весьма специфична и дает понять, что стилистическая цельность произведения во многом обусловлена сходством мировосприятия его авторов, позволившим им понять друг друга буквально с полуслова.

Так, когда Беккет спросил Фелдмана, какой текст ему нужен для будущей оперы, композитор ответил, что он искал «something that just hovered» — «что-то, что просто парило»[3] (Skempton 1977, 5). Столь расплывчатое определение для Беккета, тем не менее, оказалось максимально конкретным[4]. Он тут же набросал первые несколько строк, а остальное прислал композитору позднее почтовой открыткой. Полный текст либретто[5] выглядит так:

"Neither"
to and fro in shadow from inner to outer shadow
--
from impenetrable self to impenetrable unself by way of neither
--
as between two lit refuges whose doors once neared gently close, once away turned from gently part again
--
beckoned back and forth and turned away
--
heedless of the way, intent on the one gleam or the other
--
unheard footfalls only sound
--
till at last halt for good, absent for good from self and other
--
then no sound
--
then gently light unfading on that unheeded neither
--
unspeakable home

Рассматривая текст Беккета как литературную основу для оперы, необходимо отметить, что оригинальность его заключается отнюдь не только и не столько в экстремальной краткости, сколько в несоответствии драматургическим канонам оперного либретто даже в весьма расширительной трактовке этого понятия. Текст Беккета не содержит не только связного рассказа о событиях, но и абсолютно никакой театрально-сценической конкретности: никакого намека на сюжет (хотя бы далекий от реалистического), никаких персонажей, никакого взаимодействия между ними, и более того, наличие какого-либо определенного действующего лица отрицается уже самим названием произведения, которое переводится с английского как «никто», «никакой», «ни один», «ни тот, ни другой».

При этом текст великолепно создает состояние неопределенности («hover»), которое и хотел воплотить в музыке Фелдман, а также насыщен чрезвычайно яркими, нередко парадоксальными образами: тень, в которой можно пребывать, двигаясь при этом в противоположных направлениях; загадочные двери, которые, как только к ним приблизишься, мягко закрываются, а как только отвернешься, разъединяются снова; неслышные, но при этом *звучащие* шаги и т. д.

Таким образом, эстетическую концепцию «Neither» можно рассматривать как отрицание ряда фундаментальных принципов, на которых базировалась классическая (в широком смысле) опера, возникшая в XVII веке и тесно связанная с основными концептуальными доминантами Нового времени. Как указывают В. Н. Холопова и Ю. Н. Холопов, «эпоха индивидуализма XVII–XIX веков стремилась запечатлеть в музыке образ человеческой личности в его телесно-духовной конкретности» (Холопова, Холопов 1984, 167). И именно в опере, где «образ человеческой личности» воплощен не только музыкально-языковыми, но и визуально-театральными средствами, данная эстетическая установка была реализована в наибольшей мере. Однако текст Беккета содержит диаметрально противоположные идеи — максимальной деперсонализации (вплоть до отрицания наличия какого-либо определенного действующего лица) и «атеатральности» (отсутствия какого бы то ни было сюжета и сценического действия).

Данная художественная концепция весьма характерна для своего времени. Как уже говорилось, 1960–1970-е годы — это время активных и чрезвычайно разнообразных экспериментов композиторов-авангардистов в области музыкального театра, причем отличительной чертой

[3] Слово «hover» также можно перевести как «зависать», «колебаться». *Здесь и далее перевод автора статьи.*

[4] Вероятно, такой эффект был обусловлен спецификой художественного мышления Беккета: персонажи его произведений часто лишены индивидуальных черт, время и место действия отличаются неопределенностью, а событийная сторона сюжета сведена на нет.

[5] В исследованиях, посвященных «Neither», обычно используется традиционная оперная терминология (Laws 1996; Livengood 2012; Owings 2018), что представляется обоснованным, поскольку произведение Фелдмана, как будет показано в дальнейшем, несмотря на радикальное новаторство, обладает также ярко выраженной исторической преемственностью.

https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-84-96

многих из них является радикальный разрыв с предшествующей традицией, что дает основания музыковедам называть ряд сочинений этого периода «антиоперами»[6]. А одним из важнейших отличительных признаков антиопер, по словам Н. А. Карпун, является «обращение к абстрактной концепции вместо сюжета, “распадение повествования (нарративности)”, то есть фактически антинарративность» (Карпун 2021, 134).

Музыкальная интерпретация поэтического текста

Что касается музыкальной интерпретации либретто Беккета, то можно сказать, что она в полной мере реализует заложенные в тексте идеи. Прежде всего надо упомянуть, что, хотя это и не предопределено либретто, действующее лицо в опере все же появляется. Фелдман поручает единственную вокальную партию сопрано, таким образом давая понять, что героиня оперы — женщина. Однако это единственное, что можно с определенностью сказать о героине. Мы по-прежнему не знаем ни имени, ни возраста, ни тем более каких-то обстоятельств ее жизни.

Более того, мы не можем составить себе отчетливого представления и о внутреннем мире героини, так как ее психический облик также лишен определенности. В значительной степени это достигается рядом приемов работы с поэтическим текстом, отчего вокальная партия в опере звучит весьма специфично.

Как известно, речь является одним из важнейших психических процессов (Барабанов 2021). По ее индивидуальным особенностям (темп, ритм, преобладающие интонации и т. д.) можно многое сказать о характере человека, а также о том психологическом состоянии, в котором он в данный момент находится. В музыковедении прием реконструкции «психологического портрета» героя по характеру вокального интонирования применим к очень широкому кругу произведений, включая значительную часть вокальной музыки XX века. Однако если попытаться использовать этот метод при анализе оперы Фелдмана, то выясняется, что ряд особенностей речи ее единственной героини не вполне вписывается в существующие представления о психической норме.

Так, в вокальной партии полностью отсутствует сходство с характерными речевыми ритмами. Безусловно, несовпадение речевого и музыкального ритма свойственно и классической вокальной музыке (Ручьевская 1988), однако в опере Фелдмана имеет место не только некоторое несоответствие, а фактически полное разрушение речевого ритма, что выражается в том числе в разрыве некоторых слов паузами. Так, например, происходит со словом «shadow». С другой стороны, некоторые слова из нескольких слогов Фелдман записывает под одной длительностью в нотном тексте, что также подчеркивает противоречие между речевым и музыкальным ритмом (рис. 1).

Кроме того, Фелдман систематически нарушает синтаксическую связность беккетовского либретто, которая, надо сказать, и так не очень

[6] При этом композиторы предпочитают иные жанровые определения для своих произведений: «сценическая композиция» («Staatstheater» М. Кагеля), «сценическое действие» («Intolleranza» Л. Ноно) «вариабельная фантазия в жанре оперы» («Ваш Фауст» А. Пуссёра) и др. (Карпун 2021).

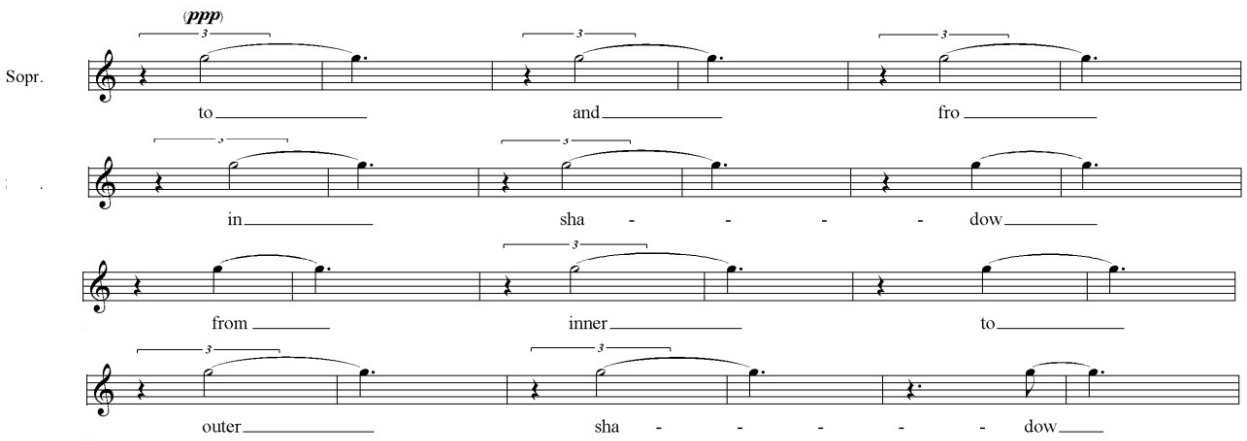


Рис. 1. М. Фелдман. «Neither», такты 145–168, партия сопрано

Fig. 1. M. Feldman. “Neither”, bars 145–168, soprano part

велика: в нем почти отсутствуют знаки препинания[7], что размывает структуру текста и позволяет лишь весьма условно разделить его на предложения, которые, к тому же, нередко лишены грамматической основы (например, в первых строчках).

Однако в опере некоторая структурно-грамматическая неопределенность текста Беккета многократно усиливается. Этому способствует целый ряд художественных приемов. Во-первых, длительность оперы — 50 минут — совершенно несопоставима со временем произнесения вербального текста. Разумеется, и в классических операх нередко достаточно краткий текст становится основой для вполне развернутой арии (за счет многочисленных повторов и обилия слоговых распевов). Однако в операх прошлого такие фрагменты обязательно перемежаются с речитативами, где текст доносится в максимально приближенном к речевому звучанию виде. Здесь же подобной «компенсации» не происходит, что затрудняет восприятие смысла и структуры текста, а также заставляет ощущать речь героини как неестественно замедленную.

Кроме того, текст беккетовского либретто обильно «разбавлен» в опере Фелдмана многочисленными вокализами. При этом иногда мелодию с текстом можно поначалу перепутать с вокализом. Так происходит, например, при появлении словосочетания «unspeakable home», так как на первый его слог приходится длинный распев, приходящийся практически на ту же самую фонему, которая присутствует и в вокализах. Помимо этого, слоговые распевы столь масштабны, что слово «unspeakable» невозможно спеть на одном дыхании, в результате чего слово разрывается. Все это, безусловно, способствует меньшей ясности текста (рис. 2).

Также встречается пример грамматического рассогласования: фраза «unheard footfalls only sound» при повторе звучит как «unheard footfalls only sounds», то есть существительное употребляется во множественном числе, а глагол — в единственном. Кроме того, музыкальные цезуры нередко не соответствуют грамматической структуре вербального текста.

Так, например, во фразе «as between two lit refuges whose doors once neared gently close, once away turned from gently part again» («как между двумя освещенными пристанищами, чьи двери, как только приблизишься, мягко закрываются, а как только отвернешься, мягко разъединяются снова») слово «whose» («чьи»), соединяющее слова «refuges» («пристанища») и «doors» («двери»), отделено долгой паузой и от того, и от другого. При этом на слове «doors» в вокальной партии появляется новый музыкальный материал, что еще больше разрушает синтаксическую цельность фразы (рис. 3).

Еще более ярким примером этого приема служит фраза «heedless of the way, intent on the one gleam or the other» («безразличный к пути, сосредоточенный на одном или другом проблеске»). Здесь слова «intent on» («сосредоточенный на») и словосочетание «the one gleam or the other» («одном или другом проблеске»), к которому они относятся, разделены очень протяженным оркестровым фрагментом, в котором происходит целый ряд значимых музыкальных событий, в том числе проведение унисонной темы, одной из важнейших в опере. Разрушение цельности вербального текста подчеркивается также тем, что вокальная партия на словах «the one gleam or the other» возвращается не к трехзвучному мотиву «fis^2–g^2–as^2», звучавшему в первой части фразы, а к повторению звука «g^2», с которого начиналась вокальная партия оперы (рис. 4, 5).

Таким образом, можно заметить, что смена музыкального материала в вокальной партии подчеркивает появление нового, яркого поэтического образа, что для композитора оказывается важнее синтаксической связности текста. Это производит эффект «разорванности», фрагментарности хода мыслей героини оперы. Кроме всего вышеперечисленного, Фелдман активно пользуется и таким традиционным способом работы с вербальным текстом, как повторы отдельных слов и их комбинаций, что в сочетании со всеми перечисленными приемами также способствует затрудненности восприятия текста.

Необходимо отметить, что действие некоторых из описанных выше приемов по ходу действия оперы усиливается. Так, возрастает протяженность вокализов (суммарная длительность трех последних вокализов превышает суммарную длительность всех предшествующих). Большинство повторов слов сконцентрировано в последних фразах текста. Здесь же находятся и наиболее протяженные слоговые распевы, и прием разрыва слов паузами достигает кульминации как в количественном, так и в качественном отношении.

Интересно, что К. Ливенгуд, анализируя музыкальный материал оперы, приходит к выводу, что ближе к концу оперы ее основные тематические элементы разрушаются (Livengood

[7] При этом Беккет использует специфический знак препинания — черту, чтобы подчеркнуть автономность каждой фразы.

https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-84-96

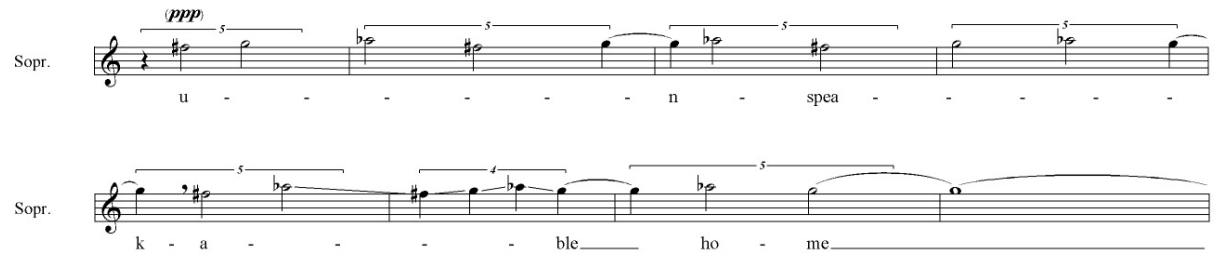


Рис. 2. М. Фелдман. «Neither», такты 1362–1369, партия сопрано

Fig. 2. M. Feldman. “Neither”, bars 1362–1369, soprano part

Рис. 3. М. Фелдман. «Neither», такты 209–264, партия сопрано

Fig. 3. M. Feldman. “Neither”, bars 209–264, soprano part

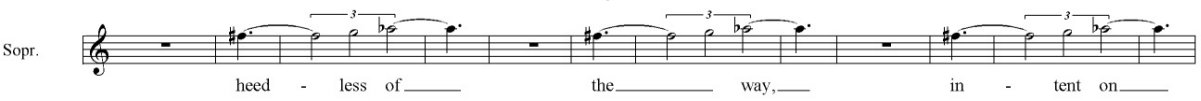


Рис. 4. М. Фелдман. «Neither», такты 493–504, партия сопрано

Fig. 4. M. Feldman. “Neither”, bars 493–504, soprano part

Рис. 5. М. Фелдман. «Neither», такты 602–613, партия сопрано

Fig. 5. M. Feldman. “Neither”, bars 602–613, soprano part

2012). Таким образом, можно сделать вывод, что данный процесс идет параллельно с уменьшением структурной связности вербального текста.

Что касается интонационной (звуковысотной) стороны вокальной партии, то скандированное повторение одного и того же тона, как и постоянные повторы интонаций (точные либо варьированные), характерные в целом для стиля Фелдмана[8], также не соответствуют нормам естественной речи, которой, как правило, свойственно интонационное разнообразие[9]. При этом, повторяя те или иные музыкальные фрагменты, композитор, как правило, вносит в них небольшие, часто едва заметные изменения, в результате чего возвращающиеся на расстоянии тематические элементы воспринимаются «достаточно похожими, чтобы активировать память, но достаточно измененными, чтобы вызвать сомнение» (Owings 2018, 26).

Данный метод имеет чрезвычайно важное значение для психологической характеристики единственного действующего лица оперы: как отмечает Ливенгуд, применяемые Фелдманом приемы микроварьирования производят эффект потери героиней произведения контроля над собственными воспоминаниями, эффект нестабильности памяти и, соответственно, неопределенности настоящего, а в конечном счете — размывания личностных границ и потери ощущения собственной идентичности (Livengood 2012). Таким образом, на смену классическим оперным героям, обладавшим вполне отчетливым набором внешних и внутренних (психологических) черт, в «Neither» Фелдмана приходит персонаж без имени, возраста и биографии, весьма смутно осознающий себя в качестве субъекта.

Исторические прототипы

Необходимо отметить, что, несмотря на ярко выраженное новаторство Фелдмана, его произведение, тем не менее, имеет глубокие исторические корни. В частности, одним из прототипов «Neither» можно считать так называемые «сцены безумия», широко распространенные в операх XVII–XX веков. Из всего разнообразия сюжетно-драматургических и музыкально-стилистических прочтений такого рода сцен наиболее стилистически близким к «Neither» представляется так называемое «Koloraturdelirium» («колоратурное безумие»)[10], то есть трогательно-идеалистическая трактовка потери рассудка, распространенная, в основном, в операх первой половины XIX века. Основанием для проведения такой аналогии является высокая тесситура партии сопрано в сочетании с эмоционально-психологическим состоянием отрешенности, сосредоточенного самоуглубления, полного погружения героини произведения в свой собственный иллюзорный мир, оторванный от окружающей действительности.

Разумеется, в музыке XIX века сложно найти какие-либо «клинические» признаки безумия — о потере рассудка героиней (героем) оперы мы узнаем главным образом из либретто. Однако есть некоторые моменты, на которые хотелось бы обратить внимание. Так, например, кульминацией сцены безумия Лючии из оперы Г. Доницетти «Лючия ди Ламмермур» является развернутый эпизод без слов — каденция, исполняемая в очень высоком регистре в сопровождении флейты. Учитывая сценическую ситуацию, можно предположить, что исчезновение вербального текста, возможно, символизирует в данном случае полный разрыв героини оперы с окружающим миром и частичную потерю контроля над собственными психическими процессами.

Кроме того, в целом сцена безумия Лючии отличается обилием виртуознейших колоратур, которые сами по себе, разумеется, признаком безумия не являются, но в данном контексте также способствуют созданию впечатления «отрыва от реальности»[11]. Напомним, что в «Neither» Фелдмана удельный вес вокализов в партии сопрано очень велик, и длительность их возрастает к концу оперы, что производит в целом сходный эффект. При этом следует уточнить,

[8] Принцип повторности, на котором основаны произведения Фелдмана, заставляет поставить вопрос о его принадлежности к композиторам-минималистам, на который у исследователей нет однозначного ответа. Так, Р. Тарускин пишет, что Фелдмана обычно не относят к минималистам (Taruskin 2005). П. Г. Поспелов, предлагая отличать минимализм как философскую концепцию от репетитивной техники, считает, что в музыке Фелдмана есть первое, но нет второго (Поспелов 1992). В то же время термин «паттерн» — основной композиционный элемент минималистической композиции — по отношению к музыке Фелдмана используется как самим композитором, так и исследователями его творчества (Ляхова 2014; Feldman 1985; Law 1996; Livengood 2012). Более того, комментируя свое сочинение «Why Patterns?» («Почему паттерны?») композитор утверждает, что сочиняет «исключительно паттернами» (Фелдман 2019, 178).

[9] Необходимо уточнить, что такой аскетизм характерен главным образом для фрагментов с текстом. В вокализах интонационная сторона мелодии значительно богаче.

[10] Термин Э. Хузер (Huser 2006).

[11] Как пишет Д. В. Любимов, «сумасшествие как будто освобождает голос Лючии от уз слова и дает ему свободу полета» (Любимов 2022, 34).

https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-84-96

что трактовать психологическое состояние героини Фелдмана как потерю рассудка было бы необоснованным — хотя бы потому, что в либретто нет об этом никакой информации. Скорее можно говорить о предельном самоуглублении, при котором некоторые психические процессы трансформируются.

Еще одним историческим прототипом «Neither» является моноопера, являвшаяся к моменту создания «Neither» уже сформировавшимся, но еще достаточно молодым жанром. При этом больше всего общих черт обнаруживается между «Neither» и монодрамой А. Шёнберга «Ожидание» («Erwartung»): в обоих произведениях героини не имеют имени и определенного возраста и находятся, в основном, в мире собственных эмоций, мыслей и ощущений. Однако в их восприятии себя и окружающего мира есть существенные отличия, которые отражены в ряде особенностей вокальных партий.

Так, например, трудно усомниться в способности Женщины (eine Frau) из «Erwartung» к осознанию своих чувств, мыслей и воспоминаний. Во многом эта уверенность обусловлена тем, что вокальная мелодия в монодраме Шёнберга не входит в противоречие ни с ритмом, ни тем более с синтаксической структурой вербального текста, а изломанные мелодические линии и резкие тесситурные перепады являются вполне естественным выражением взвинченного эмоционального состояния, в котором героиня находится.

Напротив, речь женщины из оперы «Neither» не выражает богатого спектра контрастных эмоций. Более того, в результате применения комплекса рассмотренных выше приемов музыкальной интерпретации поэтического текста возникает впечатление, что процесс выражения своих мыслей в речевой форме как будто бы дается ей с трудом.

Если попытаться реконструировать «психологический портрет» героини Фелдмана по особенностям вокального интонирования, то выясняется, что ее речь отличается рядом особенностей, которые в реальной жизни оцениваются как несоответствующие психической норме и описываются такими терминами, как брадилалия[12], скандированная речь[13], синтаксическая[14] и интонационная афазия[15].

[12] Замедление темпа речи (Стоименов и др. 2003).

[13] Расстройство речи, при котором слова произносятся медленно, по слогам (Стоименов и др. 2003).

[14] Нарушение синтаксической организации речи (Стоименов и др. 2003).

[15] Расстройства речи, при которых она теряет интонационное разнообразие, становится монотонной (Стоименов и др. 2003).

Художественный смысл такой специфичной вокальной партии, по-видимому, состоит в создании эффекта погружения героини «Neuther» в глубинные слои собственной психики, которые сознание уже не может полностью контролировать, отчего границы ее личности становятся размытыми, и она может балансировать на грани между осознаванием и неосознаванием собственной идентичности. В этой связи необходимо кратко упомянуть характер течения времени в опере Фелдмана, хотя эта проблема, безусловно, заслуживает отдельного и подробного рассмотрения.

Так, Ливенгуд утверждает, что в результате использования Фелдманом приемов микроварьирования в сочетании с отсутствием причинно-следственной связи событий у слушателя возникает ощущение, что «один момент времени эквивалентен по значимости любому другому моменту» (Livengood 2012, 105). Сам композитор отмечал: «Я не часовщик, меня интересует то, как подобраться ко Времени в его неструктурированном существовании» (Ляхова 2014, 15).

Данные высказывания, на наш взгляд, перекликаются с концепцией «чистой длительности» А. Бергсона. Французский философ полагал, что «чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше “я” активно работает, когда оно не устанавливает различия между настоящими состояниями и состояниями, им предшествовавшими» (Бергсон 1999, 750). При этом, согласно Бергсону, чистая длительность — это глубинная сущность сознания, в то время как способность к разграничению состояний и выстраиванию их в линейную последовательность относится к его поверхностному слою, который наиболее тесно соприкасается с внешним миром. В этой связи можно высказать предположение, что, разграничивая различные психические состояния и упорядочивая их во времени, сознание тем самым устанавливает и собственную идентичность, (как инвариант, сохраняющийся при различных изменениях) и нетождественность внешнему миру[16]. В то же время при отсутствии такого разграничения личностные границы размываются.

В свете всего сказанного выше можно заключить, что характер музыкального процесса в опере Фелдмана, основанный на эквивалентности всех моментов времени, способствует эффекту погружения в наиболее глубокие слои психики, при котором утрачивается ощущение причинно-следственной связи событий, что

[16] Похожую концепцию идентичности предлагает Э. Эриксон (Эриксон 1996).

в значительной степени способствует созданию ощущения деперсонализации, имеющего ключевое значение в эстетической концепции оперы.

Роль «Neither» в процессе трансформации оперного жанра

Рассматривая «Neither» Фелдмана в контексте многочисленных экспериментов 1960–1970-х гг. в области музыкального театра, необходимо отметить своеобразную «двойственность» эстетической концепции данного произведения: наряду с переосмыслением некоторых основополагающих принципов классической оперы композитор сохраняет и ряд ее традиционных свойств, и в этом смысле оказывается «менее радикальным», чем многие его современники. Так, одним из ключевых свойств «Neither» является антинарративность, выраженная в отказе от сюжета как понятной и логически обусловленной последовательности событий. В этом смысле опере Фелдмана предшествовал целый ряд сочинений: «Originale» К. Штокхаузена (1961), «Sur Scène» и «Staatstheater» М. Кагеля (1959 и 1970), «Passaggio» Л. Берио (1962), «Aventures» и «Nouvelles Aventures» Д. Лигети (1962 и 1965) и др. Кроме того, характерным «антиоперным» признаком «Neither» является и то, что ее действие (если это можно так назвать) происходит «вне традиционного времени-пространства» (Карпун 2021, 134).

С другой стороны, если в ряде музыкально-театральных опусов 1960–1970-х гг. композиторы отказываются от таких неотъемлемых атрибутов классической оперы, как господство вокального начала, а также заменяют оркестр инструментальным ансамблем, в том числе с участием электроники[17], то вокально-инструментальный состав «Neither» вполне традиционен — сопрано и симфонический оркестр. Не характерен для Фелдмана и отказ от специфически музыкальной драматургии в пользу, например, визуально-сценической (как в «Staatstheater» Кагеля)[18].

Кроме того, в опере Фелдмана присутствует вербальный текст очень высокого художественного уровня, причем, несмотря на ряд приемов, размывающих структурную целостность либретто, текст все же не распадается на автономно существующие слоги[19]. Таким образом, можно сделать вывод, что «Neither» является скорее не антиоперой в полном смысле этого слова, а находится *«между»* традиционной оперной концепцией и ее отрицанием, что проявляется в ряде концептуальных и стилистических особенностей.

В этой связи уместно упомянуть о том, что для Фелдмана имела важное значение идея «промежуточности». «Я предпочитаю думать о своей работе так: между категорий. Между временем и пространством. Между живописью и музыкой. Между музыкальной конструкцией и ее поверхностью», — писал композитор (Фелдман 2019, 117)[20].

Промежуточность как балансирование между различными категориями, состояниями, наличием и отсутствием того или иного конструктивного элемента композиции проявляется в различных аспектах «Neither». Так, в опере есть персонаж, но он максимально деиндивидуализирован, есть либретто, но фактически нет сюжета, присутствует полноценная вокальная партия с текстом, но функциональная дифференциация звучаний сопрано и оркестра выражена очень слабо, в результате чего мелодия как будто есть, но в то же время ее как бы и нет[21]; текст либретто то появляется, то как будто исчезает (поскольку прерывается паузами и вокализами); благодаря тончайшим приемам микроварьирования создается неразрывное единство статики и непрерывного обновления, в результате чего ощущение времени как движения от прошлого к будущему практически исчезает, но зато можно почувствовать подлинную (в фелдмановской трактовке) суть времени, не искаженную композиторскими манипуляциями[22].

[17] Так, в «Опере» Л. Берио пение часто заменяется мелодекламацией. В «Originale» К. Штокхаузена используется музыка его более раннего сочинения «Kontakte» для фортепиано, ударных и электроники, а также фрагменты других сочинений (в виде аудиозаписи). В «Эйнштейне на пляже» Ф. Гласса не участвуют профессиональные певцы, а оркестр заменен инструментальным ансамблем.

[18] Н. А. Карпун считает отказ от господства вокального начала и специфически музыкальной драматургии важнейшими типологическими признаками антиоперы, наряду с антинарративностью (Карпун 2021).

[19] В этом отношении текст в опере Фелдмана отличается значительно большей смысловой и синтаксической цельностью, чем в сочинениях ряда его современников. К примеру, в операх М. Монк часто используются тексты, состоящие из отдельных слов и слогов, «не связанных с передачей конкретных смыслов» (Кисеева, Кисеев 2019, 37). В «Staatstheater» Кагеля в качестве вербального ряда используются только отдельные слоги, распевающиеся как вокализы.

[20] По счастливому совпадению, либретто Беккета также транслирует идею «промежуточности» — как некого пограничного состояния души.

[21] Фелдман говорил, что стремился «создать ощущение, что она (сопрано. — *Е. Л.*) поет, и у вас возникает чувство, что это мелодия, и все же мелодии нет» (Owings 2018, 18).

[22] Фелдман, по его словам, стремился к тому, чтобы «позволить времени быть, а не воспринимать его как композиционный элемент» (Фелдман 2019, 113).

https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-84-96

В итоге общий художественный эффект произведения можно описать как погружение в особое психологическое состояние, при котором утрачивается причинно-следственная связь событий, время предстает в синкретически-неструктурированном виде, ощущение собственной идентичности и отделенности от окружающего мира размывается, что дает возможность почувствовать не воспринимаемые в обычном состоянии «вибрации мироздания».

В этом отношении эстетическая концепция Фелдмана в высшей степени актуальна для своего времени, так как одной из основополагающих идей, определяющих специфику художественной культуры всего XX века (и в особенности его второй половины), является поиск путей преодоления субъект-объектной дуалистичности мировосприятия, которая очерчивает между «я» и окружающим миром четкую и во многих отношениях непреодолимую границу (Просняков 2012). В американской музыке XX века данная идея нашла отражение в особом внимании к самоценности звука, которое было характерно как для представителей музыкального экспериментализма первой половины столетия: Г. Коуэлла, Дж. Кейджа, Л. Хэррисона (Тимошенко 2004), так и позже для композиторов Нью-Йоркской школы: Дж. Кейджа, М. Фелдмана, К. Вулфа, Э. Брауна. По-видимому, с поисками в данном направлении связаны и эксперименты в области алеаторики[23], и опыты по компиляции фрагментов сочинений других авторов (например, цикл «Еврооперы» Кейджа), и увлечение ряда композиторов восточной философией[24].

В опере «Neither» Фелдман предлагает свой вариант решения данной проблемы: сохраняя некоторые традиционные признаки музыкального жанра, в котором субъект-объектная парадигма мировосприятия выражена наиболее отчетливо, он активно трансформирует другие. Так, в опере, в отличие от либретто Беккета, есть действующее лицо, хотя и деиндивидуализированное, есть мелодия, пусть и периодически «тонущая» в оркестровых звучаниях, есть, наконец, выписанный нотный текст, который можно рассматривать как проявление авторской индивидуальности в художественной ткани произведения[25].

В итоге Фелдман, похоже, находит способ сделать границу, которой сознание человека отделяет себя от окружающего мира, проницаемой, не разрушая ее полностью. Таким образом, несмотря на отмеченную выше близость творческих устремлений композитора и либреттиста, концепция Фелдмана все же оказывается оптимистичнее беккетовской: если для Беккета преодоление субъект-объектных границ, по-видимому, означает полный распад индивидуального сознания и растворение его в безличном «ничто» (то есть смерть субъекта), то композитору итог мучительных исканий неприкаянной души, вероятно, виделся иначе[26]. Во всяком случае, процесс размывания самоидентичности героини фелдмановской оперы ощущается скорее как путь к трансформации индивидуального сознания, чем как путь к его неизбежному разрушению.

Идеи Фелдмана оказали существенное влияние на развитие оперного жанра в конце XX — начале XXI века. Так, например, получает дальнейшее развитие идея деперсонализации. В частности, в опере С. Райха «Три истории» вокальные партии вовсе не ассоциируются ни с какими персонажами, а певцы «являются лишь “излучателями” голоса» (Кисеева, Кисеев 2019, 36). Концепция монооперы, в которой в значительной степени утрачивается субъектность главного действующего лица, по-новому претворена в мультимедиа-опере Ф. Ромителли «Индекс металлов». Несмотря на наличие сольной вокальной партии (сопрано), женский образ в данном произведении не получает никакого визуального воплощения, если не считать аллюзии на картину Р. Лихтенштейна «Тонущая девушка» в тексте К. Лекович. Текст при этом лишь намекает на «любовную историю некой анонимной личности, голос которой мы слышим “за кадром”» (Лаврова 2019, 148).

[23] При этом приоритет в области алеаторики, по-видимому, принадлежит Фелдману — именно он в 1950 году познакомил Кейджа со своими ранними опытами графической нотации, которые к тому времени уже были созданы (Манулкина 2012; Фелдман 2019).

[24] О. Б. Манулкина отмечает, что Кейдж относился к восточной культуре очень избирательно (Манулкина 2012). По-видимому, его интересовали лишь те ее аспекты, которые были созвучны его собственным творческим поискам.

[25] Показательно в этой связи, что, обратившись в ранний период творчества к алеаторике, Фелдман впоследствии вернулся к практике фиксированной записи нотного текста и настаивал на том, что хотя бы минимальная степень контроля за музыкальным материалом со стороны автора необходима.

[26] Так, в тексте Беккета явно говорится о достижении некоего пристанища, хотя и недоступного словесному описанию («unspeakable home»), и, как полагает К. Лоус, «последствия этой окончательной остановки смертельны» (Laws 1996, 197). Также исследователь указывает на то, что в либретто «предполагается концепция некоего конца постоянного блуждания, но Фелдман, похоже, не хочет допустить этого» (Laws 1996, 197).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Опера Фелдмана содержит ряд принципов, которые можно трактовать как антиоперные: деперсонализация, антинарративность, «атеатральность», «вневременной» характер течения музыкального процесса.
2. Историческими прототипами «Neither» можно считать монодраму Шёнберга «Ожидание» и сцены безумия в операх первой половины XIX века.
3. По сравнению с «Erwartung» Шёнберга «Neither» Фелдмана представляет собой новую ступень погружения в глубинные слои психики, что выражено в ряде особенностей речи героини оперы, а также в специфическом характере течения музыкального процесса, которое основано на самоценности каждого момента времени и вызывает ассоциации с «чистой длительностью» Бергсона.
4. Для эстетической концепции и музыкально-стилистических особенностей «Neither» важнейшее значение имеет идея «промежуточности».
5. По сравнению с наиболее радикальными экспериментами 1960–1970-х годов в области музыкального театра концепция «Neither» отличается сочетанием новаторства с сохранением ряда признаков традиционной оперы.
6. В опере Фелдмана находит отражение актуальная для художественной культуры XX века идея преодоления субъект-объектной дуалистичности мировосприятия; при этом процесс преодоления субъект-объектных границ виделся композитору скорее как трансформация индивидуального сознания, чем как его разрушение.
7. «Neither» продолжает ряд моноопер XX века и открывает путь для новых экспериментов, в числе которых прежде всего следует назвать мультимедийную оперу «Индекс металлов» Ромителли.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

Барабанов, Р. Е. (2021) *Речь как высшая психическая функция: краткое изложение.* М.: МИТУ–МАСИ, 56 с.

Бергсон, А. (1999) *Творческая эволюция. Материя и память*. Минск: Харвест, 1407 с.

Карпун, Н. А. (2018) Антиопера как объект музыковедческого анализа (на примере *Staatsteater* М. Кагеля). *Musicus: Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова*, № 4 (56), с. 53–55.

Карпун, Н. А. (2021) Опера, антиопера, анти-антиопера. К вопросу об эволюции музыкального театра в 1960–1970-е годы. *Музыкальная академия*, № 3 (775), с. 130–141.

Кисеева, Е. В., Кисеев, В. Ю. (2019) Традиции музыкального авангарда в оперном творчестве современных американских композиторов. *Южно-Российский музыкальный альманах*, № 4 (37), с. 34–41. https://doi.org/10.24411/2076-4766-2019-14005

Лаврова, С. В. (2019) *Сальваторе Шаррино и другие. Очерки об итальянской музыке конца XX — начала XXI века*. СПб.: Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, 230 с.

Любимов, Д. В. (2022) Лючия и Марфа: безумные невесты в оперном театре XIX века. *Opera Musicologica*, т. 14, № 3, с. 30–45. https://doi.org/10.26156/OM.2022.14.3.002

Ляхова, А. А. (2014) *Позднее творчество Мортона Фелдмана: между идеей и реализацией. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата искусствоведения.* М., Российская академия музыки имени Гнесиных, 25 с.

Манулкина, О. Б. (2012) Джон Кейдж: паломничество в страну Востока. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 146, с. 168–174.

Поспелов, П. Г. (1992) Минимализм и репетитивная техника. *Музыкальная академия*, № 4 (641), с. 74–82.

Просняков, М. Т. (2012) Парадигма сферы в творчестве К. Штокхаузена. *World of Music*, № 3 (52), с. 77–81.

Ручьевская, Е. А. (ред.). (1988) *Анализ вокальных произведений*. Л.: Музыка, 349 с.

Стоименов, Й. А., Стоименова, М. Й., Коева, П. Й. и др. (2003) *Психиатрический энциклопедический словарь*. Киев: Изд-во МАУП, 1200 с.

Тарнопольский, В. В. (2015) Феномен нового музыкального театра. *Журнал Общества теории музыки*, № 4 (12), с. 25–34.

https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-84-96

Тимошенко, А. А. (2004) *Американский музыкальный экспериментализм первой половины XX века: представления о звуке, концепция инструмента, композиции (Г. Коуэлл, Дж. Кейдж, Л. Хэррисон). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения*. СПб.: РИИИ, 27 с.

Фелдман, М. (2019) *Привет Восьмой улице*. СПб.: Jaromír Hladík Press, 216 с.

Холопова, В. Н., Холопов, Ю. Н. (1984) *Антон Веберн. Жизнь и творчество*. М.: Советский композитор, 319 с.

Эриксон, Э. Г. (1996) *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс, 340 с.

Feldman, M. (1985) Crippled symmetry. In: W. Zimmerman (ed.). *Essays*. Kerpen: Beginner Press, 244 p.

Huser, E. (2006) *"Wahnsinn ergreift mich — ich rase!" Die Wahnsinnsszene im Operntext. PhD dissertation (Philosophy)*. Freiburg, Albert-Ludwigs-Universität Freiburg, 240 S.

Laws, C. (1996) *Music and language in the work of Samuel Beckett. PhD dissertation (Art History)*. York, University of York, 280 p.

Livengood, K. J. Q. (2012) *"What a 'tump' means: Morton Feldman's treatments of Samuel Beckett's texts" and "This report must be signed by your parents" for orchestra. PhD dissertation (Philosophy)*. Pittsburgh, University of Pittsburgh, 188 p.

Owings, M. E. (2018) *"Something that just hovers": Charting Feldman's Neither.* [Online]. Available at: https://core.ac.uk/download/pdf/232615933.pdf (accessed 01.02.2023).

Skempton, H. (1977) Beckett as librettist. *Music and Musicians*, vol. XXV, no. 9, pp. 5–6.

Taruskin, R. (2005) *The Oxford history of western music: In 6 vols. Vol. 5: The late twentieth century*. Oxford; New York: Oxford University Press, 557 p.

References

Barabanov, R. E. (2021) *Rech' kak vysshaya psikhicheskaya funktsiya: kratkoe izlozhenie [Speech as a higher mental function: A summary]*. Moscow: MITU-MASI Publ., 56 p. (In Russian)

Bergson, H. (1999) *Tvorcheskaya evolutsiya. Materiya i pamyat' [Creative evolution. Matter and memory]*. Minsk: Harvest Publ., 1407 p. (In Russian)

Erikson, E. H. (1996) *Identichnost': yunost' i ktizis [Identity: Youth and crisis]*. Moscow: Progress Publ., 340 p. (In Russian)

Feldman, M. (1985) Crippled symmetry. In: W. Zimmerman (ed.). *Essays*. Kerpen: Beginner Press, 244 p. (In English)

Feldman, M. (2019) *Privet Vos'moj ulitse [Give my regards to Eighth Street]*. Saint Petersburg: Jaromír Hladík Press, 216 p. (In Russian)

Huser, E. (2006) *"Wahnsinn ergreift mich — ich rase!" Die Wahnsinnsszene im Operntext ["Madness seizes me — I'm racing!" The madness scene in the opera text]. PhD dissertation (Philosophy)*. Freiburg, Albert-Ludwigs-Universität Freiburg, 240 S. (In German)

Karpun, N. A. (2018) Antiopera kak ob'ekt musykovedcheskogo analiza (na primere *Staatsteater* M. Kagelya) [Anti-opera as an object of musicological analysis (illustrated by the example of the *Staatstheater* by M. Kagel)]. *Musicus: Vestnik Sankt-Peterburgskoj gosudarstvennoj konservatorii im. N. A. Rimskogo-Korsakova — Musicus: Quarterly of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory*, no. 4 (56), pp. 53–55. (In Russian)

Karpun, N. A. (2021) Opera, antiopera, anti-antiopera: k voprosu ob evolutsii muzykal'nogo teatra v 1960-e–1970-e gody [Opera, anti-opera, anti-anti-opera. On the issue of the musical theatre's evolution in the 1960s–1970s]. *Muzykal'naya akademiya — Music Academy*, no. 3 (775), pp. 130–141. (In Russian)

Kholopova, V. N., Kholopov, Yu. N. (1984) *Anton Vebern. Zhizn' i tvorchestvo [Anton Webern. Life and oeuvre]*. Moscow: Sov'etskij kompozitor Publ., 319 p. (In Russian)

Kiseeva, E. V., Kiseev, V. Yu. (2019) Traditsii muzykal'nogo avangarda v opernom tvorchestve sovremennykh amerikanskikh kompozitorov [Avant-garde traditions in the operatic creativity by modern american composers]. *Yuzhno-Rossijskij muzykal'nyj al'manakh — South-Russian Musical Anthology*, no. 4 (37), pp. 34–41. https://doi.org/10.24411/2076-4766-2019-14005 (In Russian)

Lavrova, S. V. (2019) *Sal'vatore Sharrino i drugie. Ocherki ob ital'yanskoj myzuke kontsa XX — nachala XXI veka [Salvatore Sciarrino and others. Essays on Italian music of the late 20th — early 21st centuries]*. Saint Petersburg: The Vaganova Academy of Russian Ballet Publ., 230 p. (In Russian)

Laws, C. (1996) *Music and language in the work of Samuel Beckett. PhD dissertation (Art History)*. York, University of York, 280 p. (In English)

Livengood, K. J. Q. (2012) *"What a 'tump' means: Morton Feldman's treatments of Samuel Beckett's texts" and "This report must be signed by your parents" for orchestra. PhD dissertation (Philosophy)*. Pittsburgh, University of Pittsburgh, 188 p. (In English)

Lyakhova, A. A. (2014) *Pozdnee tvorchestvo Mortona Feldmana: mezhdu ideej i realizatsiej [The late oeuvres of Morton Feldman: Between ideas and implementation]. Extended abstract of PhD dissertation (Art History)*. Moscow, Gnessin State Musical College, 25 p. (In Russian)

Lyubimov, D. V. (2022) Lyuchiya i Marfa: bezumnye nevesty v opernom teatre XIX veka [Lucia and Marfa: Mad brides at the opera house of the XIX century]. *Opera Musicologica*, vol. 14, no. 3, pp. 30–45. https://doi.org/10.26156/OM.2022.14.3.002 (In Russian)

Manulkina, O. B. (2012) Dzhon Kejdzh: palomnichestvo v stranu Vostoka [John Cage: A journey to the East]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 146, pp. 168–174. (In Russian)

Owings, M. E. (2018) *"Something that just hovers": Charting Feldman's Neither*. [Online]. Available at: https://digitalcommons.bard.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1342&context=senproj_s2018 (accessed 01.02.2023). (In English)

Pospelov, P. G. (1992) Minimalizm i repetitivnaya tekhnika [Minimalism and repetitive technique]. *Muzykal'naya akademiya — Music Academy*, no. 4 (641), pp. 74–82. (In Russian)

Prosnyakov, M. T. (2012) Paradigma sfery v tvorchestve K. Stockhauzena [The paradigm of the sphere in the works of K. Stockhausen]. *World of Music*, no. 3 (52), pp. 77–81. (In Russian)

Ruch'evskaya, E. A. (ed.). (1988) *Analiz vokal'nykh proizvedenij [Analysis of vocal works]*. Leningrad: Musyka Publ., 349 p. (In Russian)

Skempton, H. (1977) Beckett as librettist. *Music and Musicians*, vol. XXV, no. 9, pp. 5–6. (In English)

Stoimenov, J. A., Stoimenova, M. J., Koeva, P. J. et al. (2003) *Psikhiatricheskij entsiklopedicheskij slovar' [Psychiatric encyclopedic dictionary]*. Kiev: MAUP Publ., 1200 p. (In Russian)

Tarnopolsky, V. V. (2015) Fenomen novogo muzykal'nogo teatra [The phenomenon of new musical theater]. *Zhurnal Obshchestva teorii muzyki — The Journal of Russian Society for Theory Music*, no. 4 (12), pp. 25–34. (In Russian)

Taruskin, R. (2005) *The Oxford history of western music: In 6 vols. Vol. 5: The late twentieth century*. Oxford; New York: Oxford University Press, 557 p. (In English)

Timoshenko, A. A. (2004) *Amerikanskij muzykal'nyj eksperimentalizm pervoj poloviny XX veka: predstavleniya o zvuke, kontseptsiya instrumenta, kompozitsii (G. Kouell, Dzh. Kejdzh, L. Kherrison) [American musical experimentalism of the first half of the 20th century: Ideas about sound, concept of instrument, composition (H. Cowell, J. Cage, L. Harrison)]. Extended abstract of PhD dissertation (Art History)*. Saint Petersburg: Russian Institute of Art History, 27 p. (In Russian)

Check for updates

Текст-Музыка-Перевод

УДК 81'373.46:78

EDN HGUTIE
https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-97-105

Музыкальные термины в современных лингвистических исследованиях

О. Е. Супринович [✉1]

[1] Белорусский государственный университет, 220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, д. 4

Сведения об авторе
Оксана Евгеньевна Супринович,
ORCID: 0000-0002-1248-2583,
e-mail: aksana.suprynovich@gmail.com

Для цитирования:
Супринович, О. Е. (2023) Музыкальные термины в современных лингвистических исследованиях. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 2, с. 97–105. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-97-105
EDN HGUTIE

Получена 9 июня 2023; прошла рецензирование 17 июля 2023; принята 2 ноября 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © О. Е. Супринович (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Изучение терминологической лексики является актуальным направлением в современной лингвистике. Интерес лингвистов к проблемам терминоведения на протяжении последних десятилетий значительно возрос. Музыкальная терминология представляет особый пласт профессионально-ограниченной лексики, обладает характерными особенностями и определенной лингвокультурной спецификой. Актуальность проведенного исследования заключается в выявлении основных направлений в лингвистике, ориентированных на изучение музыкального термина, а также в установлении проблемных областей, требующих дальнейшего рассмотрения данного лингвистического феномена. Музыкальная терминология играет важную роль в фиксации нового знания, выполняет важную когнитивную функцию предметно-специального языка. В статье проводится теоретический обзор научных работ и публикаций российских и белорусских авторов, посвященных изучению музыкальной терминологии в лингвистике. С 2004 по 2017 г. исследованиями музыкальных терминов занимались В. В. Бондарович, Е. Е. Астахина, Е. В. Алешинская, О. С. Петровская, И. А. Вицинская, Д. Е. Хохонин, Ю. О. Матвеева, Д. Д. Дрошнев. Предметом научных исследований у данных авторов является полная характеристика музыкальной терминологической лексики (этимологические, семантические, деривационные особенности компонентов тематической группы музыкальной лексики), изучение специфических свойств музыкальных терминов в общей терминосистеме, выявление особенностей метафоризации и фразеологизации музыкальной лексики, детерминологизация и способы классификации музыкальных терминов в соответствии с разработанными типологиями, описание основных путей и способов образования новых музыкальных терминов, становление новых подсистем в рамках музыкальной терминосистемы. В целом, следует отметить незначительное количество научных работ в данной области (6 диссертационных исследований за период с 2000 года по настоящее время), ряд нерешенных проблем (недостаточное количество сопоставительных исследований на основе музыкальной терминологической лексики, вопросы упорядочения и стандартизации музыкальных терминов, составление музыкальных терминологических словарей). Настоящая статья представляет собой обзор существующих научных публикаций в области музыкальной терминологии. Автор проводит комплексный анализ основных направлений в изучении музыкальной терминологической лексики российских и белорусских авторов за последние 50 лет, устанавливает круг нерешенных или требующих дальнейшего обсуждения вопросов касательно музыкальной терминологии, предлагает новые пути в исследовании музыкальных терминов.

Ключевые слова: детерминологизация, калькирование, метафоризация, музыкальный термин, терминосистема, фразеологический эквивалент

Music terms in contemporary linguistic research

O. E. Suprinovich ✉[1]

[1] Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus

Abstract. The study of terminological lexicon is a current direction in modern linguistics. The interest of linguists to the problems of terminology studies has significantly increased during the last decades. Musical terminology represents a special layer of professionally restricted vocabulary, has its own specific features and a certain linguocultural specificity. The relevance of the conducted research lies in identifying the main directions in linguistics oriented to the study of musical term, as well as in establishing the problem areas that require further consideration of this linguistic phenomenon. Musical terminology plays an important role in fixing new knowledge, fulfils an important cognitive function of subject-specific language. The article provides a theoretical review of scientific works and publications of Russian and Belarusian authors devoted to the study of musical terminology in linguistics. From 2004 to 2017 V. V. Bondarovich, E. E. Astakhina, E. V. Aleshinskaya, O. S. Petrovskaya, I. A. Vitsinskaya, D. E. Khokhonin, Y. O. Matveeva, D. D. Droshnev were engaged in the study of musical terms. The subject of scientific research of these authors is the full characteristic of musical terminological lexicon (etymological, semantic, derivational features of the components of the thematic group of musical lexicon), the study of specific properties of musical terms in the general terminological system, the identification of features of metaphorisation and phraseologisation of musical lexicon, determinologisation and ways of classification of musical terms in accordance with the developed typologies, the description of the main ways and methods of formation of new terms and the study of the specific features of musical terms in the general terminological system. In general, it should be noted the insignificant number of scientific works in this field (6 dissertation studies for the period from 2000 to the present), a number of unsolved problems (insufficient number of comparative studies on the basis of musical terminological lexicon, issues of ordering and standardisation of musical terms, compilation of musical terminological dictionaries). The present article is a review of existing scientific publications in the field of musical terminology. The author conducts a comprehensive analysis of the main trends in the study of musical terminological vocabulary of Russian and Belarusian authors over the past 50 years, establishes the range of unresolved or requiring further discussion of issues concerning musical terminology, suggests new ways in the study of musical terms.

Keywords: determinologisation, calquing, metaphorisation, musical term, terminosystem, phraseological equivalent

Author
Oksana E. Suprinovich,
ORCID: 0000-0002-1248-2583,
e-mail: aksana.suprynovich@gmail.com

For citation: Suprinovich, O. E. (2023) Music terms in contemporary linguistic research. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 2, pp. 97–105. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-97-105
EDN HGUTIE

Received 9 June 2023; reviewed 17 July 2023; accepted 2 November 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © O. E. Suprinovich (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Введение

В настоящее время в лингвистической науке уделяется большое внимание вопросам исследования терминологической лексики. Авторы исследуют структуру терминов и способы их образования, вопросы стандартизации и упорядочения терминологической лексики, особенности перевода научно-технических терминов. Исследованиями терминологической лексики в разное время занимались известные отечественные и зарубежные лингвисты — В. В. Виноградов (1961), Д. С. Лотте (1961), А. А. Реформатский (1961), В. П. Даниленко (1977), А. Я. Шайкевич (1983), А. С. Герд (1986), Е. Вюстер (E. Wüster, 1979), Г. Рондо (G. Rondeau, 1981), Х. Фельбер (H. Felber, 1984) (Ярцева 2002, 509).

Обратимся к определению «термина» как лингвистического понятия. В Лингвистическом энциклопедическом словаре под ред. В. Н. Ярцевой «термин» (англ. *term*, франц. *terme*, нем. *Fachwort*, исп. *termino*) определяется как «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» (Ярцева 2002, 508). Основоположник советской терминологической школы Лотте выделял такие свойства научно-технического термина, как системность, независимость от контекста (с допускаемыми отклонениями), однозначность (абсолютная или относительная), точность

и краткость (Циткина 1988, 10). Многие современные исследователи призывают не подходить к определению термина слишком прямолинейно, обращая внимание на тот факт, что идеальных терминов не существует. Среди прочих свойств «термина» следует отметить деривационную неактивность, отсутствие экспрессии, стилистическую нейтральность, узкую сферу употребления слов терминологической лексики (ограниченность определенной отраслью знания).

Традиционно в лингвистике термин связывают с такими понятиями, как «терминологизация» (переход общеупотребительного слова в термин), «детерминологизация» (переход термина в общеупотребительную лексику) и «ретерминологизация» (перенос термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным изменением семантики) (Ярцева 2002, 508).

В своей совокупности термины составляют определенную терминосистему. В свою очередь, терминосистема характеризует каждую специальную область научно-профессионального знания и является «упорядоченным, логически четким собранием соотнесенных между собой по смыслу понятий-терминов» (Калмановский 1984, 4). Таким образом, в отличие от обычных слов «термин» связан не с контекстом, а с терминологическим полем, представляющим собой систему понятий данной науки или научной отрасли. При этом одни и те же слова могут входить в различные терминосистемы, обладая в пределах каждой из них четкой определенностью значения. Терминосистема складывается постепенно, десятилетиями и/или веками, непланомерно, разными людьми и по разным моделям. Процесс терминообразования имеет свои особенности: с одной стороны, термины обязаны своим происхождением индивидуальным авторам (ученым, исследователям, первооткрывателям), с другой стороны, терминосистемам присуща внешняя противоречивость (разнобой в терминологии, повторы, дублеты). Полное упорядочение терминосистемы той или иной научной области знания усложняется тем, что новообразованные термины сосуществуют со старыми. Кроме того, особое место в языке науки занимают международные термины, которые возникают в том или ином национальном языке и со временем становятся общепринятыми. Многие из них, образованные на основе греко-латинского терминологического фонда (корни, префиксы, суффиксы), являются важнейшим средством при обмене научной информацией (Калмановский 1984, 7). Таким образом, вопросы упорядочения и стандартизации терминологии крайне актуальны и значимы не только для лингвистической науки, но и для научного знания в целом.

Целью настоящей работы является изучение основных направлений исследования музыкальных терминов в современной лингвистике, а также выявление дискуссионных вопросов и перспективных направлений в данной проблемной области. Для достижения заданных целей автором были поставлены следующие задачи:

1) провести отбор актуального теоретического материала (диссертации и авторефераты диссертаций, монографии, научные статьи российских и белорусских лингвистов за период 50 лет);
2) проанализировать существующие наработки в данной области;
3) установить основные направления в изучении музыкальной терминологии;
4) выявить нерешенные вопросы в исследовании музыкальных терминов;
5) внести предложения по дальнейшему изучению музыкального термина как лингвистического феномена.

Результаты и их обсуждение

Музыкальная терминология является одним из важнейших разделов музыкальной науки. Термины музыки выполняют особую роль посредника между композитором и исполнителем, поскольку образный смысл музыки, эмоции передаются композитором не напрямую, а через термины, относящиеся к различным средствам музыкальной выразительности (темп, характер исполнения, исполнительский штрих, качество звучания, инструментальный тембр). По мнению Л. П. Андреевой, к музыкальной терминологии важен историко-стилистический подход, музыкальные термины следует расшифровывать в контексте определенного стиля и жанра (Андреева 2006, 5–6).

Музыкальная терминология содержит большое количество отдельных слов и словосочетаний, ее состав подвергается различным изменениям, что обусловлено изменениями как в самой музыке, так и в окружающем мире (Ткаченко 1998, 71). Музыкальный термин понимается как слово или словосочетание, обозначающее понятие из сферы музыки и функционирующее в данной специальной области. По структуре музыкальные термины делятся на простые (состоят из одного слова) и составные (словосочетания). Как отмечает Н. Г. Ткаченко, для русской музыкальной терминологии характерны такие явления, как полисемия и синонимия, встречаются вариантные формы

одного термина. Автор обращает внимание на процесс детерминологизации музыкальных терминов, в ходе которого они приобретают новое (положительное или отрицательное) значение, несвойственное им в качестве термина (Ткаченко 1998, 78–79).

В монографии Н. П. Корыхаловой «Музыкально-исполнительские термины» читаем: «Термин точно, строго, лаконично обозначает данное понятие, явление, предмет. В музыкальной теории есть слова, полностью отвечающие этой характеристике, благодаря чему все музыканты понимают их совершенно одинаково» (Корыхалова 2007, 4–5). Своеобразным свойством большинства музыкальных терминов является то, что они далеко не однозначны. Моносемичность свойственна, прежде всего, терминам из области техники, манеры игры (например, *m.d.* ‘играть правой рукой’) (Корыхалова 2007, 5). Автор обращает внимание на тот факт, что в словарях иностранных музыкальных терминов обычно указывается их основное значение в переводе на русский язык. С другой стороны, в музыкальных словарях энциклопедического типа сведения о семантике терминов представлены полнее, однако они, как правило, кратки и не всегда точны. Таким образом, назрела необходимость в детальном рассмотрении музыкально-исполнительских терминов. В частности, в монографии Корыхаловой изучается история появления наиболее распространенных музыкально-исполнительских терминов, их функционирование в музыке разных стилей и эпох, эволюция значения, оттенки смысла, особенности употребления (Корыхалова 2007, 6).

В белорусской лингвистической традиции изучению музыкальной лексики посвящено диссертационное исследование В. В. Бондарович «Музычная лексіка ў старабеларускай мове: структурна-семантычны, этымалагічны і дэрывацыйны аспекты» (Бандаровіч 2004). Источником фактического материала послужили памятники белорусского литературного письменного языка XIV–XVIII вв. Автор выделяет четыре лексико-семантические группы музыкальной лексики старобелорусского языка: (1) названия музыкальных инструментов и их частей; (2) названия действий, связанных с восприятием и исполнением музыки; (3) названия музыкальных исполнителей; (4) названия музыкальных произведений и жанров). В рамках каждой из выделенных лексико-семантических групп лексические единицы имеют общую музыкальную сему и объединены семантическими и деривационными связями. С точки зрения происхождения музыкальная лексика старобелорусского языка состоит из исконных лексических единиц (общеславянские наименования) и заимствований (грецизмы, латинизмы, полонизмы, романизмы, тюркизмы, германизмы). Наиболее продуктивным способом образования музыкальных наименований старобелорусского языка (в частности, музыкальных инструментов и исполнителей музыки, музыкальных терминов-глаголов) является суффиксальный способ. Кроме того, встречаются составные лексические единицы, возникновение которых обусловлено потребностью конкретизировать предметы и явления в сфере музыки (Бандаровіч 2004, 5). Одной из главных причин вариантности музыкальной лексики является заимствование, поскольку заимствованные наименования часто употреблялись в нескольких фонетико-орфографических вариантах. В процессе исследования Бондарович формулирует вывод о том, что музыкальная лексика старобелорусского языка XIV–XVIII вв. представляла собой упорядоченную неустойчивыми связями совокупность лексических единиц, отражавшую систему понятий, связанных с музыкой, которую можно охарактеризовать как терминологию на этапе становления. В современном белорусском языке автором выявлено около 50% музыкальных наименований старобелорусского языка, при этом семантика многих из них подверглась ряду изменений (увеличение/уменьшение объема значения, утрата музыкальной семы, изменение стилистического статуса, например, с пометой *разг.*) (Бандаровіч 2004, 15).

Музыкальная терминология в стихах белорусского поэта Я. Коласа стала предметом научного интереса Е. И. Ермалинской. Целью работы автора является исследование и сопоставление в оригинале и переводе на английский язык музыкальных терминов в лексическом и семантическом аспектах. В частности, автор отмечает семантико-когнитивную многогранность концепта «музыка» в поэзии Я. Коласа, который включает в себя семантические поля «песня», «голас», спеў» (Ермалинская 2016, 72).

Выявлению роли музыкальной лексики в творчестве В. Ф. Одоевского в семантическом, когнитивном и стилистическом аспектах посвящена кандидатская диссертация российского исследователя Д. Д. Дрошнева (Дрошнев 2015). На материале текстов художественных произведений В. Ф. Одоевского (в первую очередь, речь идет о романе «Русские ночи») и его писем друзьям (музыкантам и композиторам) Дрошневу удалось собрать 390 единиц с музыкальной семантикой. На основании проведенного исследования автор делает ряд важных выводов:

 https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-97-105

(1) лексико-семантическое поле «музыка» в языке художественных произведений и писем Одоевского можно условно разделить на четыре сегмента (имена собственные, номинации музыкальных инструментов и предметов, номинации понятий музыки, номинации связанных с музыкой лиц и их совокупностей; (2) в ономастиконе писателя присутствуют четыре парадигмы онимов (антропонимы, мифонимы, артионимы, эргонимы), при этом в количественном отношении преобладают антропонимы; (3) лексика семантического поля «музыка» демонстрирует неоднородную и многоуровневую структуру, ядро которой составляет музыкальная терминология; (4) среди номинаций музыкальных инструментов и предметов преобладают названия духовых и струнных музыкальных инструментов; (5) синестетические метафоры в художественных текстах Одоевского имеют специфические черты (для создания синестезии в большинстве случаев автор использует терминологическую лексику, при создании образа используется одновременно несколько терминологических единиц; синестетические метафоры представлены общеязыковыми и индивидуально-авторскими единицами); (6) словотворчество в области музыкальной лексики, поэтичность и образность номинаций Одоевского являются яркой чертой идиостиля писателя и свидетельствуют о значительности его вклада в разработку понятий русской теории музыки (Дрошнев 2015).

В диссертационном исследовании Е. В. Алешинской рассматриваются современные музыкальные термины, относящиеся к искусству Соединенных Штатов Америки. Алешинская отмечает, что около 75% современных американских музыкальных терминов представляют собой нехарактерные для терминологической лексики образования (например, сюда относятся единицы, образованные путем звукоподражания — *tom tom, crash* ‘названия элементов ударной установки’, *oi!* ‘наименование направления в музыке в стиле панк’) (Алешинская 2008, 11). В ходе проведенного лингвистического анализа Алешинская формулирует ряд важных выводов:

1) специфическими свойствами современного американского музыкального термина являются необычная внешняя форма, особенности происхождения, сходство с субнейтральной профессиональной лексикой (размытый стилистический статус);
2) музыкальные термины неоднородны с точки зрения семантики, этимологии и статуса;
3) современные американские музыкальные термины часто подвергаются детерминологизации в непрофессиональном общении, что объясняется рядом причин:
   — специфическим происхождением (заимствованное из африканских языков *banjo* ассоциируется с различными предметами, напоминающими по своим формам круглый корпус банджо — лопата, сковородка, человека с очень выпуклыми глазами *banjo eyed*);
   — экстралингвистическими ассоциациями (*pataflafla* благодаря сочетанию согласных звуков вызывает ассоциации чего-л. мягкого, пушистого — *pataflafla pillow*, *pataflafla bug*);
4) в результате детерминологизации современных американских музыкальных терминов можно выделить несколько путей развития значения:
   — термин сохраняет свой статус и дает новое значение, фиксируемое словарями: *jitterbug* в терминологическом значении — «быстрый танец с резкими движениями под джазовую музыку, в детерминологизированном значении — «очень шумный человек»;
   — термин сохраняет свой статус при окказиональном метафорическом употреблении;
   — слово теряет статус термина и переходит в другой стилистический разряд (например, значение термина *cakewalk* ‘популярный с сер. XIX в. быстрый танец афроамериканского происхождения’ является устаревшим, в настоящее время данное слово используется для обозначения чего-л легкого, не требующего больших усилий) (Алешинская 2008, 22).

Описанию лингводинамических процессов в современной немецкой музыкальной терминологии посвящено диссертационное исследование И. А. Вицинской (Вицинская 2009). Особенностью немецкого музыкального термина, по мнению Вицинской, является его тесная связь со значением исходного общеупотребительного слова (мотивированность). Базу немецкой музыкальной терминосистемы составляют греческие и латинские заимствования, прямые заимствования из итальянского и французского языков. Основными способами терминообразования в немецкой музыкальной традиции автор называет словосложение (66 терминов, например, *Reihenprinzip*, *Klangkomposition*), транстерминологизацию (термины, заимствованные в музыкальную терминосистему из других областей: (1) без изменения семантики — *Sinuston*, *Frequenz*, *Modulation*; (2) с более или менее значительными семантическими трансформациями — *Phase,*

Formant Parameter (приобретение термином новой дефиниции), *Permeabilität*, *Koagulation* (метафоризация)) и словопроизводство (с использованием греческих и латинских аффиксов — *atonal*, *bitonal*, *Dekomposition*, *Polymetrik*, *mikrotonal*, *Makrophase*, *prädeterminieren),* аббревиация является новым, хотя и не типичным способом пополнения немецкой музыкальной терминосистемы. В немецкой музыкальной терминологии продолжают действовать устойчивые модели внутриязыкового заимствования из общелитературного языка (предпочтение отдается словам с максимально абстрактной семантикой) и других терминосистем (в изучаемый период — это теория информации, математика, фонетика, изобразительное искусство) (Вицинская 2009, 164–165).

Комплексное исследование проблем музыкальной исполнительской терминологии проводит О. С. Петровская. В частности, автору удалось выявить специфику музыкальной исполнительской терминологии (наличие составных форм, терминов-глаголов, неоднозначность и экспрессивность терминов, употребление терминов в переносном значении). Наряду с этим основными языками-источниками музыкальной терминологии исполнительского искусства Петровская называет итальянский, французский и немецкий языки, объясняя данный факт высоким уровнем развития западноевропейских школ музыкального искусства. В результате научного исследования Петровская выделяет следующие классификационные группы музыкальных терминов: динамические, темповые, артикуляционные, экспрессивно-стилистические и графические термины (символы, буквы, цифры) (Петровская 2009, 6).

Анализу процессов метафорических переносов лексем из семантической сферы «музыка» и выявлению типов метафорических моделей, характерных для музыкальной лексики, посвящено диссертационное исследование Д. Е. Хохонина. Согласно Хохонину, лексемы, относящиеся к семантической сфере «музыка», способны к метафоризации, однако в количественном отношении метафоризация и фразеологизация музыкальной лексики выражены слабо. Процесс метафоризации данного типа лексем происходит на основе таких мотивирующих сем, как:

— форма инструмента (например, *бубен* наряду с основным значением ‘ударный музыкальный инструмент в виде обтянутого кожей обода с бубенчиками или металлическими пластинками по краям’ развивает новое метафорическое значение «голова» — *дать кому-л. в бубен*);
— характер звучания (например, *арпеджио* ‘последовательное извлечение звуков аккорда (обычно от нижнего к верхнему)’ в текстовых фрагментах уподобляется храпу, издаваемому человеком во сне — *выводить носами арпеджио*);
— темп (*аллегро*, *анданте*);
— громкость звука (например, *сурдина* ‘небольшое приспособление, при помощи которого можно ослабить, приглушить звук музыкального инструмента’ в современном русском языке употребляется в выражении *под сурдинку* в значении «украдкой, втихомолку, не привлекая внимания»);
— гармоническое сочетание (*симфония* 1. ‘Масштабное музыкальное произведение для оркестра (обычно состоящее из четырех частей)’, 2. ‘Гармоническое сочетание множества разнообразных звуков, красок, тонов’ — *сказочная симфония красок*, *симфония голосов*).

Доминирующими метафорическими моделями русской музыкальной лексики являются:

— «музыкальное понятие — физическое понятие»: *балалайка* 1. ‘Русский народный щипковый инструмент с тремя струнами и треугольным корпусом’, 2. ‘О болтливом, никчемном человеке’);
— «музыкальное понятие — абстрактное понятие»: например, *волынка* используется не только для обозначения музыкального инструмента, но и в ситуации, когда говорят о хлопотном, канительном деле) (Хохонин 2015, 5–19).

Музыкальные термины как предмет лингвистического исследования изучаются также и в контексте сопоставительного языкознания. В данной связи следует отметить научную работу Ю. О. Матвеевой «Фразеологические единицы с музыкальным термином в английском и русском языках» (2017). К музыкальным терминам автор относит существительные и глаголы, связанные со сферой музыки, аргументируя данный факт тем, что «большинство данных терминов в результате активного употребления народом — носителем языка из специального употребления перешли в общее» (Матвеева 2017а, 6). В результате проведенного лингвистического анализа Матвеева выделяет три основных типа межъязыковых отношений фразеологических единиц с компонентом — музыкальным термином в английском и русском языках:

1) фразеологические эквиваленты (характеризуются максимальным семантическим и структурно-грамматическим сходством и компонентом; занимают 8% от общего количества),

https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-97-105

например, англ. *swan song* / рус. *лебединая песня*, англ. *play first fiddle* / рус. *играть первую скрипку*;

2) фразеологические аналоги (выявляются незначительные различия в плане выражения, не влияющие на семантическую эквивалентность сопоставляемых единиц; составляют 10% от общего количества материала), например, англ. *wave a magic wand* 'взмахнуть волшебной дирижерской палочкой' / рус. *как по мановению волшебной палочки*;
3) безэквивалентные фразеологические единицы (составляют 82% всех подвергнутых анализу фразеологических единиц), например, англ. *like a sow playing on a trump* 'как свинья, играющая на трубе' / рус. *как свинья, играющая на трубе* (передается на русский язык с помощью калькирования) / *неизящно, некрасиво* (с помощью лексического перевода) (Матвеева 2017b, 89–98).

Типичными способами перевода английских безэквивалентных фразеологических единиц с музыкальным термином на русский язык являются калькирование (полное или частичное), лексический перевод, дескриптивный и описательный перевод, комбинированный перевод (Матвеева 2017a, 13–15).

Выводы

Анализ специальной литературы (диссертаций, монографий, научных статей) по теме исследования показывает, что музыкальная терминология как объект лингвистического исследования изучена недостаточно широко. Музыкальные термины исследуются преимущественно на базе одного языка (русский, белорусский, английский, немецкий). Работы по сопоставительному языкознанию на материале музыкальной лексики единичны. Белорусскими и российскими лингвистами проводятся исследования музыкальной лексики в творчестве известных поэтов и писателей. Однако, на наш взгляд, таких работ крайне мало. Обсуждению подвергаются следующие вопросы: определение путей и источников формирования музыкальной терминологической лексики, выявление специфики музыкальных терминов и особенностей их употребления в речи, метафоризация и фразеологизация музыкальных терминов, способы классификации музыкальных терминов, изучение их семантических и прагматических особенностей, способы и модели терминообразования в сфере «музыка».

На наш взгляд, очевидна потребность в изучении музыкальных терминов в контексте сопоставительного языкознания (на материале двух и более языков), когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, что позволит выявить сходства и различия в языковых картинах мира, глубже проникнуть в природу человеческого мышления. В частности, в процессе исследования белорусско-немецких лексических параллелей нами были выявлены лексемы из области музыкальной терминологии (в нашем исследовании мы относим их к квазиинтернационализмам), частично или полностью не совпадающие по содержанию:

> бел. *таптам* 'ударный музыкальный инструмент, разновидность гонга' — нем. *Tamtam* 1. 'гонг; тамтам', 2. 'африканский деревянный барабан', 3. 'шум, шумиха (разг., отриц.)' (лексемы не совпадают объему значения, коннотации и функциональным компонентам значения) (Супринович 2019, 152); бел. *цытра* 'про легкомысленную, расфуфыренную женщину (разг., унизит.)' — нем. *Zither* 'цитра (щипковый музыкальный инструмент)' (Супринович 2019, 187).

Мы полагаем, что выявление семантически нетождественных музыкальных терминов в разных языках представляет особый интерес для исследователя, поскольку такие слова являются своеобразными маркерами национального языкового мышления, передающими особенности языковой картины мира того или иного народа. С другой стороны, изучение подобных слов необходимо еще и потому, что они являются ложными друзьями переводчика и способны вводить в заблуждение при переводе или в процессе коммуникации.

Система терминов в целом и музыкальная терминология подвержены семантическим изменениям, что объясняется изменением общего состояния науки и концепций отдельных ее дисциплин, а также общими лексико-семантическими закономерностями развития языка. Термины (в том числе и музыкальные) способны вступать в синонимические, антонимические и омонимические отношения. Исследование процессов детерминологизации и ретерминологизации музыкальных терминов, сферы их употребления (общеупотребительные и узкоспециальные — зачастую границы между этими двумя типами довольно подвижны) и распространенности в языке входит в круг тех вопросов, которые требуют дальнейшего изучения. Целесообразно также изучение музыкальной терминологической лексики в ракурсе терминологической лексикографии, что выражается, прежде всего, в составлении новых (одно- или двуязычных) и обновлении уже имеющихся музыкальных терминологических словарей.

Словари

Ярцева, В. Н. (ред.). (2002) *Лингвистический энциклопедический словарь*. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 707 с.

Литература

Алешинская, Е. В. (2008) *Современный американский музыкальный термин. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 26 с.

Андреева, Л. П. (2006) *Об эмоциональном смысле музыкальной терминологии и ее значении для исполнительской интерпретации*. Минск: Белорусская государственная академия музыки, 42 с.

Вицинская, И. А. (2009) *Лингводинамические процессы в современной немецкой музыкальной терминологии. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук*. М., МГЛУ, 218 с.

Дрошнев, Д. Д. (2015) *Роль музыкальной лексики в творчестве В. Ф. Одоевского: семантический, когнитивный, стилистический аспекты. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. М., МГПУ, 27 с.

Ермалинская, Е. И. (2016) Музыкальная терминология в стихах Якуба Коласа и их переводах на английский язык: лексический и семантический аспекты. В кн.: З. М. Камароўская, І. М. Казловіч (ред.). *Каласавіны: матэрыялы XXIX навуковай канферэнцыі, прысвечанай 70-годдзю Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне і 90-годдзю паэмы Якуба Коласа «Сымон-музыка»*. Минск: Рифтур, с. 71–74.

Калмановский, Е. С. (1984) *Вопросы театральной терминологии*. Л.: Изд-во ЛГИТМиК, 36 с.

Корыхалова, Н. П. (2007) *Музыкально-исполнительские термины: возникновение, развитие значений и их оттенки, использование в разных стилях*. 2-е изд. СПб.: Композитор, 324 с.

Матвеева, Ю. О. (2017a) *Фразеологические единицы с музыкальным термином в английском и русском языках. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Казань, КФУ, 20 с.

Матвеева, Ю. О. (2017b) *Фразеологические единицы с музыкальным термином в английском и русском языках. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук*. Казань, КФУ, 185 с.

Петровская, О. С. (2009) *Формирование и развитие музыкальной терминологии исполнительского искусства: на материале русского, итальянского, английского, французского языков. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук*. Майкоп, АГУ, 150 с.

Супринович, О. Е. (2019) *Типологизация межъязыковых лексических параллелей (на материале белорусско- и немецкоязычных лексикографических источников). Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук*. Минск, БГУ, 200 с.

Ткаченко, Н. Г. (1998) К истории музыкальной терминологии. В кн.: В. В. Красных, А. И. Изотов (ред.). *Язык, сознание, коммуникация. Вып. 5*. М.: Диалог-МГУ; Филология, с. 69–80.

Хохонин, Д. Е. (2015) *Лексика семантической сферы «музыка» в метафорическом использовании. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Воронеж, ВГУ, 22 с.

Циткина, Ф. А. (1988) *Терминология и перевод: (К основам сопоставительного терминоведения)*. Львов: Вища школа, 156 с.

Бандаровіч, В. У. (2004) *Музычная лексіка ў старабеларускай мове: структурна-семантычны, этымалагічны и дэрывацыйны аспекты. Аўтарэферат дысертацыі на суісканне вучонай ступені кандыдата філалагічных навук*. Минск, БГУ, 21 с.

Dictionaries

Yartseva, V. N. (ed.). (2002) *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]*. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya entsiklopediya Publ., 707 p. (In Russian)

References

Aleshinskaya, E. V. (2008) *Sovremennyj amerikanskij muzykal'nyj termin [Modern American musical term]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistics University, 26 p. (In Russian)

Andreeva, L. P. (2006) *Ob emotsional'nom smysle muzykal'noj terminologii i ee znachenii dlya ispolnitel'skoj interpretatsii [On the emotional meaning of musical terminology and its significance for performance interpretation]*. Minsk: Belarusian State Academy of Music Publ., 42 p. (In Russian)

Bandarovich, V. U (2004) *Muzychnaja ljeksika w starabjelaruskaj movje: strukturna-sjemantychny, etymalagichny u deryvacyjny aspjekty [Musical vocabulary in the Old Belarusian language: Structural, semantic, etymological and derivative aspects]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Minsk, Belarusian State University, 21 p. (In Belarussian)

 https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-97-105

Droshnev, D. D. (2015) *Rol' muzykal'noj leksiki v tvorchestve V. F. Odoevskogo: semanticheskij, kognitivnyj, stilisticheskij aspekty [The role of musical vocabulary in the work of V. F. Odoevsky: Semantic, cognitive, stylistic aspects]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Moscow, Moscow City University, 27 p. (In Russian)

Ermalinskaya, E. I. (2016) Muzykal'naya terminologiya v stikhakh Yakuba Kolasa i ikh perevodakh na anglijskij yazyk: leksicheskij i semanticheskij aspekty [Musical terminology in the poems of Yakub Kolas and their translations into English: Lexical and semantic aspects]. In: Z. M. Kamarowskaja, I. M. Kazlovich (eds.). *Kalasaviny: materyjaly XXIX navukovaj kanfjerencyi, prysvjechanaj 70-goddzju Pjeramogi w Vjalikaj Ajchynnaj vajnje i 90-goddzju paemy Jakuba Kolasa "Symon-muzyka" [Kalasaviny: Proceedings of the XXIX Scientific Conference on the 70th anniversary of victory in the Second World War and the 90th anniversary of Yakub Kolas' poem "Symon Music"]*. Minsk: Riftur Publ., pp. 71–74. (In Russian)

Kalmanovskij, E. S. (1984) *Voprosy teatral'noj terminologii [Theatre terminology issues]*. Leningrad: Leningrad State Institute of Theatre, Music, and Cinema Publ., 36 p. (In Russian)

Khokhonin, D. E. (2015) *Leksika semanticheskoj sfery "muzyka" v metaforicheskom ispol'zovanii [Vocabulary of the semantic sphere "Music" in metaphorical use]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Voronezh, Voronezh State University, 22 p. (In Russian)

Korykhalova, N. P. (2007) *Muzykal'no-ispolnitel'skie terminy: vozniknovenie, razvitie znachenij i ikh ottenki, ispol'zovanie v raznykh stilyakh [Musical performance terms: Origin, development of meanings and connotations, use in different styles]*. 2nd ed. Saint Petersburg: Kompozitor Publ., 324 p. (In Russian)

Matveeva, Yu. O. (2017a) *Frazeologicheskie edinitsy s muzykal'nym terminom v anglijskom i russkom yazykakh [Phraseological units with a music term in English and Russian]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Kazan, Kazan Federal University, 20 p. (In Russian)

Matveeva, Yu. O. (2017b) *Frazeologicheskie edinitsy s muzykal'nym terminom v anglijskom i russkom yazykakh [Phraseological units with a music term in English and Russian]. PhD dissertation (Philology)*. Kazan, Kazan Federal University Publ., 185 p. (In Russian)

Petrovskaya, O. S. (2009) *Formirovanie i razvitie muzykal'noj terminologii ispolnitel'skogo iskusstva: na materiale russkogo, ital'yanskogo, anglijskogo, frantsuzskogo yazykov [Formation and development of music performing art terminology: In Russian, Italian, English, French]. PhD dissertation (Philology)*. Maykop, Adyghe State University, 150 p. (In Russian)

Suprinovich, O. E. (2019) *Tipologizatsiya mezh'yazykovykh leksicheskikh parallelej (na materiale belorussko- i nemetskoyazychnykh leksikograficheskikh istochnikov) [Typology of interlingual lexical parallels (on the material of Belarusian and German lexicographic sources)]. PhD dissertation (Philology)*. Minsk, Belarusian State University, 200 p. (In Russian)

Tkachenko, N. G. (1998) K istorii muzykal'noj terminologii [To the history of musical terminology]. In: V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (eds.). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. Vyp. 5 [Language, mind, communication. Iss. 5]*. Moscow: Dialog-MSU Publ.; Philologia Publ., pp. 69–80. (In Russian)

Tsitkina, F. A. (1988) *Terminologiya i perevod: (K osnovam sopostavitel'nogo terminovedeniya) [Terminology and translation: (Towards a foundation of comparative terminology)]*. Lviv: Vishcha shkola Publ., 156 p. (In Russian)

Vitsinskaya, I. A. (2009) *Lingvodinamicheskie protsessy v sovremennoj nemetskoj muzykal'noj terminologii [Linguodynamic processes in contemporary German music terminology]. PhD dissertation (Philology)*. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 218 p. (In Russian)

Check for updates

Лингвистика и междисциплинарные исследования языка

УДК 81.373.612 + 811.161.1

EDN NTZYYE
https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-106-112

Явление омонимии новых заимствований в современном русском языке

М. Т. Чан ✉[1]

[1] Ханойский университет, 0985802890, Вьетнам, г. Ханой, Тхань Суан, дорога Нгуен Трай, Км 9

Сведения об авторе
Май Тьи Чан,
e-mail: chitm@hanu.edu.vn

Для цитирования: Чан, М. Т. (2023) Явление омонимии новых заимствований в современном русском языке. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 2, с. 106–112. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-106-112
EDN NTZYYE

Получена 8 ноября 2023; прошла рецензирование 13 декабря 2023; принята 13 декабря 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © М. Т. Чан (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. На рубеже XX–XXI веков в русском языке наблюдается активное заимствование иноязычных лексических единиц, что становится одним из потенциальных источников пополнения словарного состава русского языка на современном этапе. Указанное явление постоянно находится под пристальным вниманием многих ученых-лингвистов. Данная статья посвящена рассмотрению новых заимствований в современном русском яызке в их омонимических отношениях. Омонимия считается типичным лексико-семантическим явлением в заимствованиях, которая выражает влияние иноязычных слов и их большую роль в процессе обогащения и разнообразия запаса русской лексики. Цель данной работы заключается в рассмотрении и описании особенностей новых заимствований-омонимов в лексико-семантическом аспекте. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть теоретические основы об омонимии и омонимах; представить лексико-семантическую классификацию заимствований-омонимов в зависимости от их происхождения и формы. Основными методами в данном исследовании, обусловленными целью и задачами работы, стали метод лингвистического описания, метод лексико-семантического анализа, метод классификации, метод направленной выборки, метод компонентного анализа, а также статистический метод. Научная новизна данной статьи определяется тем, что в ней проводится специальное и углубленное исследование заимствованных слов в их омонимических отношениях в лексико-семантическом аспекте. Новизна статьи также заключается в выборе примеров для анализа — новой лексики иноязычного происхождения на рубеже конца XX — начала XXI века, взятой из новых словарей иностранных слов, в которых содержатся новые заимствования в современном русском языке.

Ключевые слова: заимствование, омонимия, омонимы, новые заимствования, ЛСВ

The phenomenon of homonymy of new borrowings in the modern Russian language

M. Ch. Tran ✉[1]

[1] Hanoi University, Km9, Nguyen Trai Road, Thanh Xuan, Hanoi 0985802890, Vietnam.

Author
Mai Chi Tran,
e-mail: chitm@hanu.edu.vn

For citation: Tran, M. Ch. (2023) The phenomenon of homonymy of new borrowings in the modern Russian language. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 2, pp. 106–112. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-106-112 EDN NTZYYE

Received 8 November 2023; reviewed 13 December 2023; accepted 13 December 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © M. Ch. Tran (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. At the turn of the 20th–21st centuries, the Russian language observed active borrowing of foreign language lexical units, which becomes one of the potential sources of replenishment of the vocabulary of the Russian language at the present stage. This phenomenon is constantly under the close attention of many linguists. This article is devoted to the consideration of new borrowings in the modern Russian language in their ononymous relations. Homonymy is considered a typical lexical-semantic phenomenon in borrowings, which expresses the influence of foreign words and their great role in the process of enriching and diversifying the stock of Russian vocabulary. The purpose of this work is to consider and describe the features of new homonym borrowings in the lexical and semantic aspect. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: consider the theoretical foundations of homonymy and homonyms; present a lexical-semantic classification of homonym borrowings depending on their origin and form. The main methods in this study, determined by the purpose and objectives of the work, were the method of linguistic description, the method of lexical-semantic analysis, the classification method, the directed sampling method, the method of component analysis, as well as the statistical method. The scientific novelty of this article is determined by the fact that it conducts a special and in-depth study of borrowed words in their omonymous relationships in the lexical-semantic aspect. The novelty of the article also lies in the selection of examples for analysis — new vocabulary of foreign origin at the turn of the late 20th — early 21st centuries, taken from new dictionaries of foreign words, which contain new borrowings in the modern Russian language.

Keywords: borrowing, homonymy, homonyms, new borrowings, LSV

В современном русском языке регулярно появляются новые слова, заимствованные из иностранных языков. В составе новых заимствованных слов рассматривается явление омонимии. Как пишет Р. А. Будагов, «до тех пор, пока разные значения одного и того же слова сохраняют между собой нечто общее, группируются вокруг единого смыслового стержня, лишь в большей или меньшей степени отдаляясь от него, мы имеем дело с полисемией, когда же отдельные значения либо резко отделяются от основного смысла слова и теряют с ним связь, либо совпадают между собой только по фонетическим, а не по смысловым линиям, мы имеем перед собой омонимы» (Будагов 2003, 19).

Таким образом, омонимы — это слова одинакового написания или звучания, у которых нет общих сем, или же они были утеряны в процессе распада отношений полисемии и утери промежуточных связей между бывшими лексико-семантическими вариантами (ЛСВ). Из-за различия в составе сем омонимы имеют свою лексическую и фразеологическую сочетаемость, отличную от слова-близнеца. Вдобавок слова в таких лексических отношениях образуют разные, несовпадающие словообразовательные гнезда, могут по-разному членяться на морфемы.

Отдельно следует сказать об источниках возникновения омонимии. Группы слов с омонимическим отношением могут образовываться под влиянием случайных факторов, или же в результате некоторых закономерностей.

Неожиданным мы считаем, например, такой случай образования омонимов, когда в русский язык пришли два слова из разных языков и оказались схожими по звучанию; или же в русский язык пришел англицизм, который случайно оказался похож по звучанию на одно из русских слов.

Не случайным мы считаем возникновение омонимии вследствие распада групп ЛСВ многозначного слова на части, поскольку часто этот распад подчиняется определенным закономерностям. Так, «для метафорически связанных в прошлом значений при образовании омонимов

существен такой показатель, как изменение самого предмета или знания о нем, для метонимически мотивированных значений — изменения в мотивирующем ЛСВ, при цепочечной полисемии — утрата «промежуточного звена» (Новиков 1982, 209–210). В случае с иноязычными заимствованиями возникают несколько другие закономерности. Одна из них, например, такова: англицизмы-омофоны (с одинаковым звучанием), пришедшие в русский язык, чаще всего становятся и омоформами вследствие русской транслитерации.

Для дальнейшего анализа заимствований, вступивших в отношения омонимии, мы разделили их по двум критериям: первый — язык-источник, второй — форма.

По форме существуют следующие разновидности омонимов: **омоформы** — совпадающие по звучанию и написанию формы одной и той же части речи или разных частей речи; **омофоны** — разные слова, одинаковые по звучанию, но разные по написанию; **омографы** — совпадают по написанию, но различаются по значению из-за разницы в ударениях. Существует и четвертая группа — **омоморфемы**, но в иностранных заимствованиях такой вид омонимии не представлен, поэтому мы не включили его в свою классификацию.

По происхождению мы выделили три группы: в первой находятся слова из разных языков, которые стали в русском языке омофонами из-за транслитерации; во второй — иностранные слова, вступившие в омонимические отношения с русскими словоформами; третья группа — это иностранные слова, которые изначально были омонимами в английском языке и в таком виде вошли в русский язык.

В первую группу включены такие слова, как *андроид*, *тролль*, *трап*, *манга* и *манго, Телеграм* (*Telegramm*) и *телеграмма*. Первые четыре слова — заимствования, которые вследствие русской транслитерации стали омоформами. *Андроид* — «операционная система для мобильных телефонов, планшетных компьютеров и смартбуков (см.), основанная на ядре Линукс (см.); телефон на базе этой операционной системы» (Шагалова 2017, 29–30), образовано от английского наименования *android*. Второе значение этого слова — человекоподобный робот, образовано от сочетания греческих корней «андро» «мужчина» и суффикса *-oid* — «подобие». Слово в первом значении может писаться как русскими, так и английскими буквами; во втором значении — только по-русски.

Слово *тролль* в первом значении служит для названия провокатора в интернете, который пишет враждебные сообщения на форумах и происходит от английского слова *troll*, связанного с рыбалкой (Шагалова 2017, 460). Второе, более старое значение этого слова, пришло в русский язык из шведского *troll*, и обозначает «мифическое существо, обычно враждебное людям» (Крысин 2008, 796). Здесь мы видим удивительный случай, когда старая и новая семантика враждебности дополнили друг друга, и слово быстро прижилось в русском языке.

Англицизм *трап* (от англ. *trap*) имеет одно значение: «в стрелковом спорте — стрельба на прямоугольной площадке по мишеням, выбрасываемым из траншеи в случайном направлении» (Шагалова 2017, 449). Более старое нидерландское заимствование *трап* имеет в русском языке ряд ЛСВ. Этим словом может называться лестница на судне, передвижная лестница для выхода из самолета и посадки в него; в театре — лестница, ведущая в помещение под сценой.

Омофонами являются японское слово *манга* — «современный японский комикс или графическая повесть, представленная серией черно-белых (в редких случаях цветных) рисунков» и малайское *манго* — «растущее в тропиках смолистое дерево с ароматными сладкими плодами; плод этого дерева» (Толковый словарь Ушакова 2023), экзотический фрукт.

Последнее слово в группе является редким примером грамматической омонимии между двумя словами из английского и греческого языков. Название мессенджера Телеграм (от англ. *Telegramm*) совпадает по звучанию с формой множественного числа родительного падежа у греческого заимствования *телеграмма.*

Во вторую группу (малочисленную) мы включили такие слова, как *рок*, *сток*, *топик*. Все русские слова в этой группе заканчиваются на согласный в форме именительного падежа, что фонетически сближает их с иностранными языковыми единицами.

Англицизмом *рок* называют музыкальное направление, возникшее в 50-х годах XX века (от англ. *rock*). В устаревшем значении русского языка это слово равносильно понятию «судьба», употребляется в словосочетании «злой рок».

Слово *сток* обозначает магазин, где по сниженным ценам продают товары, оставшиеся от прошлых коллекций (от англ. *stock*). Русский омоним этого слова обозначает ‘1) только ед. действие по гл. стекать; течение по наклону откуда-нибудь; 2) Канава, труба, желоб или иное устройство, по которому стекает откуда-нибудь вода» (Шагалова 2017, 413).

 https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-106-112

Топик — русское суффиксальное образование от слова *топ* — легкая женская блузка без рукавов, часто на бретельках; женская короткая маечка (от слова *top* — ‘верх’). Оно созвучно англицизму *топик* — «предмет обсуждения, дискуссии; тематический раздел сайта», от английского слова *topic*.

Третья группа омонимов считается самой многочисленной. Она разделяется на две большие подгруппы: английские омофоны и английские омоформы.

Омофоны, пришедшие из английского языка, в русском становятся омоформами из-за транслитерации. В таких случаях два или три слова, которые в английском имели разное написание, в русском языке приобретают единую графическую и звуковую форму.

От слов *byte* (единица измерения информации) и *bite* (кусать) образовались два омонима «*байт*». В первом значении это единица измерения информации или памяти, равная 8 битам, во втором — «плагиат, повторение каких-либо действий кого-либо» (Словарь современной лексики, жаргона и слэнга 2023). Во втором случае слово «байт» послужило производящей базой для образования дериватов уже на русской почве: *сбайтить — украсть* элемент чужого творчества и стиля, *байтер* — плагиатчик (Что значит байтить… 2017). Например, про музыканта, который занимается плагиатом, могут сказать, что он «сбайтил» чужой стиль.

Аналогичной омонимической парой являются слова *down* и *dawn*, которые в русском языке пишутся как *даун*. В первом случае слово обозначает отрезок игрового времени в американском футболе, начинающийся снэпом и кончающийся остановкой игрока с мячом или неточным пасом вперед. Во втором случае слово служит для обозначения человека, страдающего синдромом дауна, с диагнозом (слово произошло от фамилии ученого, открывшего это заболевание, — Джон Лэнгдон Даун).

Графическую форму *кэш* приобрели сразу три английских омофона: *cash*, *kash* (от контаминации *king-kong* + *dash*) и *cache*. В первом случае *кэш* означает наличные деньги (противопоставление электронным), во втором — особый «прыжок в паркуре с опорой на руки и переносом ног в группировке с последующим их распрямлением и соскоком» (Шагалова 2017, 224): в природе во время прыжка обезъяны точно так же переносят вес на руки и группируют ноги в воздухе. В третьем случае этим словом обозначается «особый вид оперативной памяти в компьютере, выступающий в качестве буфера для хранения ранее считанных, но не переданных данных для их дальнейшей обработки, а также для хранения информации, к которой система обращается чаще всего» (Шагалова 2017, 224). В данном случае третье значение слова по смыслу связано с первым.

В графической оболочке «*фарминг*» в русский язык, как и в предыдущем случае, пришло слово — *farming* (*farm* заниматься сельским хозяйством) и одно слово, возникшее в результате языковой игры — *pharming* (= *phishing* «фишинг» + *farming* <farm заниматься сельским хозяйством). В первом случае данным словом обозначается выполнение однотипных в компьютерных играх действий с целью добычи ценных игровых трофеев. Во втором случае под этим словом понимается «разновидность мошенничества, состоящая в скрытном перенаправлении жертвы на ложный адрес в компьютерной сети (созданный мошенниками)» (Шагалова 2017, 475), куда посетители вводят свои персональные данные (данные паспорта, пин-код и т. д.).

Слово *pin* — штырь и аббревиатура *PIN* (*personal identification number*) перешли в русский язык под видом формы «*пин*». В первом случае слово обозначает «элемент секретного цилиндрового замка в виде подвижного стержня, который наряду с другими такими элементами помещается внутри цилиндра» (Шагалова 2017, 302); во втором — то же, что пин-код.

Еще одним примером созвучия обычного слова и аббревиатуры в английском является слово *хайп*. В первом случае оно происходит от слова hype и означает нарочито раздуваемый ажиотаж. Во втором случае источник омонима сокращение HYIP (*high yield investment program* — высокоприбыльная инвестиционная программа), под которым понимается «фонд, привлекающий инвестиции под высокие проценты и обычно функционирующий по принципу финансовой пирамиды» (Шагалова 2017, 511).

Слова *tracking* (от англ. *track* — следить, прослеживать) и *trekking* (от англ. *trek* — «делать большой переход») перешли в русский язык в виде слова «трекинг». Под этой графической оболочкой скрываются 4 значения, три из которых связаны друг с другом по смыслу, а последнее, четвертое, омонимично по отношению к трем лексико-семантическим вариантам. Ср.: *трекинг* — это «1) В компьютерных технологиях — определение местоположения и ориентации реального движущегося объекта (например, руки, головы или специального устройства) в виртуальной сфере; 2) Отслеживание почтовых отправлений через получение СМС-уведомлений по телефону или сообщений по электронной почте; 3) В полиграфии — пропорциональное

изменение межсловных и межбуквенных пробелов при неизменном формате набора от англ.; 4) Поход с максимально комфортными условиями проживания, питанием и высоким уровнем сопутствующего сервиса» (Шагалова 2017, 453).

Группа английских омоформ, пришедших в русский язык, представляется более многочисленной по сравнению с группой омофонов.

Среди омоформ присутствует неизменяемая группа слов типа *секси*, *офлайн*, *онлайн*, *нон-стоп*, которые могут быть либо наречием, либо неизменяемым прилагательным (или существительным). К примеру, слово *нон-стоп* в качестве наречия обозначает признак «непрерывно, без остановок». В качестве прилагательного оно имеет схожую семантику — «безостановочный, идущий без остановок, перерывов в течение длительного времени (о художественной или политической акции, демонстрации фильмов и т. п.)» (Шагалова 2017, 269), и употребляется в словосочетаниях типа «*режим нон-стоп*», «*музыка нон-стоп*».

Похожими свойствами обладают слова *онлайн* и *офлайн*. *Онлайн* — «1) сущ. Режим непосредственного подключения компьютера или др. устройства к сети, при котором связь между взаимодействующими системами не прерывается; 2) нареч. В режиме “онлайн”» (Шагалова 2017, 275). *Офлайн* — «1) сущ. Все, что существует, происходит вне интернета, без подключения к компьютерной сети; 2) нареч. В режиме “офлайн”» (Шагалова 2017, 279).

Основную массу заимствованных омоформ составляют английские омонимы, которые одинаковы по написанию, звучанию и части речи. Таковыми являются слова *копинг, пампинг, мис-мисс, кейс, скотч, спойлер, скин.*

Слово *копинг* имеет два значения: «1) Верхняя грань рампы — спортивного снаряда для скейтбординга или сноубординга (от англ. *cope* — крыть, покрывать); 2) В социологии, психологии — когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии, которые использует человек, чтобы справиться со стрессом, с запросами обыденной жизни (от англ. *cope* — преодолевать, справляться)» (Шагалова 2017, 196).

Мис — «в боулинге — положение, когда после двух ударов остаются несбитые кегли, от англ. *miss* — промахиваться» (Шагалова 2017, 258), в то время как *мисс* — обращение к незамужней женщине (от англ. *miss*).

Пампинг — «1) В серфинге, кайтинге, — раскачивание на волне мускульной силой при помощи специальных движений для набора скорости; 2) В бодибилдинге — многократное повторение физических упражнений с однообразными движениями, что вызывает у спортсмена ощущение распирания и уплотнения мышц (от англ. *pump* — качать); 3) то же, что и *пампинг-хаус* (от англ. *pumping*) — разновидность музыки» (Шагалова 2017, 284).

Кейс в первом значении — это «бизнес-ситуация из реальной практики предприятия, учреждения или фирмы, предлагаемая в качестве учебной задачи» (Шагалова 2017, 196). Происходит от английского слова *case* — случай и является фразеологически активной единицей, например *кейс-стади*, *метод кейсов*. Во втором значении этим словом называют «портфель в виде плоского чемоданчика; дипломат; дамскую сумочку в виде сундучка; бьюти-кейс» (Шагалова 2017, 196). Данные два значения произошли от английского *case* — сумка, сундук.

Спойлер в первом значении называет «элемент внешней конструкции автомобиля, улучшающий его аэродинамические свойства» (Шагалова 2017, 407), происходит от английского существительного *spoiler*. Во втором случае спойлером (от глагола to spoil — портить) называется «в кино, компьютерных играх, литературе — преждевременно раскрытая важная информация, которая портит впечатление от игры/книги/фильма и разрушает их интригу, а также лишает читателя некоторой части удовольствия от сюжета. Также, реже, — лицо, которое эту информацию преждевременно раскрыло» (Словарь современной лексики, жаргона и слэнга 2023).

В некоторых случаях в английском языке омонимы произошли вследствие сокращения сложных двухкоренных слов, при котором осталась одна из частей, которая совпадает по звучанию.

Например, так произошло со словом *саб* (от англ. *sub*). В первом случае это сокращение от слова *subwoofer*, означает мощный низкочастотный динамик (колонку с басами). Во втором случае слово появилось в результате сокращения названия сети ресторанов быстрого питания Сабвей (Subway) и стало означать сэндвичи, которые подают в этих закусочных.

Похожую картину мы наблюдаем со словом *джанкет*. В первом случае оно появилось в результате сокращения слова *джанкет-тур*, в значении «развлекательная поездка с посещением игорных заведений с частичной оплатой билетов, жилья, пропитания» (Шагалова 2017, 145). Во втором случае это слово имеет то же значение, что и пресс-джанкет — «встреча публичных лиц, связанных обычно участием в одном проекте, кинофестивале и т. п., с представителями СМИ» (Шагалова 2017, 311).

Сокращения мы видим и в слове *бластер*. В первом значении это «плазменное, лазерное

 https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-106-112

или энергетическое оружие в компьютерных играх, в фильмах и литературных произведениях в жанре фантастики; детская игрушка в виде такого оружия» (Шагалова 2017, 65), от английского *to blast* — взрывать, запускать ракету. Во втором значении это то же, что и звуковая карта, изначально сокращение от марки звуковых карт Soundblaster. Во втором случае произошла замена имени собственного (саундбластер) на наименование с нарицательного (звуковая карта), как в случае со словом «Памперсы», которое сначала служило названием одной торговой марки подгузников, а потом перешло на все подгузники в принципе.

Слово *скин* также имеет омонимичную пару с сокращением. В первом значении слово *скин* — сокращение от слова *скинхед* (бритоголовый). Так называют члена молодежной националистической группировки, атрибутами внешнего облика которой являются особый стиль одежды и бритые наголо головы. В то же время *скин* — это «оформление компьютерной программы или объекта компьютерной игры, осуществляемое по выбору пользователя» (Шагалова 2017, 375). Это слово произошло от английского *skin* — кожа.

При анализе заимствований, вступающих в отношения омонимии, выявились следующие закономерности:

1. Большинство заимствований-омонимов являются изменяемыми словами. Доля слов, не освоенных грамматически, невелика. Некоторые слова настолько хорошо прижились в языке, что стали образовывать деривативы с русскими морфемами, так называемые полукальки, например: *байт — байтить, сбайтить; тролль — троллить, спойлер — спойлерить, проспойлерить; хайп — хайпить, хайпануть.* В то же время написание некоторых заимствований в русском языке окончательно не устоялось, например *нон-стоп/нонстоп, оффлайн/офлайн, трекинг/треккинг.*
2. Большинство омонимических пар поступило в наш язык из английского в неизменном виде. Наблюдается существенно меньшее число омонимических пар, в которых иностранные слова вступают в отношения омонимии с русскими, или в которых имеются пары слов из различных языков.
3. Среди английских заимствований, которые перешли в русский язык, наблюдаются только омоформы и омофоны. Омографы практически не встречаются.
4. Мы встретили такие группы слов, в которых присутствуют омонимические отношения между заимствованными словами. Такое явление наблюдается в группе значений для слов *кейс, трак, трекинг, памперс, стоп.*

Список сокращений

ЛСВ — лексико-семантический вариант (слова)

List of Abbreviations

LSV — Lexico-semantic variant (of the word)

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

Будагов, Р. А. (2003) *Слово и его значение*. 2-е изд. М.: Добросвет-2000, 62 с.
Крысин, Л. П. (2008) *Толковый словарь иноязычных слов*. М.: Эксмо, 944 с.
Новиков, Л. А. (1982) *Семантика русского языка*. М.: Высшая школа, 272 с.
Словарь современной лексики, жаргона и сленга. (2023) *Академик*. [Электронный ресурс]. URL: https://argo.academic.ru/ (дата обращения 08.11.2023).
Толковый словарь Ушакова. (2023) *Gufo.me*. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/ushakov (дата обращения 08.11.2023).
Что значит байтить и кто такой байтер? Объясняем! (2017) *Bestcube*, 23 октября. [Электронный ресурс]. URL: https://bestcube.space/chto-oznachaet-bajt-i-bajtit (дата обращения 08.11.2023).
Шагалова, Е. Н. (2017) *Словарь новейших иностранных слов*. М.: АСТ-Пресс, 571 с.

References

Budagov, R. A. (2003) *Slovo i ego znachenie [The word and its meaning]*. 2nd ed. Moscow: Dobrosvet-2000 Publ., 62 p. (In Russian)

Chto znachit bajtit' i kto takoj bajter? Ob'yasnyaem! [What does it mean to byte and who is a byteer? Explained!]. (2017) *Bestcube*, 23 October. [Online]. Available at: https://bestcube.space/chto-oznachaet-bajt-i-bajtit (accessed 08.11.2023). (In Russian)

Krysin, L. P. (2008) *Tolkovyj slovar' inoyazychnykh slov [Explanatory dictionary of foreign words]*. Moscow: Eksmo Publ., 944 p. (In Russian)

Novikov, L. A. (1982) *Semantika russkogo yazyka [Semantics of the Russian language]*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 272 p. (In Russian)

Shagalova, E. N. (2017) *Slovar' novejshikh inostrannykh slov [Dictionary of the latest foreign words]*. Moscow: AST-Press, 571 p. (In Russian)

Slovar' sovremennoj leksiki, zhargona i slenga [Dictionary of modern vocabulary, jargon and slang]. (2023) *Akademik [Academic]*. [Online]. Available at: https://argo.academic.ru/ (accessed 08.11.2023). (In Russian)

Tolkovyj slovar' Ushakova [Ushakov's explanatory dictionary]. (2023) *Gufo.me*. [Online]. Available at: https://gufo.me/dict/ushakov (accessed 08.11.2023). (In Russian)

 https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-106-112

Check for updates

Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам

УДК 37.02

EDN NWRILY
https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-113-121

Особенности формирования дидактического полилингвизма в китайской и русской учебной аудитории: сопоставительный аспект

А. В. Хэкетт-Джонс [✉1], З. Н. Соколова [1], Е. А. Иваненко [1]

[1] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторах
Александра Валерьевна Хэкетт-Джонс, SPIN-код: 1661-2074, Scopus AuthorID: 57195559424, ORCID: 0000-0002-1880-4782, e-mail: avhackettjones@herzen.spb.ru

Зинаида Николаевна Соколова, SPIN-код: 7554-7833, e-mail: sokolovazn@herzen.spb.ru

Елена Анатольевна Иваненко, SPIN-код: 4127-1671, e-mail: ivanenkoea@herzen.spb.ru

Для цитирования: Хэкетт-Джонс, А. В., Соколова, З. Н., Иваненко, Е. А. (2023) Особенности формирования дидактического полилингвизма в китайской и русской учебной аудитории: сопоставительный аспект. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 2, с. 113–121. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-113-121 EDN NWRILY

Получена 2 октября 2023; прошла рецензирование 29 ноября 2023; принята 6 декабря 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. В. Хэкетт-Джонс, З. Н. Соколова, Е. А. Иваненко (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Актуальность данной статьи обусловлена повышенным вниманием к необходимости улучшения качества языкового образования китайских студентов в Российской Федерации, в связи с увеличивающимся спросом и продолжающимся укреплением связей между этими странами. Сравнительный опыт преподавания английского языка как второго иностранного в аудиториях, состоящих исключительно из китайских или из русскоязычных студентов, позволяет авторам статьи сделать выводы о культурно-специфических особенностях их когнитивно-познавательных стилей, а также культурно обусловленных подходах к организации учебного процесса и учебной коммуникации. Статья приводит аргументы в пользу тезиса о том, что этнотип учащегося является важной характеристикой процесса обучения, которая должна учитываться при планировании и выстраивании аудиторной и внеаудиторной деятельности учащихся преподавателем.

Для рассматриваемых в статье ситуаций формирования учебного полилингвизма принципиальное значение имеет тот факт, что английский язык преподается студентам как второй иностранный (в качестве первого иностранного китайские студенты изучают русский, а русские студенты — языки разных языковых семей). Описывая особенности процесса овладения вторым иностранным языком в русскоязычных и китайских группах, авторы приходят к выводу о невозможности применения к ним идентичных подходов, а также о необходимости моделирования такого учебного процесса, в котором лингвометодическая поддержка учащихся осуществляется с учетом как указанных особенностей, так и рассматриваемых в статье коренных лингвокультурных различий между китайскими и русскими группами. Статья обращает отдельное внимание на характерные сложности, возникающие в ситуациях дидактического полилингвизма в процессе обучения китайских и русских студентов, и предлагает некоторые пути для их преодоления, а также дает ряд методических рекомендаций относительно наиболее эффективных методов работы в таких группах.

Ключевые слова: дидактический полилингвизм, обучение английскому языку, второй иностранный язык, лингвометодическая поддержка, учебно-когнитивный стиль, этнотип, трансфер навыков

Building a multilingual classroom for Chinese and Russian students: Comparative issues

A. V. Hackett-Jones [✉1], Z. N. Sokolova [1], E. A. Ivanenko [1]

[1] Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Authors
Aleksandra V. Hackett-Jones,
SPIN: 1661-2074,
Scopus AuthorID: 57195559424,
ORCID: 0000-0002-1880-4782,
e-mail: avhackettjones@herzen.spb.ru

Zinaida N. Sokolova,
SPIN: 7554-7833,
e-mail: sokolovazn@herzen.spb.ru

Elena A. Ivanenko, SPIN: 4127-1671,
e-mail: ivanenkoea@herzen.spb.ru

For citation: Hackett-Jones, A. V., Sokolova, Z. N., Ivanenko, E. A. (2023) Building a multilingual classroom for Chinese and Russian students: Comparative issues. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 2, pp. 113–121. https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-113-121
EDN NWRILY

Received 2 October 2023; reviewed 29 November 2023; accepted 6 December 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. V. Hackett-Jones, Z. N. Sokolova, E. A. Ivanenko (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The subject of this article is made relevant by an ever growing attention given to the necessity to improve the quality of language instruction of Chinese students who come to study in the Russian Federation, which is due to the increasing demand and an ongoing strengthening of the mutual exchange and cooperation between the two countries. The personal experience collected by the authors of this article in teaching English as a second foreign language to both exclusively Russian and exclusively Chinese groups of students, allows them to draw several important conclusions regarding the specific cultural features of the students' cognitive and learning styles, as well as culturally predisposed approaches to organizing their study process and various aspects of academic communication. The article suggests that the so-called "ethnotype" should be viewed as an important characteristic of an educational process and taken into account by the teacher when planning and implementing both classroom activities and independent study.
The situations of classroom multilingualism considered in this article are characterized by the critical feature of English being taught and acquired as a second foreign language (after Russian for Chinese students, and a variety of language families for Russians). When describing the specific nature of these processes in Chinese groups as compared to their Russian counterparts, the authors of the article insist that identical approaches should not be applied to both groups and, when applied, fail to deliver the results required. The article relates the main factors slowing down the effectiveness of educational development and proposes several ways to overcome them and to provide a more conducive learning environment, including scaffolded learning, targeted specifically at Chinese or Russian speakers based on their fundamental cultural and linguistic differences.

Keywords: didactic multilingualism, ELT, second foreign language, scaffolded learning, cognitive and learning style, ethnotype, skills transfer

Введение

В Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена накоплен обширный опыт работы с китайскими студентами, обучающимися на факультете русского языка как иностранного (РКИ). В качестве основного иностранного языка такие студенты изучают русский, в качестве второго иностранного — английский, что создает интересную и достаточно специфическую картину учебного (дидактического) полилингвизма, кардинально отличающуюся от ситуации полилингвизма, в которой оказываются русские студенты, изучающие английский язык как второй иностранный. Современные международные исследования в области полилингвизма дают богатую почву для интерпретации различий в процессе обучения русскоязычной и китайской аудитории второму иностранному языку, а также для размышлений относительно оптимальных методов организации учебного процесса, выстроенного с учетом такой специфики. Настоящее исследование ставит своей целью определение ключевых направлений на пути создания оптимальной образовательной среды для китайских и русских студентов, изучающих английский язык как второй иностранный. Преследуя эту цель, авторы предпринимают попытку решения трех базовых задач, таких как выявление основных ценностных различий между указанными учебными культурами, обсуждение целесообразности учета этнотипа учащегося в процессе обучения, а также потенциала «скаффолдинга», или метода лингвометодических опор, для формирования дидактической билингвальности.

Ценностные различия учебной аудитории в России и Китае

Основные различия русской и китайской учебной аудитории в своей основе базируются на различиях культур — включая учебную культуру — отличающих китайского студента от русского в самом общем смысле.

Ниже рассмотрены основные китайские ценности в образовательной среде, почерпнутые из исследований теоретиков и обобщений практиков в их корреляции с эквивалентными ценностями родных носителей русского языка. При составлении данной выборки предпочтение было отдано тем ценностям, практическая реализация которых оказывает непосредственное воздействие на учебное поведение в контексте именно языкового образования.

Особенности освоения материала и характер коммуникации в учебной среде

Китайская система образования ставит перед учащимися необходимость осваивать большое количество учебного материала, формирующую за годы обучения (на всех уровнях) устойчивую привычку — причем иностранные языки в данном случае исключения не составляют. Для реализации этих целей широко используются в значительной мере утратившие популярность в западных образовательных ценностных системах методы заучивания наизусть и зазубривания. Указанные методы освоения материала не дискредитируют себя и не теряют актуальности в связи с тем, что основным способом проверки сформированных компетенций является тестирование, в ходе которого учащиеся воспроизводят усвоенные ранее стандартизированные ответы на ограниченный круг вопросов.

Как отмечают Е. Ю. Кошелева, И. Я. Пак и Э. Чернобильски, в традиционном понимании китайское образование — это «процесс аккумулирования знаний, а не их конструирования и использования в непосредственном опыте» (Кошелева и др. 2014, 169). В целом в китайской системе языкового образования письменная коммуникация преобладает над устной — как при самостоятельной, так и в аудиторной работе в фокусе остается написание текстов. Устная коммуникация в аудитории также сводится к воспроизведению готового заранее заученного ответа или «да/нет».

В русскоязычной среде, напротив, несмотря на необходимость освоения большого количества учебного материала в рамках теоретических дисциплин, на практических занятиях (особенно языковых) преобладающими факторами являются упор на усвоение рабочих моделей, их практическое применение, воспроизведение языковых образцов и паттернов. На аудиторных занятиях наиболее популярными остаются коммуникативные методики, они же ложатся в основу заданий для самостоятельной работы, наряду с видами деятельности, подразумевающими аналитические методы обработки текстов.

Формализованность образовательного процесса

Как отмечает А. Б. Антонова, переход к коммуникативному методу в обучении английскому языку произошел в Китае только в последние два десятилетия и был зафиксирован законодательно. Формализованность процесса обучения сохраняется на всех уровнях образования. Даже в высших учебных заведениях, и тем более в школах, преподаватели не имеют свободы в выборе учебных материалов для своих дисциплин; каждый аспект образовательной деятельности — от учебных пособий до тем для обсуждения — принят централизованно и обязателен к исполнению. В связи с этим ключевым при планировании учебного процесса является именно соответствие учебным планам, одобренным правительственными структурами (Антонова 2017, 74). Данная модель оправдывает себя в условиях, где основным способом оценки качества образования и уровня сформированности компетенций является проведение тестирований, о чем уже было сказано выше.

В отечественной образовательной среде, безусловно, нельзя говорить об отсутствии стандартизированных процедур, обеспечивающих единство сформированности компетенций учащихся в различных учебных заведениях и последовательность качественного воспроизведения профессиональных кадров. Тем не менее, в сравнении с китайской системой, нельзя не отметить, что, при всей необходимости следования программам, определяемым федеральными государственными стандартами, а также методическим рекомендациям по заданным дисциплинам, у представителей профессорско-преподавательской среды остается достаточно пространства для свободы в выборе оптимального подхода к организации образовательного процесса с учетом особенностей отдельно взятого коллектива студентов и для возможности реализации индивидуального подхода к учащемуся.

Авторитет преподавателя

Авторитет преподавателя в китайской среде непререкаем, а его компетентность безусловна

(Валеева 2022, 136). Данный параметр имеет двойственный эффект: с одной стороны, так высоко воспринимаемая ценность самой роли преподавателя должна мотивировать наилучшим образом следовать всем предъявляемым им требованиям, с другой стороны, такой фактор препятствует самовыражению, развитию любознательности учащихся и росту их познавательных навыков. Русские преподаватели, впервые столкнувшись с китайскими студентами, отмечают отсутствие вопросов, задаваемых ими в ходе аудиторной работы. Фактически диалог с преподавателем, не говоря уже о споре или дискуссии, осуществляемых в учебных целях, неприемлем с точки зрения поведенческих привычек и культурных ценностей, поскольку в их понимании обучающий и обучающийся стоят на разных иерархических ступенях общества вообще и образовательной системы в частности. В связи с этим у учащихся отсутствует навык выражения и аргументированной защиты своего мнения, и в случае, когда преподаватель ставит перед ними такие задачи, они испытывают и внешние затруднения, и внутренний дискомфорт.

Сопоставление указанного выше ценностного параметра с российской ситуацией высвечивает его двойственность. Отечественные коллеги, особенно старшего поколения (помнящие «советскую дисциплину»), часто сетуют на падение авторитета преподавателя в глазах студента. В соответствии с новой культурной парадигмой, во многом сформированной западными либеральными течениями мысли, непререкаемый авторитет преподавателя больше не является данностью — его надо сначала заслужить. С позиций осуществляющего педагогическую деятельность специалиста, этот фактор может стать источником фрустрации и служить дополнительным барьером в коммуникации преподавателя и студента, однако с точки зрения учебных целей он может иметь чрезвычайно важный позитивный эффект: студенты ставят предлагаемый им материал под сомнение, задают вопросы, глубже самостоятельно изучают заинтересовавшие их темы, что повышает их любознательность, мотивацию и, как следствие, уровень сформированных знаний и навыков.

Столкновение культур в ситуации реального взаимодействия

В исследовании Рао Чюньсюя, профессора одного из пекинских университетов, был тщательно изучен опыт носителей английского языка, преподававших в Китае, в частности, в фокусе внимания исследователя оказался сам характер взаимодействия преподавателей — носителей языка с учащимися, изучающими английский язык как неродной. Основными факторами, осложняющими такое взаимодействие, были признаны следующие:

- отсутствие чувствительности к языковым проблемам обучающихся;
- расхождение между методами подачи и освоения материала;
- незнание местной культуры и образовательной системы (Rao 2008).

Даже беглый взгляд на перечисленные факторы позволяет увидеть, что ответственность за учебные неудачи в изученном взаимодействии ученый (сам китаец по происхождению) возлагает на обучающего (именно он нечувствителен к языковым проблемам студентов, не способен адаптировать свой стиль обучения под стиль освоения материала учащихся и именно он не знаком с местной культурой). Безусловно, преподаватель, приезжающий работать на «чужую» территорию, фактически вторгается в сферу действия чужих законов жизни, определяющих в том числе и коммуникацию в учебной среде. Продолжая ту же логику, в ситуации дидактического полилингвизма, в которой оказываются китайские учащиеся, получающие высшее образование в российском вузе, ответственность равным образом распределяется между учащимся и обучающим. Перекладывать основную часть ответственности на обучающихся не представляется рациональным в связи с неравноценностью ролей, которую преподаватель и учащийся играют в учебном процессе.

Еще один интересный вывод, к которому пришел автор описанного выше исследования, состоит в том, что большинство китайских студентов считает проблемой отсутствие у преподавателя по английскому языку основ владения китайским языком. Как уже было сказано ранее, необходимо учитывать, что сам автор работы, Рао Чюньсюй, является носителем той же ментальной и языковой картины мира, что и исследованные обучающиеся, и предложенный им выход из данной проблемы многое говорит о культуре Китая. Исследователь предлагает два возможных решения: овладение преподавателем по английскому языку китайским языком или совместная работа преподавателя по английскому языку с китайским коллегой, способным выступить в учебной аудитории посредником и переводчиком между двумя культурами.

Сходные наблюдения были установлены и при проведении анкетирования для получения

 https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-113-121

обратной связи на факультете РКИ Герценовского университета в июне 2023 года. В опросе приняли участие 50 китайских студентов, изучающих английский как второй иностранный (после русского). На вопрос, должен ли преподаватель английского языка, работающий в аудитории китайских студентов, владеть китайским, подавляющее большинство ответили утвердительно и согласились с тезисом о том, что это оказало бы положительное влияние на процесс овладения ими новыми знаниями и умениями на английском языке.

Данный подход радикально отличается от сложившегося в русскоязычной аудитории убеждения о пользе языкового погружения, в ситуации которого использование в своей практике преподавателем английского языка родного для учащихся языка является нежелательным явлением, замедляющим формирование навыков. Необходимость использовать исключительно иностранный язык (как, например, на занятиях с преподавателем-носителем) моделирует ситуацию реального общения в стране изучаемого языка, позволяет актуализировать все имеющиеся навыки, даже частично сформированные, и создает дополнительную мотивацию для процесса освоения языка, стимулируя поиск новых решений для преодоления сложностей, возникающих в режиме реального времени.

Значимость культурных параметров для ситуации дидактического полилингвизма

Незнание культурных параметров препятствует плодотворной совместной работе преподавателя и студента. У преподавателя, оценивающего китайского студента с позиций привычной ему культуры, включая культуру учебную, формируется искаженное представление о некой неполноценности китайского студента, вследствие его неспособности следовать привычным для русскоязычной аудитории методам изучения иностранного языка. У студентов, в свою очередь, эти непривычные, к тому же противоречащие их коренным ценностям методы вызывают неприятие и внутреннее сопротивление, что может замедлить или даже остановить процесс освоения нового материала и формирования у учащихся новых умений и навыков. Кроме того, как отмечают в своем исследовании Е. Чигирин, В. Фролова, Л. Витрук и Т. Чигирина, непосредственно учебные сложности возникают у иностранных студентов на фоне затрудненной межличностной коммуникации и информационной перегрузки от новых социокультурных и образовательных условий (Chigirin et al. 2021, 144).

Еще одно интересное и очень справедливое замечание в этой связи делает в своей работе, посвященной восприятию китайскими студентами процесса обучения английскому языка, профессор Австралийского университета Маккуори Й. Фан: сложности китайских учащихся при изучении английского языка за рубежом подробно изучены в западной литературе и связываются большинством исследователей с академическим бэкграундом студентов («prior teaching and learning styles», т. е. их предшествующий опыт в отношении стилей преподавания и освоения материала), при этом восприятие самими китайскими учащимися западных методов обучения, а также воздействие таких методов на их ценностные установки и трансформации этих установок после опыта пребывания в другом культурном контексте, практически не изучены (Fan 2019, 141).

Необходимо осознавать, уже на ранних стадиях погружения в проблематику культурно-специфических различий в процессе формирования дидактического полилингвизма, что различия между китайской и русской системами организации учебного процесса затрагивают все его уровни и выражаются не только в особенностях освоения учебного материала студентами, но и накладывают свой отпечаток на различные аспекты их учебного поведения — от коммуникации в русле аудиторных и онлайн-занятий до организации самостоятельной учебной деятельности.

Этнотип как фактор организации учебного процесса

Ввиду вышесказанного становится очевидным, что те методы, которые зарекомендовали себя как наиболее эффективные в работе с русскими студентами, не могут применяться в аналогичной форме в работе с китайскоязычной аудиторией. В зависимости от конкретной дидактической ситуации такие методы, как открытые вопросы, коммуникативные упражнения по типу составления диалогов или монологических высказываний, решение коммуникативных задач творческого характера, ролевые игры, учебные дискуссии и многие другие, не могут применяться вообще либо требуют существенных модификаций.

Данный тезис может быть подкреплен интересными наблюдениями, зафиксированными в диссертационном исследовании И. Е. Бобрышевой, предложившей использовать понятие «стиля учебно-познавательной деятельности этнотипа учащихся в овладении русским/иностранным языком» (Бобрышева 2004, 21). Взяв

условную оппозицию этнотипов «Европа» и «Дальний Восток», автор провела масштабное анкетирование 1000 студентов Западной Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона и пришла к выводам о специфических различиях в характере познавательной деятельности для выходцев из этих регионов, что позволило сделать следующие методические рекомендации с учетом этнотипов: для Дальнего Востока (куда автор относит и Китай) наиболее эффективными стратегиями является опора на текст, письменная фиксация, перевод, имитация, аналогия, обзор и некоторые другие; для Западной Европы (к которой условно мы приближаемся в рамках языкового образования) — анализ, работа с контекстом, сравнение, дедуктивные рассуждения (Бобрышева 2004, 28–29).

Лингвометодические опоры в обучении второму иностранному языку в китайской и русской аудитории

Особенности процесса обучения второму иностранному языку — уникальная проблематика, ставшая предметом исследования для многих отечественных специалистов в области методики обучения иностранным языкам: Н. В. Баграмова, Н. В. Барышников, И. Л. Бим, Н. Д. Гальскова, Б. А. Лапидус, А. В. Щепилова и др. Интерес к данной теме обусловлен тем, что процессы обучения второму иностранному языку и его освоения имеют ряд специфических характеристик, учет которых необходим для выстраивания такого учебного контекста, который способствует созданию оптимальных условий для эффективного формирования дидактического полилингвизма.

Чтобы обострить актуальность настоящей дискуссии, обратимся к двум ведущим факторам, которые, по мнению эксперта в области обучения второму иностранному языку и формирования полилингвальной личности Н. В. Баграмовой, могут положительно влиять на процесс обучения второму иностранному языку: это 1) генетическая близость соизучаемых языков и 2) более высокий уровень сформированности всех навыков на момент начала изучения второго иностранного языка (по сравнению с первым иностранным) (Баграмова 2020, 482). Если к русским студентам, изучающим английский язык после другого германского языка («после» здесь справедливо и в хронологическом отношении), данные замечания более чем применимы, то в отношении китайских учащихся реализация обоих факторов практически невыполнима. С одной стороны, русский, китайский и английский язык не обладают сходствами, которые могло бы обеспечить им генетическое родство; с другой стороны, соизучение английского и русского языка у китайских студентов в России хронологически нарушено и непоследовательно: многие из них приезжают из Китая с опытом изучения английского языка, но с нулевым знанием русского, либо так же, как и русский язык, они начинают изучать английский язык с нуля уже в российском вузе.

Представляется, что преодоление многочисленных сложностей, с которыми учащиеся сталкиваются именно в той связи, что изучаемый язык является для них вторым иностранным, нацелено на компенсацию всех тех дефицитов, которые характерны для обучения второму иностранному языку даже на профильных направлениях в языковых вузах — дефицит аудиторных и внеаудиторных часов, дефицит общей продолжительности изучения языка, дефицит реальной языковой практики, дефицит дисциплин, необходимых для комплексного лингвокультурного образования и т. д. В случае работы с китайскими студентами данный список может быть пополнен и другими факторами, связанными с коренными культурными расхождениями участников образовательного процесса, описанными выше. Увеличение количества факторов, затрудняющих формирование иноязычной компетентности, таким образом, требует поиска дополнительных способов их преодоления.

Наиболее перспективным методическим направлением в западных исследованиях, посвященных преодолению барьеров в формировании полилингвизма, является метод опор, обозначаемый на английском языке словом scaffolding (буквально «возведение строительных лесов»). «Метод опор» представляется удачным наименованием, несмотря на ложные ассоциации со сложившимся в отечественной методике термином «учебная опора», подразумевающим конкретный вербальный или визуальный прием поддержки учащегося в осуществлении конкретного учебного задания. Скаффолдинг, или «метод строительных лесов», в свою очередь, является системой лингвометодической поддержки, выросшей из психологических исследований Дж. Брунера, опиравшегося на труды Л. С. Выготского об опоре на зону ближайшего развития. По сути, процесс обучения с позиций «метода строительных лесов» можно метафорически представить как возведение дома, в ходе которого (по мере формирования компетенций учащихся) постепенно убираются все новые и новые «леса», без опоры на которые процесс

 https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-2-113-121

был бы невозможен на ранних стадиях. При этом источниками поддержки здесь могут быть и преподаватель, и другие участники учебного процесса, и работа в тандемах с более слабыми учащимися, и внутренние ресурсы обучающегося.

Как уже было сказано выше, ассоциация с «опорами», как они понимаются в отечественной трактовке, не нарушает хода нашей логики, поскольку опоры как конкретные средства дополнительной поддержки учащихся также применимы для китайской аудитории. Таким студентам еще в большей степени, чем русскоязычным, необходимы многочисленные «опоры» на привычные им — вследствие их культурного и образовательного бэкграунда — обучающие средства: например, на текст (для таких заданий как резюмирование, ответы на вопросы и т. д.) или на образец (для имитирования или даже заучивания).

С точки зрения психологических исследований методология скаффолдинга созвучна теории поэтапного формирования умственных действий и понятий, разработанной П. Я. Гальпериным. В этой связи интересно обратиться к вопросу, поставленному А. И. Подольским относительно крайне ограниченного применения данной теории к практике обучения. Проанализировав масштабный пласт отечественных и зарубежных работ, ученый приходит к следующему выводу: несмотря на то, что формирование умственных действий и понятий само по себе составляет важную цель обучения, теория поэтапного их формирования не является теорией обучения и требует от педагога глубинной работы по наполнению реального процесса обучения реальным содержанием — с учетом указанной общепсихологической теории. «Творческое психологическое моделирование конкретной ситуации» обучения является ключом к эффективной актуализации положений этой теории (Подольский 2017, 12), о чем и свидетельствует практика применения скаффолдинга.

Однако нельзя говорить о процессе обучения второму иностранному языку исключительно в контексте дополнительных осложняющих факторов. По сравнению с изучением первого иностранного языка, освоение второго иностранного языка обладает и рядом преимуществ, таких как учебный трансфер навыков при формировании дидактического полилингвизма, о чем, в частности, подробно писали такие исследователи, как Н. В. Баграмова (в особенности о переносе учебных навыков и умений, приобретенных учащимся в процессе овладения родным и первым иностранным языком) и И. Л. Бим (распространившая перенос собственно учебных навыков на уровни речемыслительной, языковой и социокультурной деятельности).

Поскольку учет особенностей первого иностранного языка и сформированных на нем навыков имеет критическое значение для эффективности обучения второму иностранному языку, ситуация дидактического полилингвизма, в которой преподаватель владеет первым иностранным языком, изучаемым студентами, имеет безусловные преимущества. Ситуация полилингвизма, где преподаватель — носитель русского языка преподает английский язык как второй китайским студентам, изучающим русский язык как первый иностранный, соответствует данному описанию. Однако в аудитории русских студентов, специализирующихся на любом языке от финского до арабского, в большинстве случаев преподаватель не владеет первым иностранным языком обучающихся и не может отталкиваться от сформированных ими компетенций на первом иностранном языке при методической разработке собственного курса.

Выводы

Перечисленные выше доводы подводят нас к осознанию необходимости реализации нескольких важнейших шагов на пути к формированию оптимальной среды для дидактического полилингвизма в указанных сочетаниях языков и культур.

Во-первых, становится очевидной необходимость проведения «инструктажа», то есть базового информирования преподавателей перед началом их работы в китайской аудитории, относительно культурных норм и ценностей обучающихся, отличий в их подходах к освоению материала, к ведению учебной коммуникации и организации учебного процесса. Наличие многолетнего опыта преподавания аналогичных дисциплин в русской аудитории может в данном случае не только не помочь, но и препятствовать эффективному взаимодействию преподавателя с китайскими студентами в силу коренных различий в осуществлении когнитивно-познавательной деятельности между китайскими и русскими студентами и культурно-специфическими особенностями в их выборе наиболее действенных для себя учебных стратегий.

Во-вторых, недооцененной представляется важность учета этнотипа учащегося при планировании учебного процесса, разработке заданий для аудиторной и самостоятельной работы, а также выстраивании взаимоотношений «учащийся — педагог».

В-третьих, в одинаковой мере и в русских, и в китайских аудиториях при обучении второму иностранному языку должны задействоваться опоры всех уровней, что может компенсировать не только отсутствие сформированных собственно языковых компетенций, но и слабых и даже отсутствующих учебных и коммуникативных навыков.

Заключение

Ввиду текущей международной обстановки наблюдается еще большее сближение с Китаем и интерес к двустороннему сотрудничеству и обмену, поэтому вопросы разработки и интеграции наиболее эффективных методов работы с китайскими студентами актуальны как никогда. Одновременно с этим ошибочно предполагать, что перенос методик, многократно опробованных и доказавших свою эффективность в русскоязычной аудитории, произведет идентичный или хотя бы сходный эффект на аудиторию китайских студентов.

Учебное поведение и способы работы с учебным материалом также являются по своей природе социокультурной нормой, которую человек впитывает вместе с другими элементами культурной среды, в которой воспитывается. По сути, это часть культурного кода индивидуума, который нужно не «переламывать», а, напротив, воспринимать как отправную точку и платформу для более эффективного задействования потенциала учащегося в выборе оптимальных способов формирования у них полилингвальной компетенции.

Список сокращений

Факультет РКИ — факультет русского языка как иностранного

List of Abbreviations

The department of RFL — the department of Russian as a foreign language

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Все авторы внесли равнозначный вклад в сбор материалов, разработку темы, обобщение проанализированных данных и изложение собственных практических наблюдений, послуживших основой для данной статьи.

Author Contributions

All the authors made an equal contribution to the collection of materials, the development of the topic, the generalization of the analyzed data and the presentation of their own practical observations, which served as the basis for this article.

Литература

Антонова, А. Б. (2017) Современные тенденции в обучении китайских школьников и студентов английскому языку как иностранному в образовательных учреждениях России и Китая. *Российско-китайские исследования*, т. 1, № 1, с. 72–79.

Баграмова, Н. В. (2020) О роли методики обучения второму иностранному языку в формировании полилингвальной личности. В кн.: Т. И. Воронцова (ред.). *Герценовские чтения. Иностранные языки*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 481–484.

Бобрышева, И. Е. (2004) *Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному. Автореферат диссертации на соискание степени доктора педагогических наук*. М., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 46 с.

Валеева, Р. С. (2022) Особенности обучения английскому языку китайских студентов. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, № 10-1 (73), с. 136–139. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-10-1-136-139

Кошелева, Е. Ю., Пак, И. Я., Чернобильски, Э. (2014) Этнопсихологические особенности модели обучения китайских студентов. *Научное обозрение. Педагогические науки*, № 1, с. 169–170.

Подольский, А. И. (2017) Научное наследие П. Я. Гальперина и вызовы XXI века. *Национальный психологический журнал*, № 3 (27), с. 9–20. https://doi.org/10.11621/npj.2017.0303

Chigirin, E., Frolova, V., Vitruk, L., Chigirina, T. (2021) Teaching English to Chinese Master's Degree students at a non-linguistic university in Russia. *IJAEDU — International E-Journal of Advances in Education*, vol. VII, no. 20, pp. 142–149. https://doi.org/10.18768/ijaedu.972847

Fan, J. (2019) Chinese ESL learners' perceptions of English language teaching and learning in Australia. *English Language Teaching*, vol. 12, no. 7, pp. 139–152. https://doi.org/10.5539/elt.v12n7p139
Rao, Zh. (2008) Reflecting on native-English-speaking teachers in China. *TESOL Journal*, vol. 5, no. 1, pp. 23–26.

References

Antonova, A. B. (2017) Sovremennye tendentsii v obuchenii kitajskikh shkol'nikov i studentov anglijskomu yazyku kak inostrannomu v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Rossii i Kitaya [Modern trends in teaching Chinese students English as a foreign language in educational institutions of Russia and China]. *Rossijsko-kitajskie issledovaniya — Russian and Chinese Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 72–79. (In Russian)
Bagramova, N. V. (2020) O roli metodiki obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku v formirovanii polilingval'noj lichnosti [Methods of the second foreign language teaching as a scientific proof in support of developing multilinguism]. In: T. I. Vorontsova (ed.). *Gertsenovskie chteniya. Inostrannye yazyki [Herzen's readings. Foreign languages]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 481–484. (In Russian)
Bobrysheva, I. E. (2004) *Kul'turno-tipologicheskie stili uchebno-poznavatel'noj deyatel'nosti inostrannykh uchashchikhsya v metodike obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Cultural and typological styles of learning and cognitive activities of foreign students in the methodology of teaching Russian as a foreign language]. Extended abstract of PhD dissertation (Pedagogy)*. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute Publ., 46 p. (In Russian)
Chigirin, E., Frolova, V., Vitruk, L., Chigirina, T. (2021) Teaching English to Chinese Master's Degree students at a non-linguistic university in Russia. *IJAEDU — International E-Journal of Advances in Education*, vol. VII, no. 20, pp. 142–149. https://doi.org/10.18768/ijaedu.972847 (In English)
Fan, J. (2019) Chinese ESL learners' perceptions of English language teaching and learning in Australia. *English Language Teaching*, vol. 12, no. 7, pp. 139–152. https://doi.org/10.5539/elt.v12n7p139 (In English)
Kosheleva, E. Y., Pak, I. Y., Chernobilsky, E. (2014) Etnopsikhologicheskie osobennosti modeli obucheniya kitajskikh studentov [Ethno-psychological peculiarities of Chinese students's learning style]. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki — Science Review. Pedagogical Science*, no. 1, pp. 169–170. (In Russian)
Podolsky, A. I. (2017) Nauchnoe nasledie P. Ya. Gal'perina i vyzovy XXI veka [Scientific legacy of P. Ya. Galperin and the challenges of the 21st century]. *Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal — National Psychological Journal*, no. 3 (27), pp. 9–20. https://doi.org/10.11621/npj.2017.0303 (In Russian)
Rao, Zh. (2008) Reflecting on native-English-speaking teachers in China. *TESOL Journal*, vol. 5, no. 1, pp. 23–26. (In English)
Valeeva, R. S. (2022) Osobennosti obucheniya anglijskomu yazyku kitajskikh studentov [Teaching English to Chinese students]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk — International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 10-1 (73), pp. 136–139. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-10-1-136-139 (In Russian)